ВХ

П. Беренскій.

Архимандритъ о. Павелъ

(ПРУССКІЙ)

И ЕГО ПРОТИВОРАСКОЛЬНИЧЬЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ.

Изданіе журнала „Миссіонерское Обозрѣніе“.

Кіевъ.
Типографія И. И. Чоколова, Фундуклеевская улица, домъ № 22.
1899.

Н. Беренскій.

ВХ
505

Архимандритъ о. Павелъ

(ПРУССКІЙ)

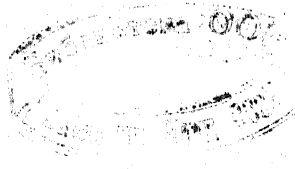
И ЕГО ПРОТИВОРАСКОЛЬНИЧЬЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ.

Изданіе журнала „Миссіонерское Обозрѣніе“.

Кіевъ.
Типографія И. И. Чоколова, Фундуклеевская улица, домъ № 22.
1899.

1г

Отъ Кіевскаго духовнаго цензурнаго Комитета печатать дозволяется
Кіевъ, 11 Декабря 1898 года.
Цензоръ, Доцентъ Академіи, Священникъ *Ѳ. Титовъ.*



С 39
37

Архимандритъ о. Павелъ (Прусскій) и его противораскольничья дѣятельность.

I.

„Обратитеся ко Мнѣ, глаголетъ Господь силъ, и обращуся къ вамъ“ (Зах. I, 3).

„Се стою при дверехъ и толку: аще кто услышитъ гласъ Мой, и отверзетъ двери, вниду къ нему, и вечеряю съ нимъ, и той со Мною“ (Апок. 3, 20).

О. Павелъ Прусскій [1]), нѣкогда знаменитый раскольничій-безпоповскій наставникъ, впослѣдствіи же вѣрный сынъ православной Церкви и усерднѣйшій обличитель раскольничьей неправды, родился въ г. Сызрани (Симбирск. губ.), 19 января 1819 года. Родился онъ почти мертвымъ: повивальная бабка едва примѣтила признаки жизни и приняла искусственныя мѣры къ его оживленію [2]). 21 января совершилось крещеніе новорожденнаго младенца въ православной Церкви и нареченъ онъ былъ Петромъ. Этимъ священнымъ актомъ и окончилась связь новорожденнаго съ православной Церковію: отецъ его—Иванъ Ледневъ хотя оффиціально, по метрическимъ книгамъ, считался православнымъ, но въ дѣйствительности былъ послѣдователемъ ѳедосѣевскаго раскола. По его убѣжденію, въ эту секту перешла и жена его,—до тѣхъ поръ бывшая послѣдовательницею бѣглопоповскаго согласія. Въ воззрѣніяхъ ѳедосѣевства былъ, конечно, воспитанъ и новорожденный Петръ.

Обстановка, въ которой проходили дѣтскіе годы Петра и закладывался фундаментъ его духовнаго развитія и религіозныхъ воз-

---

[1]) Прусскимъ прозванъ онъ потому, что до присоединенія своего къ православной Церкви (25 февраля 1868 г.), довольно долгое время прожилъ въ Пруссіи въ званіи настоятеля имъ-же самимъ основаннаго тамъ небольшого безпоповскаго монастыря.

[2]) „Воспоминанія о. Павла“, Братск. Слово, 93 г. I, 361.

зрѣній, носила приблизительно такой характеръ. Какъ извѣстно, одна изъ основныхъ чертъ въ характерѣ нашего раскола—это необыкновенная преданность своимъ религіознымъ воззрѣніямъ, соединенная съ крайнею нетерпимостью по отношенію къ послѣдователямъ иныхъ религіозныхъ убѣжденій. При этомъ, если къ своимъ собратьямъ,—послѣдователямъ хотя раскола, но принадлежащимъ къ инымъ толкамъ, раскольники относятся высокомѣрно и презрительно, то къ послѣдователямъ православной Церкви—съ крайней ненавистью. Причину послѣдняго явленія отгадать, конечно, не трудно, если обратить вниманіе, съ одной стороны, на то, въ какомъ ужаснѣйшемъ видѣ представляется раскольникамъ православная Церковь, а съ другой—на то, что со стороны служителей послѣдней раскольники наиболѣе основательно обличаются въ ложности своихъ воззрѣній и безсиліе раскольниковъ въ борьбѣ съ православіемъ не говоритъ имъ однако о внутренней несостоятельности ихъ вѣроученія. Приписывая всю силу обличенія со стороны православной Церкви силѣ антихриста [1]), раскольники, за малымъ, конечно, исключеніемъ, только лишь болѣе ожесточаются противъ православной Церкви и ненависть ихъ къ ней еще болѣе увеличивается, особенно въ женщинахъ. Живя болѣе чувствомъ, онѣ развиваютъ ненависть до крайней степени и стараются привить ее и дѣтямъ своимъ. Всѣхъ членовъ, а въ особенности служителей православной Церкви называютъ у нихъ не иначе, какъ еретиками, антихристовыми слугами, щепотниками, волками душепагубными. Мать-раскольница пользуется всякимъ случаемъ, чтобы вселить своему ребенку ужасъ и отвращеніе къ православной Церкви. Въ такой, приблизительно, обстановкѣ воспитывался и Петръ, съ тѣмъ развѣ добавленіемъ, что въ его семьѣ, какъ болѣе убѣжденной въ правотѣ раскола, болѣе, нежели гдѣ либо, воспламенялись любовію къ расколу, а вмѣстѣ и ненавистью къ православію.

Впрочемъ, въ семьѣ Петра заключались и несомнѣнные задатки на то, чтобы изъ этого ребенка выработалась недюжинная личность.

---

[1]) По поводу бесѣдъ проф. Н. И. Ивановскаго съ старообрядцами со стороны послѣднихъ можно было слышать такого рода замѣчанія: „человѣкъ онъ начитанный, но діаволъ—то силенъ, всякаго обуять можетъ“. Нѣкоторые же прямо называли его слугой антихриста, а иногда даже и самымъ антихристомъ. Прав. Соб. 1872 г. Ноябрь, стр. 281. „Нѣсколько словъ по поводу бесѣдъ съ старообрядцами“. Н. И. Ивановскаго.

Такъ, прежде всего, отецъ его былъ человѣкъ далеко не заурядный. Выше мы сказали, что онъ и самъ былъ ѳедосѣевцемъ и жену свою склонилъ къ ѳедосѣевству. Если мы примемъ во вниманіе, какими тяжкими условіями связывалось поступленіе брачныхъ лицъ въ ѳедосѣевство[1]), то намъ станетъ очевиднымъ, что Иванъ Ледневъ, рѣшившійся на этотъ шагъ, былъ глубоко-религіознымъ человѣкомъ, обладавшимъ значительнымъ запасомъ нравственнаго мужества, а также извѣстной силой убѣдительности. Его начетничество, доставившее ему въ раскольничьей средѣ довольно широкую извѣстность, кромѣ того, что показываетъ въ немъ хорошій умъ вообще, свидѣтельствуетъ еще и о живомъ отношеніи его къ своимъ религіознымъ убѣжденіямъ, объ искренней преданности его ѳедосѣевству. Впрочемъ, на первоначальное развитіе сына отецъ имѣлъ сравнительно мало вліянія. Торговыя занятія отвлекали его отъ семейнаго очага. Обыкновенно цѣлый день проводилъ онъ въ кругу торговцевъ, — на пристани, на базарной площади, и домой возвращался только поздними вечеромъ. Кромѣ того, каждую весну ежегодно онъ нагружалъ пшеномъ имѣвшееся у него судно и отправлялся вверхъ по Волгѣ до Костромы и Рыбинска, употребляя на свое путешествіе не менѣе десяти недѣль. Духовное развитіе мальчика въ первые годы дѣтства происходило, такимъ образомъ, преимущественно подъ вліяніемъ матери.—Мальчикъ оказался съ необыкновенными умственными способностями. Къ шести годамъ онъ оказался уже настолько осмысленнымъ и развитымъ, что мать порѣшила «заучить» его грамотѣ. Кто видалъ приводимыхъ въ школу крестьянскихъ дѣтей, въ 9—12 лѣтъ похожихъ на какихъ-то дикихъ звѣрьковъ, тотъ можетъ понять, что такой же среды мальчикъ, въ шестилѣтнемъ возрастѣ оказавшійся способнымъ постигнуть мудрость стариннаго обученія грамотѣ, представлялъ собой экземпляръ совсѣмъ незаурядный.

Обученіе подъ руководствомъ матери продолжалось однако не долго. Сообщивши сыну весь свой запасъ знаній, а она «знала одни только склады до азъ—ангелъ»[2]), дальнѣйшее обученіе ребенка она поручила своей сестрѣ, у которой Петръ «выучилъ четыре ка-

[1]) Супруги должны были имѣть „чистое житіе": рожденіе дѣтей считалось тяжкимъ грѣхомъ, за который супруги отлучались на нѣкоторое время отъ общества.

[2]) Братск. слово. 95 г. I, 361. „Воспоминаніе о. Павла".

ѳпзмы»[1]). Однако и эта тетушка оказалась педагогомъ далеко небезукоризненнымъ: она не умѣла правильно читать, почему и ученика ея пришлось «выправлять», каковую задачу принялъ на себя дѣдъ Петра по матери: онъ «направилъ» его читать повѣрнѣе [2]). Дѣло съ чтеніемъ тѣмъ было и покончено. Необходимо было научиться еще писать. Обученіе сему искусству поручено было одному причетнику, «хорошему писцу». Однако самъ писецъ мало занимался порученными его руководству дѣтишками, и дѣло обученія, какъ оказалось, если и не вполнѣ, то въ значительной своей тяжести лежало на его супругѣ — Маѳѣ Прохоровнѣ,— женщинѣ «хорошей нравственности», какъ отзывается о ней о. Павелъ, любившей маленькаго Петра за его тихое, кроткое поведеніе [3]). Въ этой школѣ и закончился курсъ обученія Петра. «Тогда у насъ въ торговомъ классѣ, пишетъ впослѣдствіи о. Павелъ, не было обычая учить дѣтей какимъ либо наукамъ. Тогда полагали: умѣлъ бы только что нужно записать, да письмецо написать» [4]).

Изъ вышеизложеннаго нельзя не отмѣтить того факта, что годы дѣтства Петра прошли подъ вліяніемъ женщинъ. Той мягкости сердца и кротости нрава, составлявшихъ впослѣдствіи отличительныя черты характера о. Павла,—мы думаемъ,—онъ обязанъ именно этому вліянію указанныхъ добросердечныхъ женщинъ и въ особенности, конечно, нѣжной и любящей матери.—На ряду съ вліяніемъ указанныхъ женщинъ мы должны поставить еще вліяніе на маленькаго Петра его дѣда по отцу. Этотъ дѣдъ представлялъ собою существо добродушнѣйшее и въ высшей степени набожное. Будучи добровольной и любящей нянькой внука, онъ особенно желалъ запечатлѣть въ его памяти примѣры строгой христіанской жизни, чтобы, такимъ образомъ, вдохнуть въ него духъ горячей вѣры и искренней добродѣтели. Старикъ чувствовалъ плодотворность почвы и съ усердіемъ сѣялъ на ней доброе сѣмя. Неграмотный, но сохранившій въ своей памяти слишкомъ много житій святыхъ, онъ въ живомъ и впечатлительномъ разсказѣ сообщилъ ихъ своему любимому внуку и этотъ, сидя на колѣнахъ у дѣда, съ замираніемъ сердца слушалъ каждое слово. Острая память и плѣненное разсказами вни-

---

[1]) Тамъ-же.

[2]) Братск. слово, 93 г. I, 361. „Воспоминанія о. Павла“.

[3]) Тамъ-же, стр. 362.

[4]) Тамъ-же, стр. 361.

маніе сдѣлали то, что вся сокровищница дѣдовскихъ знаній сдѣлалась полною собственностію внука и этотъ, посѣщая почтеннаго причетника въ цѣляхъ обученія письму, съ энтузіазмомъ сообщалъ своимъ сотоварищамъ по школѣ наиболѣе выдающіеся факты изъ разсказанныхъ дѣдомъ житій.

Въ этомъ же періодѣ ранняго дѣтства нужно намъ отмѣтить и еще одно обстоятельство, имѣвшее не малое значеніе для образованія характера этого мальчика. Петръ оказался отъ рожденія ребенкомъ очень слабымъ физически. Это послужило, между прочимъ, причиной того, что онъ не могъ сдѣлаться дѣятельнымъ членомъ общества своихъ сверстниковъ—уличныхъ мальчугановъ, гдѣ почетъ и положеніе пріобрѣтаются кулачнымъ правомъ и тѣлесною ловкостію и гдѣ безсиліе и неловкость считаются самыми главными пороками. Слабые мальчики обыкновенно служатъ мишенью различныхъ остротъ, оскорбленій и вообще такихъ не долюбливаетъ проворная, драчливая толпа. Опасеніе обидъ оттолкнуло Петра отъ этой непріятной для него среды и водворило его въ домашнемъ кругу подъ присмотръ и защиту ласковой матери. Такое положеніе хотя и не дало Петру возможности развить въ себѣ тѣлесной силы, ловкости, проворства (онъ на всю жизнь оставался не особенно крѣпкимъ человѣкомъ), но, съ другой стороны, избавило его отъ тѣхъ, въ высшей степени вредныхъ въ нравственномъ отношеніи, приражений, источникомъ которыхъ является обыкновенно дерзкая разнузданная толпа уличныхъ ребятъ. Впослѣдствіи Петру не понадобилось особенныхъ усилій для искорененія дурныхъ привычекъ улицы, и нравственный ростъ его принялъ сразу поступательное движеніе.

Непринятый улицею, Петръ принужденъ былъ отыскивать для себя интересъ въ стѣнахъ своего дома и двора. Отсутствіе товарищей дѣлало его сосредоточеннымъ и самоуглубленнымъ. Отсутствіе склонности къ шумнымъ развлеченіямъ и играмъ сдѣлало его усидчивымъ и прилежнымъ въ постиженіи грамоты и письма. Благодаря природнымъ способностямъ, Петръ въ очень короткое время научился читать быстро и твердо [1]), а благопріятныя условія домашней жизни пристрастили его къ чтенію. «Родитель мой, пишетъ впослѣдствіи о. Павелъ, днемъ занимался дѣлами, вечеромъ же любилъ читать книги, а матушка любила слушать,—нарочито для это-

[1]) Братск. слово, 93 г. I, 362. „Воспоминанія о. Павла".

го сядетъ возлѣ него шить: тутъ и я привыкъ слушать, что читаетъ батюшка, а потомъ и самъ сталъ читать» [1]).

Что же именно читалось отцомъ и что впослѣдствіи началъ читать самъ Петръ? — Сообразно извѣстной настроенности раскольничьей семьи и «книжное почитаніе» имѣетъ здѣсь свое особое направленіе. Стремясь всѣми силами души убѣдить себя въ правотѣ содержимыхъ религіозныхъ воззрѣній, истый раскольникъ естественно останавливаетъ свой взоръ и склоняетъ свое ухо только лишь къ тому, что говоритъ въ пользу этихъ воззрѣній, что возвышаетъ эту вѣру и, наоборотъ, унижаетъ и позоритъ «вѣру никоніанскую». Поэтому, «Исторія объ отцѣхъ и страдальцахъ соловецкихъ», раскольническія челобитныя и другія тенденціозныя раскольническія сочиненія составляютъ главныя книги для домашняго чтенія раскольника. Книги новой печати,—«граждань», совершенно не признаются раскольниками: содержаніе ихъ они считаютъ или недостойнымъ вниманія, или же вреднымъ, еретическимъ, душепагубнымъ [2]). Да и изъ старой печати и древле-письменныхъ книгъ уважаются и читаются только тѣ, которыя пропитаны раскольническимъ духомъ, въ противномъ случаѣ книга считается испорченною и даже уничтожается [3]).

Семья Ледневыхъ несомнѣнно слѣдовала и въ этомъ случаѣ обычаю прочихъ раскольниковъ и такимъ образомъ устныя наставленія родителей ребенку, дышавшія нетерпимостію и ненавистью къ православной Церкви, при дальнѣйшемъ развитіи Петра,—продолжались, укрѣплялись и особенно интересно иллюстрировались въ слушаніи, а далѣе и въ самостоятельномъ чтеніи раскольническихъ «божественныхъ книгъ».

Когда Петру минуло девять лѣтъ, отецъ рѣшилъ взять его въ путешествіе по Волгѣ на своей баркѣ. Родитель Петра въ этихъ

---

1) Тамъ-же.

2) По свидѣтельству іеросхимонаха Іоанна, во время богомоленія такія книги совсѣмъ выносятся изъ комнаты, какъ препятствующія возноситься молитвамъ къ престолу Божію (Духъ мудрованія раскольн. сектъ, стр. 19).

3) Извѣстный настоятель Преображенскаго кладбища Семенъ Кузмичъ, сбывая съ рукъ драгоцѣнныя дониконовскія книги и рукописи, говорилъ при этомъ: „эти книги намъ не на пользу: будешь читать ихъ —пожалуй и въ церковь уйдешь! Въ нихъ вѣдь есть и то, что Никонъ ввелъ въ церковь, найдешь и тройное аллилуія и имя Іисусъ и многое другое. Братск. слово, 83 г. I, 83 ст. „Открытіе Хлудовской библіотеки“.

путешествіяхъ умѣлъ прекрасно пользоваться временемъ. Продолжительное время путины онъ проводилъ и пріятно и полезно, прочитывая книги, которыми обыкновенно запасался въ довольно большомъ количествѣ. Петръ въ этомъ возрастѣ умѣлъ уже быстро и твердо читать и эти путины дали ему возможность прекрасно ознакомиться съ содержаніемъ наиболѣе уважаемыхъ раскольническихъ книгъ. Помимо чтенія, время наполнялось и многочисленными чрезвычайно интересными разсказами отца изъ житій святыхъ, изъ священной, а также и отечественной исторіи, клонившимися къ утвержденію въ мальчикѣ религіозности и патріотизма [1]).

На развитіе Петра собственно въ раскольничьемъ духѣ имѣло вліяніе еще и слѣдующее, чрезвычайно важное обстоятельство. Петръ имѣлъ и другого дѣда—по матери. Этотъ принадлежалъ къ поповскому согласію и былъ хорошо начитанъ и довольно твердо убѣжденъ въ правотѣ своихъ религіозныхъ воззрѣній. И такъ какъ зять его, —отецъ Петра—Иванъ Ледневъ былъ, какъ мы замѣтили уже, ревностнымъ ѳедосѣевцемъ-безпоповцемъ, то при обоюдныхъ, довольно частыхъ встрѣчахъ тестя съ зятемъ, большая часть времени посвящалась бесѣдѣ о вѣроисповѣдныхъ разностяхъ, гдѣ они показывали глубину своей начитанности, быстроту сообразительности, остроту діалектики, гибкость и изворотливость мысли. Маленькій Петръ былъ весьма частымъ свидѣтелемъ этихъ преній. И такъ какъ въ нихъ дѣло шло о предметѣ въ высшей степени серьезномъ, —именно объ истинной вѣрѣ, съ чѣмъ необходимо связывался вопросъ о возможности или невозможности вѣчнаго спасенія, такъ какъ, съ другой стороны, спорящими лицами являлись отецъ и дѣдъ, лица и по возрасту и по семейному положенію пользующіяся въ расколѣ священнымъ авторитетомъ, то легко себѣ представить, какое глубокое впечатлѣніе оставляли въ сердцѣ юнаго Петра подобнаго рода собесѣдованія. Съ прекрасной памятью, быстрой сообразительностію, съ сердцемъ, стремящимся къ усвоенію религіозной истины, онъ жадно внималъ каждому слову старшихъ. Слѣдствіемъ всего этого было то, что Петръ могъ обличать поповцевъ уже въ то время, когда по малолѣтству сидѣлъ еще на колѣнахъ у старшихъ. Въ этомъ отношеніи замѣчателенъ слѣдующій, имъ же самимъ впослѣдствіи разсказанный, случай. «Были мы, говоритъ о. Павелъ, съ

---

[1]). Братск. слово, 93 г. I, 257-258. „Воспитанія о. Павла".

родителемъ въ гостяхъ у дѣда и у нихъ былъ споръ о крещеніи еретиковъ. Родитель мой доказывалъ, что всѣхъ еретиковъ необходимо перекрещивать, а дѣдъ отвергалъ это. Поутру, когда стали пить чай, дѣдъ взялъ меня на колѣни и, шутя со мною, какъ съ ребенкомъ, сказалъ: «твой отецъ еретикъ, перекрещенникъ!» На столѣ лежала Кормчая. Я разгнулъ книгу и попалъ на то мѣсто, гдѣ отрицается еретическое крещеніе и говорю: «вотъ дѣдушка, что написано въ книгѣ-то! такъ не батюшка еретикъ, а вы еретики»![1])

Въ чемъ вообще состояли указанныя бесѣды и не поколебались ли основы ѳедосѣевскаго воззрѣнія Петра подъ тяжкими обличеніями поповцевъ? Отвѣтъ на этотъ вопросъ мы находимъ въ статьѣ о. Павла подъ заглавіемъ: «Нѣсколько словъ о томъ, какъ глаголемые старообрядцы поповскаго и безпоповскаго согласія взаимно одни другихъ опровергаютъ».[2]) Нельзя сказать, конечно, чтобы здѣсь представленъ былъ точный снимокъ этихъ преній, но предположить, что въ такомъ именно духѣ велись бесѣды между отцомъ-безпоповцемъ и дѣдомъ-поповцемъ всего естественнѣе. По словамъ о. Павла, «за совершенное лишеніе священства и причастія тѣла и крови Христовыхъ и прочихъ тайнъ поповцы удобно побѣждали безпоповцевъ ясными и неопровержимыми доводами отъ священныхъ и отеческихъ писаній, показуя имъ, что безъ священства и прочихъ тайнъ истинная Церковь Христова быти не можетъ, а потому ихъ общество, обнаженное всѣхъ таинъ, Церкви Христовой не составляетъ». Но и поповцы, оказывалось, получали еще болѣе тяжкое обвиненіе. «До изданія Окружного посланія» (время, о которомъ у насъ идетъ рѣчь), «поповцы изъ рѣдкихъ рѣдкіе признавали имя Господа Іисуса почитаемымъ и древнею Церковію, но всѣ одинаково отрицались онаго». А отсюда выходило то, что поповцы поступили неправильно даже тогда, когда принимали въ свое общество простыхъ членовъ православной Церкви безъ перекрещиванія, «ибо крещеніе, совершенное во имя якобы инаго бога—Іисуса, необходимо требуетъ повторенія», а уже о беззаконности принятія поповцами бѣглыхъ отъ православной Церкви іереевъ съ сущею при нихъ хиротоніею и спорить-то было излишне. Такимъ образомъ, истинному ѳедосѣевцу, какимъ былъ Петръ, хотя крайне тяжело было

---

1) Братск. слово, 93 г. I, 260-261. Воспомин. о. Павла.

2) Собран. сочин. архим. Павла, 1883 г. ч. I, 239.

сознавать, что общество ихъ не составляетъ истинной Церкви, однако лучшаго выхода не существовало: поповство казалось еще болѣе несостоятельнымъ, православная же Церковь считалась антихристовою. Ѳедосѣевство при такомъ сравненіи казалось, если и не безусловно, то по крайней мѣрѣ сравнительно съ другими, болѣе вѣрной сектой, и побѣда безпоповства надъ поповствомъ (чѣмъ по свидѣтельству о. Павла оканчивались пренія) одерживалась не потому, что безпоповство хотя бы въ лицѣ, напр., Ивана Леднева имѣло болѣе состоятельнаго защитника,—нѣтъ, здѣсь было торжество сравнительной истины, а не личности: безпоповство въ своихъ доктринахъ заключаетъ несомнѣнно болѣе логической состоятельности, чѣмъ бѣглопоповство. Такимъ образомъ и Петръ могъ чувствовать, что содержимое его семьею ѳедосѣевство-безпоповство есть какъ бы сама истина, которое нисколько не боится будто бы разумныхъ испытаній, а наоборотъ, при такомъ отношеніи только болѣе казалось выясняется въ своей истинѣ и становится болѣе отъ него понятнымъ. Отсюда и его собственное отношеніе къ содержимому безпоповству было вполнѣ искреннее, увѣренное, безъ опасенія въ томъ, что вдругъ оно окажется несостоятельнымъ и обманетъ своего вѣрнаго послѣдователя. Таковъ былъ для Петра результатъ преній отца съ дѣдомъ. Тогда юный Петръ былъ еще слишкомъ молодъ и безсиленъ, чтобы разорвать оковывавшія его путы суемудрія раскольническаго и самостоятельною критическою мыслію сдѣлать оцѣнку безпоповскому лжемудрованію съ одной стороны и ученію православной греко-россійской Церкви съ другой. Для мальчика еще имѣли безусловное значеніе авторитетъ наставниковъ и примѣръ отца, ревностнаго защитника ѳедосѣевства. Итакъ, въ сознаніи правоты своихъ воззрѣній, Петръ выросталъ гордымъ и увѣреннымъ ѳедосѣевцемъ. Слѣдующій фактъ еще болѣе укрѣпилъ его религіозныя убѣжденія.

Въ Сызрани находился «знаменитый въ той странѣ наставникъ бѣглопоповцевъ Иванъ Порфировъ Поповъ.[1]). Критическій анализъ бѣглопоповскаго вѣроученія ясно показалъ ему его несостоятельность, почему онъ и задумалъ перейти въ секту безпоповцевъ. Такое событіе, какъ и слѣдовало ожидать, взволновало весь бѣглопоповскій міръ. Переходъ наставника въ другую секту—фактъ чрезвычайно важный, и не столько имѣетъ здѣсь значенія лишеніе наставника,

---

[1]) Собран. соч. арх. Павла I ч. 227.

хотя и это—тяжелая потеря, такъ какъ обиліемъ людей этого рода расколъ, какъ извѣстно, не можетъ похвалиться,—сколько важно то, что этимъ переходомъ колеблется авторитетъ секты и, наоборотъ, возвышается авторитетъ другой, обыкновенно, враждебной первой. Переполохъ бѣглопоповцевъ, поэтому, весьма понятенъ. Однако они не упали духомъ и не потеряли надежды успокоить протестанта. Не надѣясь возстановить пошатнувшіяся убѣжденія Попова своими собственными силами, Сызранцы—бѣглопоповцы выписали къ себѣ на помощь «славившагося начитанностію и остротою ума» Авѳонія Кузьмина Кочуева. Въ свою очередь и безпоповцы, не желая упускать изъ рукъ такую заманчивую добычу, какую представлялъ собой Иванъ Порфировъ, равно какъ опасаясь посрамиться въ публичномъ преніи съ пріѣхавшимъ начетчикомъ, сочли за лучшее усилить контингентъ своихъ начетчиковъ и пригласили нѣкоего Мякушкина, на котораго надѣялись, что, по своей спеціальности, онъ въ грязь лицомъ не ударитъ. И вотъ начались пренія. Большія и многолюдныя были собранія. Интересно посмотрѣть, какъ относился къ этому, столь важному событію, Петръ. «Хотя я въ то время былъ еще очень молодъ, говоритъ впослѣдствіи о. Павелъ, но эти пренія меня очень занимали». Онъ разспрашивалъ своего родителя обо всемъ, что происходило на нихъ и вообще вникалъ въ дѣло такъ глубоко и серьезно, что разсматривалъ и даже пріобрѣлъ для себя списокъ вопросовъ, предложенныхъ Кочуевымъ безпоповцамъ,[1] что, очевидно, было, такъ сказать, гвоздемъ преній. Итакъ, предъ нами хотя молодой, но очень ревностный ѳедосѣевецъ.

Великія сызранскія пренія окончились, какъ надо полагать изъ рѣшенія предложеннаго безпоповцамъ вопроса: «како бѣси вѣруютъ»,[2] а также и изъ того факта, что Иванъ Порфировъ перешелъ въ ѳедосѣевство, полнымъ пораженіемъ бѣглопоповцевъ. Само

---

[1]) Тамъ-же, стр. 228.

[2]) Тамъ-же, стр. 228. Здѣсь намекъ на безпоповцевъ, только лишь вѣрующихъ и не свидѣтельствующихъ своей вѣры въ таинствахъ. Безпоповцы, впрочемъ, удачно увернулись отъ пораженія этимъ вопросомъ, приравнивъ бѣглыхъ поповъ ангеламъ тьмы, преобразующимся въ ангеловъ свѣта, какое сравненіе съ полнымъ правомъ брали изъ Номоканона (Іосифовскаго), гдѣ на листѣ 715 об. сказано: „согрѣшеніе нерукоположеннѣ дѣйствующаго подобно прелести горкихъ бѣсовъ во ангела свѣтла преобразующихся“. Собр. соч. арх. Павла, М. 1888 г. ч. 3, стр. 117

собой понятно, что этотъ актъ великой борьбы, всему раскольничьему міру показавшій истину безпоповства, слишкомъ укрѣпилъ увѣренность юнаго Петра въ справедливости безпоповства-ѳедосѣевства.

Для болѣе полной характеристики Петра необходимо еще разсмотрѣть автобіографическія замѣтки о. Павла о томъ времени, когда онъ имѣлъ спеціальнаго наставника въ лицѣ указанной выше знаменитости—Ивана Порфирова Попова. Иванъ Ледневъ, какъ человѣкъ, одаренный хорошей практической смекалкой, желавшій выработать изъ своего сына хорошаго наставника и не имѣвшій для осуществленія такого рода плановъ стѣсненія въ денежныхъ средствахъ, пригласилъ къ Петру въ наставники Ивана Порфирова тотчасъ, какъ только онъ принялъ ѳедосѣевство. Дѣйствительно, въ отношеніи постиженія мальчикомъ истинъ ѳедосѣевства, руководство означеннаго учителя не составляло желать ничего лучшаго. Волненіе, произведенное сызранскими преніями, еще не улеглось. Побѣда, блистательно одержанная ѳедосѣевцами, имѣла еще всѣ прелести новизны и первый солидный трофей ея—Иванъ Порфировъ былъ предметомъ вниманія всѣхъ ѳедосѣевцевъ. Радость послѣднихъ была безгранична-Иванъ Порфировъ сталъ живымъ доказательствомъ ѳедосѣевской истины. Какъ всегда бываетъ въ подобнаго рода случаяхъ, необыкновенная радость поселяетъ сомнѣніе относительно дѣйствительности, истинности событія, послужившаго причиной радости и если есть какое либо доказательство, то его изслѣдуютъ со всѣхъ сторонъ, чтобы уже не оставалось мѣста сомнѣнію. Доказательствомъ такимъ служилъ въ данномъ случаѣ Иванъ Порфировъ, доказательствомъ, нужно замѣтить, вполнѣ удовлетворительнымъ, такъ какъ и переходъ его совершился вслѣдствіе глубокаго убѣжденія въ неправотѣ бѣглопоповства и въ сравнительной истинности положеній ѳедосѣевства. Подобно другимъ и юный Петръ, какъ истинный, хотя и несовершеннолѣтній еще членъ ѳедосѣевства, глубоко интересовавшійся всѣмъ происходившимъ, страстно желалъ убѣдиться въ истинности полученныхъ свѣдѣній, желалъ не только видѣть, но и, такъ сказать, осязать блистательный трофей побѣды—и вотъ онъ на-лицо, въ одной комнатѣ и даже въ качествѣ наставника. Можно ли было указать границы проявившейся въ этомъ случаѣ любознательности Петра? Разспрошено было, дѣйствительно, обо всемъ и подробно, начиная съ обстоятельной исторіи присоединенія Ивана Порфирова

и кончая подробнымъ разъясненіемъ указаннаго уже вопроса, предложеннаго Кочуевымъ безпоповцамъ: «како бѣси вѣруютъ».—Нужно замѣтить, что въ числѣ вопросовъ, предложенныхъ со стороны Петра, былъ и вопросъ, составляющій самую слабую сторону всякаго вообще раскола и ѳедосѣевскаго въ частности, это именно вопросъ о **Церкви.** Поводъ былъ слѣдующій. Для исправленія заблужденій Ивана Порфирова бѣглопоповцы посовѣтовали ему съѣздить на Иргизъ къ тамошнему наставнику, который, какъ увѣряли они, можетъ разсѣять всѣ его сомнѣнія. Поповъ послушался, съѣздилъ. И вотъ, впослѣдствіи, Петръ, любопытствуя, спросилъ его между прочимъ и объ этой бесѣдѣ съ иргизскимъ наставникомъ. Поповъ отвѣтилъ: эта бесѣда «совершенно развязала меня на удаленіе отъ поповщины. Мнѣ угрожали поповцы, что, отступя отъ нихъ, я отступлю и отъ *соборной апостольской Церкви, а внѣ соборной и апостольской* **Церкви нѣтъ спасенія**». Между тѣмъ оказалось даже по сознанію самого иргизскаго наставника, что бѣглопоповство не представляетъ собой соборной и апостольской Церкви, такъ какъ не имѣетъ ни епископовъ, ни хиротоніи. «Этимъ словомъ», говоритъ далѣе Поповъ, «онъ далъ мнѣ свободу внѣ поповщины искать соборную и апостольскую Церковь, въ которой спасеніе несомнѣнно». «Но у насъ», возразилъ Петръ, «и вовсе нѣтъ никакого священства: можетъ ли, поэтому, общество наше составлять соборную и апостольскую Церковь»?—Предложенный вопросъ обыкновенно составляетъ тотъ пунктъ для мысли раскольника, отправляясь откуда логическимъ и безпристрастнымъ путемъ, онъ приходитъ къ признанію истины православной грѣко-россійской Церкви, краснорѣчивымъ доказательствомъ чего можетъ служить, какъ увидимъ впослѣдствіи, примѣръ того-же Петра, знаменитаго впослѣдствіи о. Павла Прусскаго. Удовлетворительно отвѣтить на него не можетъ ни одинъ раскольникъ и потому этотъ вопросъ, служа камнемъ преткновенія въ расколѣ всегда и вездѣ, могъ и въ данномъ случаѣ заронить искру сомнѣнія въ душу юнаго вопросителя. На этотъ разъ, однако, щекотливый и опасный вопросъ былъ разрѣшенъ болѣе внѣшнимъ образомъ, такъ что хотя Иванъ Порфировъ и говорилъ, что безпоповцы вѣруютъ «въ ту церковь, которая существовала до патріарха Никона со всѣми чинами и таинствами: и какъ та церковь не подлежитъ никакому сомнѣнію, такъ и вѣра наша въ нее неподлежитъ сомнѣнію»: но очевидно, дѣло было рѣшено не смысломъ

его словъ, довольно непонятнымъ, но болѣе внѣшнимъ образомъ, именно: непосредственно за этими словами, принявъ вдохновенный видъ, Поповъ набожно перекрестился и торжественнымъ голосомъ произнесъ: «**вѣрую во святую соборную и апостольскую Церковь**»[1]). Высокое мнѣніе объ авторитетѣ наставника и отсюда слѣпая вѣра во все то, что бы ни проповѣдывалось имъ, а также еще и неспособность къ самостоятельному, зрѣлому обсужденію, не дали возможности разгорѣться нечаянно зароненной искрѣ. Подобнымъ же образомъ былъ разрѣшенъ не менѣе жгучій вопросъ и о томъ, по какому праву безпоповство, обвиняя бѣглопоповство въ незаконномъ и ничѣмъ не оправдываемомъ совершеніи таинствъ, само тѣмъ не менѣе позволяетъ у себя совершать крещеніе простымъ лицамъ, что̀ дозволяется правилами церковными дѣлать только лишь въ исключительныхъ случаяхъ. Авторитетъ наставника съ одной стороны и отсутствіе зрѣлаго сужденія съ другой рѣшили дѣло и здѣсь[2]).—Вообще же въ результатѣ образованія Петра подъ руководствомъ Ивана Порфирова получилось собственно повтореніе тѣхъ же знаній, какія онъ усвоилъ, слушая пренія отца и дѣда, но, конечно, съ новыми дополненіями, съ разумными толковыми объясненіями и, пожалуй, еще съ той, важной, впрочемъ, особенностію, что за отсутствіемъ возражателя со стороны поповства ѳедосѣевскія доктрины, ловко обосновываемыя искуснымъ начетчикомъ, спокойнѣе и плотнѣе укладывались въ юной головѣ, не имѣвшей еще силъ самостоятельно и безпристрастно разсмотрѣть преподаваемое ученіе. Выковывалась та суровая до фанатизма убѣжденность въ истинности ѳедосѣевства, на разрушеніе которой впослѣдствіи понадобились цѣлые десятки лѣтъ.

Когда Петру исполнилось двѣнадцать лѣтъ, произошло событіе, усилившее пульсъ его духовной жизни: у него умерла мать. Глубоко потрясенный этимъ горемъ, онъ усердно искалъ себѣ нравственной поддержки и утѣшенія въ чтеніи книгъ нравственно-аскетическаго содержанія. Чрезвычайно многими историческими примѣрами можно свидѣтельствовать о томъ необыкновенномъ вліяніи, которое производитъ такого рода чтеніе на потрясенную впечатлительную душу. Тоже самое произошло и здѣсь. Духъ Петра былъ совершенно

---

[1]) Собр. соч. арх. Павла, ч. 1, стр. 233.

[2]) Собр. соч. арх. Павла, ч. I, стр. 235—236.

плѣненъ повѣствованіями объ аскетическихъ подвигахъ святыхъ отшельниковъ. Здѣсь, впервые и у него самого зародилась мысль о подражаніи святымъ людямъ, мысль о собственномъ подвижничествѣ. Укрѣпленію и развитію этой мысли содѣйствовали и постороннія обстоятельства. Міръ вообще не интересовалъ Петра: имѣя болѣзненный организмъ, онъ не склоненъ и не способенъ былъ пить полною чашей прелести земной жизни. Далѣе, своего искренняго послѣдователя ѳедосѣевство убѣждало оставить міръ, такъ какъ въ немъ царствуетъ антихристъ, и бѣжать въ пустыню для спасенія души. Петръ былъ искреннимъ ѳедосѣевцемъ и потому игнорировать требованіями своего вѣроученія не могъ. Въ виду его непривязанности къ міру, иночество не представляло для него особаго лишенія. Наоборотъ, мысли о жизни въ дремучемъ лѣсу, въ пустынѣ, плѣняли его юное воображеніе своею поэтическою прелестью; понести же при этомъ аскетическіе подвиги для его мощнаго духа должно было казаться своего рода даже наслажденіемъ: какъ извѣстно, сильныя натуры, безразлично въ мірѣ ли физическомъ, или духовномъ, чувствуютъ потребность въ соотвѣтственно тяжеломъ трудѣ, гдѣ бы могли имѣть здоровое приложеніе всѣ наличныя силы и способности. Помимо указанныхъ побужденій къ иноческой жизни, было у Петра и еще одно, очень сильное, это—любовь къ чтенію книгъ. Объ этомъ онъ самъ говоритъ такимъ образомъ. «Одинъ, очень близкій мнѣ, ѳедосѣевскій дѣвственникъ спросилъ меня, почему я не вступаю въ бракъ. Я отвѣтилъ: потому что мнѣ нравится безбрачная жизнь для упражненія въ чтеніи книгъ». Благодаря всѣмъ такимъ побужденіямъ и обстоятельствамъ у Петра въ 16—17 лѣтъ твердо установляется аскетическое настроеніе и онъ рѣшается удалиться изъ родительскаго дома въ наиболѣе удобное для аскетическихъ подвиговъ мѣсто [1]).

---

[1]) Одинъ, добытый нами отъ очевидцевъ разсказъ, хорошо иллюстрируетъ аскетическую настроенность Петра въ этомъ возрастѣ. Около той части города, которая называется „Засызраномъ“, есть довольно высокая гора, обрамлявшаяся когда-то дремучимъ лѣсомъ. Въ это, скрытое отъ людскихъ взоровъ, мѣсто любилъ удаляться семнадцатилѣтній Петръ. Что дѣлалъ онъ тамъ, оставалось неизвѣстнымъ, но окровавленныя наколами босыя ноги, изорванный халатъ и воспаленный взоръ достаточно говорили о проведенномъ времени. Видъ его, конечно, поражалъ многихъ и когда спрашивали о немъ, знавшіе его отвѣчали, что онъ

Самое удаленіе Петра для отшельнической жизни имѣло слѣдующую исторію. Условія жизни при родительскомъ домѣ показались Петру чрезвычайно неудобными, чтобы проводить жизнь такъ, какъ ему хотѣлось. Для непрестанной молитвы и усиленныхъ подвиговъ требовалось удаленное отъ людей, пустынное мѣсто. И такъ какъ вблизи не было ни одного ѳедосѣевскаго монастыря, гдѣ бы его аскетическая настроенность могла найти соотвѣтственную обстановку, то, согласившись съ дядею, также аскетически настроеннымъ, они порѣшили выстроить себѣ келью вдали отъ отцовскаго дома, въ большомъ своемъ же саду, расположенномъ за рѣкой Сызранью. Здѣсь однимъ старикомъ ѳедосѣевцемъ Петръ окончательно былъ принятъ въ ѳедосѣевство (перекрещенъ) и обязался болѣе «не мірщить», т. е. по возможности не соприкасаться съ міромъ.—Выстроенная стараніями Петра и дядюшки новая келья обманула ожиданія Петра. Здѣсь все-таки не было пустыни: садъ былъ расположенъ въ чертѣ городскихъ поселеній. Житейская молва слишкомъ осязательно давала себя чувствовать, почему, прожившіи здѣсь немного болѣе года, онъ попросилъ у отца позволенія переселиться въ лѣсъ, отстоящій отъ Сызрани верстъ на десять, гдѣ, между прочимъ, находилась и пасѣка Ледневыхъ. Это былъ уголокъ вполнѣ скрытый отъ міра. Въ раскольничьемъ смыслѣ слова это была дѣйствительно пустыня, гдѣ для аскетическихъ подвиговъ поселившагося здѣсь Петра представлялось полнѣйшее удобство и просторъ. Мы не знаемъ подробно, въ чемъ состояли подъятые имъ здѣсь подвиги; вообще можно сказать, что онъ занимался здѣсь преимущественно чтеніемъ книгъ св. Писанія и проводилъ самый строгій образъ жизни. Въ скоромъ времени молва о его подвижничествѣ распространилась довольно широко и такъ какъ въ безпоповствѣ религіозные обряды исполняются «простецами», выдѣлившимися изъ среды или начетничествомъ, или строгой нравственной жизнію, то и Петру вскорѣ пришлось «коснуться дѣлъ настоятельскихъ», ибо тамъ «весьма было скудно наставниковъ» и за большія нужды по многимъ мѣстамъ правили даже женщины [1]).

возвращается съ молитвы.—Другимъ любимымъ мѣстомъ уединенной молитвы Петра были Раменскіе лѣса, гдѣ у подошвы одной изъ горъ вытекалъ ключъ. Мѣсто это также не далеко отъ Сызрани; упомянутый ключъ теперь проведенъ въ городъ для снабженія его водою.

[1]) Собр. соч. арх. Павла ч. I. стр. 2.

Въ этомъ уединеніи Петръ пробылъ цѣлыхъ шесть лѣтъ. Этотъ періодъ времени замѣчателенъ въ томъ отношеніи, что, вслѣдствіе вполнѣ самостоятельной умственной жизни, Петръ совершенно отвыкъ слѣдовать внѣшнему авторитету въ своихъ религіозныхъ воззрѣніяхъ. Если прежде авторитетъ Ивана Порфирова, но не логическій смыслъ его доказательствъ, разрѣшилъ юному Петру вопросъ о Церкви и таинствахъ, то теперь уже Петръ самъ сталъ указывать Ивану Порфирову. Дѣло произошло такъ. Иванъ Порфировъ, зная, что безпоповскіе наставники, совершая исповѣдь, восхищаютъ не дарованная имъ, началъ учить, что исповѣдь совсѣмъ нужно оставить. «Но я, говоритъ впослѣдствіи о. Павелъ, на этотъ предметъ смотрѣлъ съ другой стороны. У насъ въ Сызрани почитали исповѣдь только руководствомъ жизни и наставленіемъ, подобно монашескому исповѣданію помысловъ[1]). И вотъ, я, смотря на исповѣдь, какъ на такое руководство, не находилъ справедливымъ отмѣнять ее. Я думалъ, что если молодого человѣка оставить безъ открытія совѣсти предъ наставникомъ и безъ нравственнаго наставленія, то чрезъ это можно ввести полную безнравственность, и потому я сталъ говорить противъ новаго въ ѳедосѣевствѣ ученія, которое проповѣдывалъ Иванъ Порфировъ. Это Порфирову стало обидно, на меня онъ сталъ гнѣваться и пришелъ жаловаться къ моему родителю, на котораго имѣлъ большое вліяніе. Родитель сталъ мнѣ говорить, чтобы я Порфирову уступилъ. Я не согласился,—отвѣтилъ родителю, что это дѣло совѣсти и изъ уваженія къ человѣку въ дѣлѣ совѣсти уступать нельзя. Итакъ, я не уступилъ Порфирову въ его незаконномъ требованіи»[2]).—Указанный фактъ является краснорѣчивымъ свидѣтельствомъ совершившагося роста критической мысли Петра. Впрочемъ, здѣсь важно не столько это развитіе мысли, сколько то, во имя чего совершилось это возстаніе. «Изъ уваженія къ человѣку, говоритъ о. Павелъ, въ дѣлѣ совѣсти уступать нельзя». Въ тѣхъ случаяхъ, слѣдовательно, гдѣ нужно было дѣйствовать для принциповъ нравственныхъ, «въ дѣлахъ совѣсти», внѣшній авторитетъ не имѣлъ никакого значенія. Достаточно было, поэтому, появиться еще

---

[1]) На самомъ дѣлѣ, впрочемъ, не совсѣмъ такъ, потому что требовали и предсмертной исповѣди, когда уже руководство и наставленіе для жизни было излишне. Брат. Сл. 93 г. I, 261. Восп. о. Павла.

[2]) Братск. Слово, 93 г. I, 262. Воспомин. о. Павла.

подобному «дѣлу совѣсти», т. е. дѣлу, которое противорѣчило бы требованіямъ яснаго нравственнаго чувства, и ни учитель, ни родитель, ни даже завѣщенная прадѣдами вѣра не устояли бы. Такъ, дѣйствительно, вскорѣ и случилось и именно въ рѣшеніи вопроса о крещеніи младенцевъ рожденныхъ ѳедосѣевцами, состоящими въ бракѣ.

Какъ извѣстно, ѳедосѣевское ученіе на томъ основаніи, что за разсыпаніемъ руки священства некому совершать таинство брака, отвергло самый бракъ и лицамъ брачнымъ при переходѣ ихъ въ ѳедосѣевскую секту ставится непремѣннымъ условіемъ разводъ и цѣломудренная жизнь. Однако у многихъ, переходящихъ въ эту секту супруговъ, не хватаетъ силъ исполнить указанное требованіе; въ такомъ случаѣ сожительство ихъ считается за открытый блудъ и жена, сожившая мужу, именуется блудницею и считается недостойною своею грудью кормить младенца, просвѣщеннаго ѳедосѣевскимъ крещеніемъ; кормить младенца въ такомъ случаѣ полагается молокомъ коровьимъ. Но ежели мать, жалѣючи младенца, будетъ его кормить своими сосцами, младенецъ за то считается отлученнымъ и если придучится ему въ такомъ положеніи умереть, то долженъ лишиться надгробнаго пѣнія и всего обычнаго поминовенія[1]). Этотъ, вновь встрѣтившійся фактъ, былъ посерьезнѣе того, который произошелъ при столкновеніи Петра съ Иваномъ Порфировымъ. Тамъ Петръ ратовалъ противъ нововведенія, здѣсь было строгое преданіе ѳедосѣевскихъ отцовъ. Петру предстояло или, нарушивъ вѣрность этимъ преданіямъ, остаться примиреннымъ съ требованіями нравственнаго чувства, или же, мучась совѣстью, исполнять до конца ѳедосѣевскія постановленія. Предрѣшеніе этого вопроса заключалось въ личномъ характерѣ Петра. Онъ, прежде всего, не былъ холоднымъ эгоистомъ, думавшимъ только о себѣ, оставляя безъ вниманія и собственнаго участія нужды своихъ пасомыхъ. Въ то время какъ другіе наставники на вопросъ о возможности смерти для некрещеннаго младенца отвѣчали: «а что мнѣ за грѣхъ! грѣхъ отцу съ матерью, съ нихъ Богъ взыщетъ», «пусть такъ некрещенный и умираетъ»[2]), у Петра отъ жалости къ этимъ младенцамъ разрывается сердце. Это глубокое состраданіе заставляетъ Петра вникнуть глуб-

---

[1]). Собраніе соч. арх. Павла, ч. I, стр. 2.

[2]) Тамъ-же, ч. I, стр. 3.

же въ это явленіе, которое, будучи дѣломъ вѣры, противорѣчило въ тоже время нравственнымъ требованіямъ. И если бы Петръ по своей духовной структурѣ былъ подобенъ прочимъ наставникамъ «старикамъ—ревнителямъ», слѣпо вѣровавшимъ всякимъ «преданіямъ», и по грубости своей мало чувствовавшимъ великое горе своей паствы, онъ, и вникнувъ въ дѣло, точно также сказалъ бы: «а что мнѣ за грѣхъ! грѣхъ отцу съ матерью»! Но Петръ разумно и сердечно относился къ постановленіямъ своей вѣры, различалъ здѣсь существенное отъ несущественнаго. Вышеуказанное постановленіе ѳедосѣевскаго вѣроученія онъ счелъ именно за несущественное, назвалъ его «вышемѣрнымъ» и рѣшился «не быть точнымъ его наблюдателемъ»[3]). Такимъ образомъ, и дѣло совѣсти было улажено и преступленія противъ вѣры не оказалось, такъ какъ то требованіе, которое Петръ назвалъ «вышемѣрнымъ», очевидно было и незаконнымъ.—Такъ кончилось первое столкновеніе принциповъ и воззрѣній Петра съ воззрѣніемъ ѳедосѣевства: послѣднее оказалось съ заблужденіями, авторитетъ его, поэтому, былъ поколебленъ.

Вскорѣ вниманіе и критическая мысль Петра были привлечены новымъ фактомъ, послужившимъ, аналогично только что указанному, «вторымъ поводомъ къ познанію ѳедосѣевскихъ заблужденій».—Извѣстно уже, какъ ѳедосѣевство относится къ браку и брачнымъ лицамъ. Многіе изъ вступившихъ въ бракъ, не имѣя силы разойтись, или же проводить «чистое житіе», не удостоиваются здѣсь, между прочимъ, и исповѣди. Только близость смерти и опасеніе умереть безъ покаянія заставляетъ нѣкоторыхъ вполнѣ искренно дать обѣтъ цѣломудрія. Такое тяжкое условіе значительно препятствуетъ переходу въ ѳедосѣевство брачнымъ лицамъ, убѣжденнымъ въ его сравнительной истинности: переходъ свой они иногда отлагаютъ до предсмертной болѣзни. Да и при смерти все-же трудно бываетъ разорвать семейную связь особенно тѣмъ, кои вѣнчаны въ православной церкви. Отсюда и происходитъ для нихъ тяжкое испытаніе: дать обѣтъ чистоты,—расторгнуть брачныя узы,—страшно, и силъ нѣтъ исполнить: не дать,—нужно лишиться исповѣди и отпущенія грѣховъ, потерять надежду спасенія: дать лицемѣрно, лишь бы исповѣдаться,—какъ рѣшиться солгать Богу, да еще предъ смертію? Знаютъ все это законополагатели безбрачія и дабы устранить столь

---

[3]) Собр. соч. арх. Павла ч. I, стр. 2.

важное препятствіе къ упроченію и разширенію своего согласія, придумали «коварственную исповѣдь» и «коварственный чинопріемъ»[1]), какъ выражается о. Павелъ, для принятія въ ѳедосѣевство членовъ православной Церкви. Этотъ «коварственный чинопріемъ», по словамъ о. Павла, состоитъ въ слѣдующемъ. «Прямого отрицанія брака не требовалось, а довольствовались общимъ отрицаніемъ сатаны и дѣлъ его, разумѣя подъ онымъ и отрицаніе отъ брака: ибо, по ихъ понятію, бракъ есть сатанинское же дѣло. Такимъ образомъ, и приходящій къ чинопріему не истязуется о бракѣ, хотя и даетъ отреченіе отъ брака, самъ того не вѣдая: увѣдаетъ тогда уже, когда за плоды брачнаго сожитія, т. е. чадородіе, будетъ отлученъ отъ общей молитвы. И старикъ, совершающій крещеніе, не скорбитъ, что совершилъ оное, не взявъ съ крещаемаго обѣщанія расторгнуть бракъ: ибо полагаетъ, что такое обѣщаніе, хотя не прямо, всетаки получилъ, и предъ людьми не стыдно: молвы нѣтъ, что браки расторгаютъ, и отъ начальства безъ бѣды» [2]). Далѣе, при исповѣди тяжко больныхъ, они не спрашиваютъ ихъ о бракѣ, «а довольствуются общимъ о всѣхъ содѣянныхъ грѣхахъ отвѣтомъ и обѣщаніемъ ктому оныхъ не творити»[1]). Такимъ образомъ, о разводѣ ни слова, хотя скрытое требованіе его несомнѣнно составляетъ несознаваемую для исповѣдуемаго сущность этой исповѣди.

Нѣсколько иного рода была «коварственная исповѣдь для брачныхъ, здравыхъ ѳедосѣевцевъ: исповѣдывали женатыхъ въ такомъ случаѣ только «ради успокоенія совѣсти» и исповѣдывали не стоя, а сидя. «И вотъ, если какой ревнитель безбрачныхъ преданій, какъ и случается, нападаетъ на старика: зачѣмъ онъ исповѣдывалъ женатаго,—у него готовъ отвѣтъ: «я не исповѣдывалъ, мы только бесѣду имѣли, какъ ему отъ грѣха избыть». А если женатый спроситъ, для чего не по чину его исповѣдуетъ, для чего оба сидятъ, а не стоятъ на исповѣди, тому скажетъ: «нельзя, другъ! я бы и радъ иначе сдѣлать, да меня самого отлучатъ, а ты довольствуйся и такою исповѣдью» [2]).

Для человѣка прямого, неспособнаго на какіе бы то ни было компромиссы,—видѣть подобнаго рода двоедушіе и обманъ и гдѣ-же?

---

[1]) Собр. соч. арх. Павла, ч. I, стр. 9.

[2]) Тамъ-же, ч. I, стр. 9.

[1]) Тамъ-же, ч. I, стр. 8.

[2]) Тамъ-же, ч. I, стр. 9.

—въ дѣлахъ вѣры, было крайне тяжело. Открыто было, такимъ образомъ, новое несомнѣнное заблужденіе ѳедосѣевства, новая прорѣха въ его авторитетѣ. И если прежде глубокая и искренняя убѣжденность въ истинности ѳедосѣевскаго ученія дѣлала Петра ревностнымъ членомъ этой секты, то теперь, когда зрѣлое сужденіе убѣдило его въ ложности многихъ ѳедосѣевскихъ воззрѣній, у него несомнѣнно не было уже ни той горячей приверженности къ ѳедосѣевству, ни той вѣры въ него, какъ исповѣданіе святое, непогрѣшимое. Начиналось роковое разочарованіе. Чувствуя, можетъ быть, свою духовную болѣзнь, въ цѣляхъ излѣченія и разрѣшенія появившихся недоумѣній Петръ рѣшается отправиться въ Москву, почитаемую старообрядцами за корень и главу ихняго древняго христіанскаго закона. Здѣсь, въ центрѣ ѳедосѣевства, въ знаменитой его школѣ—Преображенскомъ кладбищѣ, онъ надѣялся послушать такихъ наставниковъ, подобныхъ которымъ Сызрань и не видала; отъ нихъ онъ думалъ получить обстоятельное разъясненіе вкравшихся сомнѣній и почерпнуть новыя силы для дальнѣйшей подвижнической жизни въ ѳедосѣевскомъ духѣ; кстати, здѣсь же думалъ онъ принять иноческій санъ, что было предметомъ его давнишнихъ желаній.

II.

Годъ пребыванія Петра среди ѳедосѣевцевъ преображенскаго—кладбища въ Москвѣ и неоправдавшіяся надежды его.

Преображенское кладбище въ то время находилось въ полномъ расцвѣтѣ своей славы и блеска. Оно представляло главное средоточіе умственныхъ силъ ѳедосѣевства: сюда стекались и отсюда во всѣ стороны расходились начетчики—стоятели и оберегатели ѳедосѣевскаго благочестія. Внѣшнее великолѣпіе кладбища было поразительно. Не говоря уже о томъ, что на самомъ кладбищѣ, помимо главной Успенской часовни, на обоихъ дворахъ,—мужской и женской половинахъ,—находилось до девяти моленныхъ съ ежедневной службой; Преображенская слобода, примыкавшая къ кладбищу, была наполнена множествомъ моленныхъ и маленькихъ женскихъ монастырьковъ, тоже съ моленными. Нѣкоторыя моленныя были украшены богатыми иконостасами, паникадилами и содержали свои хоры пѣвчихъ. Величественный видъ главной часовни кладбища и множество моленныхъ съ возвышавшимися надъ ними главами и куполами, великолѣпныя башни, бѣлокаменныя стѣны наполнили священнымъ

трепетомъ благочестивую душу Петра. Первое знакомство съ грандіознымъ созданіемъ Ильи Алексѣевича восхитило его до такой степени, что онъ мнилъ себя какъ бы въ новомъ старообрядческомъ Іерусалимѣ. Впечатлѣніе внѣшнее было подавляющее. Но оно продолжалось не долго. Внутреннее содержаніе оказалось далеко не соотвѣтствующимъ обстановкѣ. «Я пріѣхалъ въ Москву поучиться», говоритъ о себѣ о. Павелъ. Но съ этой стороны кладбище оказалось совершенно недостойнымъ для надлежащей встрѣчи такого ученика. Когда онъ сталъ «поспрашивать, съ кѣмъ бы познакомиться изъ людей начитанныхъ», ему указали на наставника Егора Гавриловича и на Головщика Алексѣя Михеича. Итакъ, этимъ лицамъ была вручена судьба Петра. Они должны были разъяснить и искоренить тѣ недоумѣнія, которыя омрачали чистую вѣру Петра вотъ уже нѣсколько лѣтъ. Задача была не легкая. Нужно было бороться съ болѣзнью застарѣлою и въ высшей степени серьезною. Духовные врачи, слѣдовательно, должны были обладать большой опытностію, энергіей и солиднымъ умственнымъ развитіемъ. Таковыхъ ли дѣйствительно, людей представляли изъ себя Алексѣй Михеичъ и Егоръ Гаврилычъ?

Съ мелочно самолюбивымъ Михеичемъ мы будемъ имѣть случай познакомиться нѣсколько позже.—Другой наставникъ—Егоръ Гаврилычъ представлялъ собой величественнаго, сѣдаго, какъ лунь, старца, съ бѣлыми валенками на ногахъ. Внѣшняя сторона и здѣсь, какъ вездѣ въ старообрядчествѣ, находилась въ самомъ лучшемъ видѣ и невольно внушала уваженіе. Но, увы! внутреннія качества этого старца, какъ наставника, совсѣмъ не соотвѣтствовали внушительной внѣшности. О. Павелъ не говоритъ о впечатлѣніи, произведенномъ на него бесѣдами съ этимъ наставникомъ. Чтобы составить объ этомъ болѣе или менѣе вѣрное представленіе, заимствуемъ свѣдѣнія о Егорѣ Гавриловѣ изъ сообщеній о. Василія Дарендова, нынѣ единовѣрческаго священника, бывшаго прежде раскольникомъ и также обращавшагося къ этому наставнику за разрѣшеніемъ недоумѣній. Когда предложенный со стороны о. Василія вопросъ былъ разрѣшенъ въ строго-ѳедосѣевскомъ духѣ и о. Василій потребовалъ указанія основаній для рѣшенія въ св. Писаніи, Егоръ Гавриловъ, обратившись къ слугѣ, сказалъ: «Осипушка, подай-ка мнѣ со шкапа тетрадь. Но Осипъ, видно, былъ похитрѣе своего наставника,—говоритъ ему, что тетрадки въ шкапу не находится, что въ настоящее время взялъ ее такой-то (на-

зывая по имени). Егоръ Гавриловъ завѣрялъ, что никогда ему не давалъ той тетрадки. Но Осипъ не желая изъ за—оныхъ, ими самими (ѳедосѣевцами) выдуманныхъ нелѣпостей, написанныхъ въ тетрадкѣ, осрамить себя, всячески отклонялъ его отъ бездѣльной той тетрадки. Тогда Егоръ Гавриловъ сказалъ: придите ко мнѣ завтра: я отыщу ту тетрадку и все вамъ укажу о нашихъ постановленіяхъ и порядкахъ»[1]). Вотъ каковъ былъ наставникъ, опытности и начитанности котораго былъ предоставленъ недугующій Петръ. Естественно предположить, что результатъ бесѣдъ Петра съ такимъ наставникомъ оказался весьма прискорбнымъ. Нужно прибавить къ этому еще и слѣдующее. Петръ, будучи человѣкомъ твердымъ, вполнѣ искреннихъ и неподкупныхъ убѣжденій, могъ и цѣнить только лишь такихъ людей. Тѣмъ болѣе онъ требовалъ указанныхъ качествъ отъ тѣхъ, которые поставлены для наставленія прочихъ, авторитетъ которыхъ въ особенности долженъ быть безупреченъ и непоколебимъ. Но на дѣлѣ оказалось, что Егоръ Гавриловъ такими качествами далеко не отличался. Петру стало извѣстнымъ, что онъ сперва былъ согласія самокрещенцевъ и казначей кладбища Андрей Ларіоновъ убѣдилъ его присоединиться къ ѳедосѣевцамъ тѣмъ, что посулилъ ему исходатайствовать настоятельство[2]). Этотъ фактъ окончательно подорвалъ всякое уваженіе Петра къ новому наставнику.

Но что особенно важно, что исключаетъ всякую возможность серьезнаго вліянія на Петра со стороны жалкихъ наставниковъ ѳедосѣевства, это положеніе самого Петра на кладбищѣ. Извѣстный споръ Петра съ Иваномъ Порфировымъ по вопросу объ исповѣди, гдѣ Петръ защищалъ ѳедосѣевство, доставилъ ему широкую извѣстность; о немъ узнало и кладбище и заочно возъимѣло къ нему симпатіи, какъ къ стойкому защитнику своего вѣроученія. Поэтому, когда прибылъ онъ на кладбище, его приняли съ распростертыми объятіями. Своею начитанностію, умомъ и строгимъ образомъ жизни Петръ стяжалъ себѣ здѣсь всеобщее расположеніе и глубокое уваженіе даже начальниковъ кладбища—самыхъ почетныхъ и уважаемыхъ лицъ во всемъ раскольничьемъ ѳедосѣевскомъ мірѣ. И это все произошло въ удивительно короткое время: какъ извѣстно, Петръ не прожилъ на кладбищѣ и года. Очевидно достоинства его обнаруживались слишкомъ

---

[1]) Братск. слово 83 г. I, стр. 407—408.

[2]) Тамъ-же стр. 26.

ярко и конечно не указаннымъ наставникамъ кладбищенскимъ можно было повліять на измѣненіе твердыхъ, какъ камень, его убѣжденій. О томъ, какъ дѣйствительно онъ превосходилъ своей начитанностію и умственной состоятельностію всѣхъ другихъ, здѣсь находившихся представителей ѳедосѣевской мудрости, свидѣтельствуетъ слѣдующій фактъ. Весной 1847 года изъ Австріи пріѣхали въ Москву Климоуцкіе безпоповцы и, разсказавъ объ устроившейся въ Бѣлой Криницѣ іерархіи, просили дать имъ наставленіе, какъ понимать объ этой іерархіи. И вотъ, самъ старшій наставникъ кладбища Семенъ Кузьмичъ, чувствуя превосходство силъ пріѣхавшаго гостя, счелъ за лучшее поступиться своимъ авторитетомъ и поручить Петру это трудное и отвѣтственное дѣло. Въ опроверженіе новоявившейся іерархіи, Петръ сдѣлалъ изъ «Щита» выписки съ нѣкоторыми своими замѣчаніями и передалъ ихъ въ Климоуцы [1]).

Неизвѣстно, какія, собственно, впечатлѣнія переживалъ Петръ, находясь на Преображенскомъ кладбищѣ, хотя то несомнѣнно, что строемъ здѣшней жизни онъ былъ недоволенъ. Да и что могло быть общаго между строгимъ аскетомъ и развратной, лицемѣрной ѳедосѣевской общиной? Кладбище было прекрасно только по внѣшнему виду, чему совсѣмъ не соотвѣтствовала его внутренняя жизнь. Въ то время вода Хапиловскаго пруда, примыкавшаго къ кладбищу, оказалась зараженною отъ разлагавшихся труповъ утопленныхъ здѣсь младенцевъ. Стоявшіе во главѣ кладбища и считавшіеся почетнѣйшими въ расколѣ лица за воровство и мошенничество были подвергнуты правительствомъ ссылкѣ. Молодые люди не стѣснялись уходить изъ кладбища въ трактиры и другія увеселительныя мѣста, не гнушались табакомъ и т. д.[2]) Положимъ, подробности эти не могли сдѣлаться извѣстными Петру за короткое время пребыванія его здѣсь. Впослѣдствіи онъ говорилъ: «живя на кладбищѣ, я никуда не выходилъ и дѣйствительно жизни его не зналъ». Тѣмъ не менѣе духъ развратной, покрываемой лицемѣріемъ, здѣшней жизни пахнулъ на него. Суровый аскетъ не видѣлъ этой жизни, но чувствовалъ ея мерзкое дыханіе. Петръ тяготился здѣшнею жизнію. Ему хотѣлось въ пустыню, гдѣ ему можно было развернуться во всю своей мощной натурой. Онъ помышлялъ объ удаленіи въ Персію,

---

[1]) Собр. соч. арх. Павла, ч. III, стр. 464.

[2]) Русск. вѣстн. 62 г. февр. 779. „Изъ исторіи Преображ. кладбища“.

о которой заманчиво разсказывали ему земляки — сызранцы. Объ этомъ намѣреніи онъ разсказалъ, между прочимъ, и главарямъ кладбища.

Между тѣмъ, Андрей Ларіоновъ, казначей кладбища, удрученный стѣсненіями правительства, имѣлъ мысль уѣхать отъ антихристовой власти за границу, къ старообрядцамъ—ѳедосѣевцамъ, жившимъ въ Пруссіи, и завести тамъ безпоповскую обитель. Съ этой цѣлью онъ посылалъ и человѣка въ Пруссію провѣдать, какое воззрѣніе имѣетъ прусское правительство на проживающихъ тамъ старообрядцевъ и можно ли тамъ поселиться новымъ пришельцамъ и основать монастырь. Посланный, возвратившись, принесъ удовлетворительные отзывы. Однако, по случайнымъ обстоятельствамъ, Андрею не посчастливилось привести въ исполненіе свои намѣренія. И вотъ, теперь, пользуясь удобнымъ случаемъ, онъ и рѣшилъ предложить Петру осуществить его давнишнія намѣренія и отправиться не въ Персію, а въ Пруссію. Послѣ нѣкотораго раздумья, Петръ согласился и осенью 1847 года выѣхалъ изъ Москвы. По дорогѣ онъ заѣхалъ въ Стародубскія безпоповскія обители, чтобы уладить происшедшія здѣсь распри. Своимъ добросердечіемъ и строгимъ образомъ жизни Петръ на столько понравился здѣшнимъ инокамъ, что они упрашивали его остаться съ ними, но вѣрный данному слову, онъ отказался отъ такого любезнаго предложенія и отправился въ Пруссію.

III.

Пребываніе о. Павла (Петра Леднева) въ Пруссіи и его дѣятельность въ должности настоятеля прусскаго ѳедосѣевскаго монастыря.

Старообрядческія колоніи восточной Пруссіи были раскинуты на небольшомъ пространствѣ прусской Мазовіи, среди лѣсовъ и озеръ, вблизи озера Шпирдингъ. Всѣхъ жителей по административнымъ свѣдѣніямъ считалось въ сороковыхъ годахъ слишкомъ полторы тысячи. Поселились здѣсь старообрядцы маленькими деревушками; въ самой значительной изъ нихъ—Войновѣ—насчитывалось до 400 человѣкъ. Въ верстѣ отъ этого селенія, на полуостровѣ, вдающемся въ озеро, находился маленькій монастырекъ — Григорьичевъ скитокъ [1]), куда Петръ и прибылъ. Это было въ началѣ 1848 года. Уединенность скитка и его поэтическое мѣстоположеніе понравились

[1]) Лит. еп. вѣд. 1872 г. № 12, 491.

Петру. Онъ порѣшилъ остаться здѣсь и такъ какъ нѣмецкія власти не только не притѣсняли русскихъ выходцевъ, но и оказывали имъ покровительство, то Петръ увѣдомилъ своихъ московскихъ друзей, что «здѣсь все можно сдѣлать по ихнему желанію».[1]) Вскорѣ на присланныя изъ Москвы деньги было прикуплено нѣсколько новой земли и Петръ сдѣлался прусскимъ подданнымъ. Сюда же, въ скоромъ времени, искусно миновавъ руки полиціи[2]), были переправлены изъ Россіи большіе тюки съ книгами и иконами. Монастырскій столяръ сдѣлалъ приличный иконостасъ въ моленной, возвысилъ надъ нею куполъ и главу съ крестомъ. Въ 1850 году Петръ принялъ въ Злынскомъ монастырѣ иночество съ именемъ Павла. Въ этомъ же году пріѣхалъ сюда изъ Москвы Михеичъ, назначенный кладбищемъ головщикомъ этого монастыря. Казалось, всѣ обстоятельства сложились самымъ лучшимъ образомъ, чтобы монастырская жизнь подъ руководствомъ такихъ наставниковъ, при хорошемъ матеріальномъ обезпеченіи, спокойно потекла глубокимъ и широкимъ русломъ, принося обильные плоды духовно-нравственнаго совершенствованія братіи. Однако капризный, непомѣрно властолюбивый Михеичъ вскорѣ, спустя лишь нѣсколько мѣсяцевъ по пріѣздѣ, нарушилъ эту плодотворную тишину. Для выясненія высоты характера Павла, его благородства и великодушія остановимся нѣсколько на указанномъ фактѣ.

По пріѣздѣ Павла, прежній настоятель монастыря, видя въ немъ чрезвычайно умнаго человѣка съ широкими полномочіями отъ Преображенскаго кладбища, вручилъ ему всѣ бразды правленія, такъ что Павелъ сдѣлался de facto полнымъ распорядителемъ монастыря. Любовь и расположеніе братіи признавали за нимъ такое положеніе, формально хотя и не утвержденное. Честолюбивымъ и властолюбивымъ замысламъ пріѣхавшаго Михеича — головщика, полагалась, такимъ образомъ, въ лицѣ Павла несокрушимая преграда. Въ высшей степени не благородный, не выдержанный Михеичъ не могъ скрыть своей досады, что и обнаружилось въ неблагосклонныхъ отношеніяхъ къ Павлу, который, замѣтивъ такую перемѣну, началъ спрашивать о причинѣ такого явленія. Михеичъ отвѣчалъ: «ты и на работѣ и за трапезой всегда съ братіей; они къ тебѣ

---

1) Братск. слово, 83 г. ч. I, 33.

2) Собран. соч. арх. Павла. ч. Ш, 466—467.

расположены болѣе, нежели ко мнѣ». Павелъ сказалъ: «я удалюсь, а вы здѣсь оставайтесь; братія безъ меня привыкнетъ къ вамъ». Михеичъ отвѣчалъ: «ты уйдешь куда нибудь неподалеку, и они пойдутъ за тобою»! «Я пойду подалѣе, говорилъ Павелъ, куда никто не пойдетъ за мною». Михеичъ смолчалъ. А Павелъ послѣ этого разговора отправился въ Австрію, въ Буковину, въ село Климоуцы, отстоящее отъ Бѣлой Криницы верстахъ въ двухъ. Это было весной 1851 года, черезъ годъ по проѣздѣ Михеича въ Пруссію. Въ Климоуцахъ Павелъ былъ весьма любезно принятъ тѣми самыми Мироновыми, которые приходили въ Москву на кладбище и которымъ Павелъ писалъ возраженія противъ бѣлокриницкой іерархіи. Они дали Павлу для жительства одну хижину, гдѣ онъ и поселился [1]).

Климоуцкіе безпоповцы въ то время спорили съ Бѣлокриницкими поповцами. Послѣдніе брали верхъ, потому что Климоуцкіе не имѣли у себя людей, которые могли-бы заграждать уста защитникамъ бѣлокриницкаго священства. «Будучи смолоду знакомъ съ поповщинскимъ ученіемъ и имѣя сильныя противъ него возраженія, Павелъ поддержалъ безпоповцевъ противъ поповскихъ начетчиковъ, разъяснилъ имъ, что австрійская новоявленная іерархія не есть истинное, Христомъ основанное священство [2]). Здѣсь произошелъ, между прочимъ, одинъ казусъ, едва не надѣлавшій Павлу непріятностей. «Одинъ старичекъ простенькій», Сила, поимени, узнавъ, что прибывшій гость и есть тотъ самый, кто написалъ извѣстное, принесенное изъ Москвы обличеніе Бѣлокриницкой іерархіи, сойдясь съ поповцами, по своей простотѣ началъ хвалиться: «у васъ есть Павелъ (Бѣлокриницкій), да и у насъ теперь есть Павелъ, теперь мы васъ не боимся!» Дѣдушка Сила, очевидно, и не подозрѣвалъ, что онъ тѣмъ самымъ вооружаетъ противъ Павла сильныхъ Бѣлокриницкаго монастыря, имѣвшихъ тѣсныя связи съ австрійскимъ правительствомъ. «Однако Климоуцкіе безпоповцы, замѣчаетъ о. Павелъ, по благосклонности къ намъ, не дали насъ обидѣть» [3]). «А я, между тѣмъ, пишетъ впослѣдствіи о. Павелъ, выписки изъ Щита, данныя Мироновымъ въ Москвѣ, еще дополнилъ новыми выписками изъ книгъ. Эти выписки пошли по селу и надѣлали много молвы. Взялъ

---

1) Собр. соч. арх. Павла, ч. III, 467—468.

2) Тамъ-же, ч. II, 372—373.

3) Тамъ-же, ч. III, стр. 468.

ихъ почитать климоуцкій священникъ. Почитавши, смутился о своемъ священствѣ и пошелъ съ книгой въ Бѣлую Криницу, въ монастырь. Въ отвѣтъ противъ этой книги Бѣлокриницкій Павелъ и придумалъ свое извѣстное ученіе о временномъ сокрытіи благодати священства по образу сокрытія ветхозавѣтнаго жертвеннаго огня во время плѣна Вавилонскаго, а книгу мою истребилъ» [1]).

Между тѣмъ, въ это-же время въ прусскій монастырь прибылъ Андрей Ларіоновъ, принявшій по дорогѣ сюда въ Злынскомъ монастырѣ иноческій санъ и имя Антонія. О давно лелѣянномъ прускомъ монастырѣ онъ думалъ: «тутъ покой мой, здѣ вселюся, яко изволихъ» [2]). На дѣлѣ вышло, однако, не такъ. Михеичъ сказалъ ему: «деньги Семеномъ Кузьмичемъ вручены мнѣ, значитъ я полный хозяинъ», и затѣмъ такъ обошелся съ высокимъ гостемъ, что тотъ бѣжалъ отъ него къ Павлу въ Климоуцы [3]). Однако еще въ Пруссіи Антоній обжаловалъ поступокъ съ нимъ Михеича Семену Кузьмичу и этотъ послѣдній потребовалъ отъ Михеича, чтобы онъ возвратилъ оскорбленныхъ изгнанниковъ. Михеичъ сробѣлъ: и сначала письменно, а потомъ и лично искалъ примиренія и просилъ изгнанниковъ возвратиться въ Пруссію. Антоній, не довѣряя благорасположенности Михеича, ѣхать обратно отказывался. Павелъ-же въ отношеніи къ Михеичу сталъ дѣйствовать теперь самостоятельно. «Я, разсказываетъ о. Павелъ, обратился къ нему съ такими словами: ты говорилъ, что все, что есть въ монастырѣ въ Пруссіи, все это твое: значитъ ты насъ зовешь къ себѣ въ работники; ты и прежде хотѣлъ съ нами поступать, какъ съ работниками: мы не поѣдемъ;

---

[1]) Павелъ (Бѣлокриницкій), впрочемъ, думалъ помочь своему ученію и нѣсколько инымъ способомъ. Привыкши къ „смаиванію“, онъ вздумалъ приложить этотъ методъ дѣйствованія и по отношенію къ Павлу. Будучи, однако, тактичнымъ и въ высшей степени осторожнымъ, онъ эту миссію возложилъ на извѣстнаго Онуфрія, человѣка, мало понимавшаго тонкости людской хитрости, крайне добродушнаго. Послѣдствія этой миссіи не сдѣлали чести проницательности и предусмотрительности Павла Бѣлокриницкаго. Онуфрій не только не плѣнилъ Павла, но самъ попался къ нему въ плѣнъ: спустя нѣкоторое время онъ сложилъ съ себя незаконно носимыя святительскія одежды и бывшій епископъ австрійской іерархіи сдѣлался впослѣдствіи смиреннымъ инокомъ Никольскаго единовѣрческаго монастыря въ Москвѣ. Собр. соч. арх. П. III, 476.

[2]) Собр. соч. арх. Павла, ч. III, стр. 469.

[3]) Тамъ-же, стр. 470.

мы, слава Богу, сыты и здѣсь. А если тебѣ угодно насъ воротить, запиши, по крайней мѣрѣ, третью часть земли на монастырь, дай монастырю часть необходимыхъ книгъ и иконъ, остальнымъ же, какъ хочешь, такъ и владѣй»[1]). За плечами Михеича стояла тѣнь грознаго Семена Кузьмича и онъ согласился. Ненасытимое властолюбіе, впрочемъ, и въ Пруссіи уже, побудило Михеича отказаться отъ исполненія даннаго обѣщанія, такъ что Павелъ началъ было собираться опять въ Австрію; боясь Кузьмича, однако, Михеичъ смягчился и Павелъ остался въ Пруссіи.—Вскорѣ, впрочемъ, Павелъ опять посѣтилъ Климоуцы: оставшійся тамъ Антоній перешелъ въ поповскую секту[4]). Это встревожило Павла. Полагая, что причиной такого прискорбнаго факта служитъ оскорбленіе, нанесенное ему Михеичемъ, онъ убѣждаетъ послѣдняго поѣхать къ Антонію и въ личномъ свиданіи попросить у него извиненія. Павелъ думалъ такимъ образомъ возвратить Антонія. Михеичъ согласился и Павелъ въ качествѣ примирителя поѣхалъ съ нимъ. Однако примиреніе не состоялось и Михеичъ, спустя недѣлю, уѣхалъ обратно. Антоній, привлеченный въ поповство честолюбивыми стремленіями, не выказывалъ охоты возвратиться въ безпоповство, хотя Павелъ, проживши здѣсь болѣе четырехъ мѣсяцевъ, прилагалъ къ тому всѣ старанія. Здѣсь произошелъ случай весьма важный для характеристики Павла.

Антоній, говоритъ о. Павелъ, позволилъ себѣ быть орудіемъ недобросовѣстныхъ дѣйствій Павла Бѣлокриницкаго на мои религіозныя убѣжденія; онъ осмѣлился предложить мнѣ отъ лица Павла такія же обѣщанія, какими, очевидно, и самъ увлекся[3]). Это страшно возмутило Павла. Онъ простился съ Климоуцами и возвратился въ свой монастырь, изъ котораго Михеичъ уже вышелъ и поселился отдѣльно.—Съ этого времени оканчивается исполненный тревогъ и хлопотъ періодъ жизни Павла, начавшійся непосредственно по отъѣздѣ его изъ Сызранской пустыни. Теперь онъ становится дѣйствительнымъ настоятелемъ прусской обители и въ теченіи пятнадцати лѣтъ (1852—1867) посвящаетъ ей всѣ силы своего духа.

Казалось, вся энергія, израсходовать которую онъ намѣревался въ уединенныхъ сектантскихъ подвигахъ, обнаружилась именно здѣсь.

---

[1]) Братск. слово, 83 ч. I, стр. 73.

[2]) Впослѣдствіи онъ былъ старообрядческимъ архіереемъ съ именемъ Антонія (Шутовъ).

[3]) Братск. слово, 83 г. стр. 78.

Прежде всего вниманіе и заботы его были направлены на внѣшнее устройство монастыря, на постройку часовни и помѣщеній для братіи. Прежняя часовня получила капитальную ремонтировку и снабжена была всѣмъ необходимымъ для отправленія службъ; устроено было вполнѣ достаточное количество келій для братіи и почти весь монастырь былъ обнесенъ каменной оградой. Въ созиданіи послѣдней дѣятельное участіе принимали на ряду съ наемными рабочими и монастырскіе иноки. Трудами послѣднихъ созидалось и матеріальное обезпеченіе монастыря. Въ видѣ послушанія иноки исполняли многоразличныя къ благоустройству монастыря относящіяся работы. Были между ними люди и съ спеціальными ремесленными занятіями —портные, сапожныхъ дѣлъ мастера и др.; сидя въ своихъ кельяхъ, они исполняли монастырскія нужды. Матеріальныя средства монастыря Павелъ съумѣлъ увеличить продажею приготовлявшихся здѣсь мѣдныхъ крестиковъ и образковъ, а также продажею нѣкоторыхъ богослужебныхъ книгъ: часословцевъ, псалтырей, святцевъ, печатаніе которыхъ производилось въ г. Іоганнисбургѣ.

Внутренняя жизнь иноковъ, жизнь духа собственно, совершалась при строгомъ воздержаніи и усердной молитвѣ, чему прекраснымъ примѣромъ служилъ самъ настоятель—инокъ Павелъ. Посѣтивши въ это время монастырь, упомянутый выше о. Дарендовъ говоритъ, что онъ «увидѣлъ иноковъ изможденныхъ отъ многаго воздержанія, поста и молитвы [1]). Особенное же впечатлѣніе произвелъ на него Павелъ «нравственностію, ученіемъ, тихостію и страхомъ Божіимъ» [2]). Главное вниманіе Павла въ дѣлѣ духовнаго руководства иноковъ было устремлено на соблюденіе строгаго порядка церковныхъ службъ и точное исполненіе всѣхъ правилъ монастырскаго устава. Но какъ менѣе всего расположенный къ строгому, отвлеченному формализму, онъ всѣ заботы свои направилъ на то, чтобы укоренить здѣсь непритворный и сознательный духъ иноческаго благочестія. Павелъ не могъ выносить того средостѣнія, которое устанавливается между подчиненнымъ и начальствующимъ, между простымъ инокомъ и его настоятелемъ. Онъ желалъ и стремился осуществить такой строй монастырской жизни, гдѣ бы царили истинно-братскія отношенія между всѣми иноками безъ исключенія. На-

---

[1]) Братск. слово 83 г. I, 333.

[2]) Братск. слово. 83 г. I, 333.

чальствующихъ онъ понималъ только въ видѣ болѣе опытныхъ и болѣе нравственно-твердыхъ личностей, могущихъ наставить и укрѣпить брата, дѣлающаго невѣрные шаги на пути нравственнаго усовершенствованія. Чувствуя въ себѣ могучій нравственный духъ, способный укрѣпить и наставить немощнаго, онъ желалъ отъ братіи искреннихъ отношеній. Его скоро поняли и на его желаніе откликнулись съ такимъ сочувствіемъ, что преданность къ нему нѣкоторыхъ изъ братій была безгранична.

Относительно духовнаго развитія руководимой паствы Павелъ задался чрезвычайно широкимъ планомъ. Онъ желалъ сдѣлать изъ иноковъ людей вполнѣ духовно-просвѣщенныхъ. Зная какимъ могучимъ орудіемъ въ данномъ случаѣ служитъ книга, онъ каждогодно удѣлялъ изъ монастырскихъ финансовъ нѣкоторую сумму на пріобрѣтеніе книгъ нравственно-догматическаго содержанія, изъ которыхъ съ теченіемъ времени составилась здѣсь довольно значительная библіотека. Книги не лежали безъ употребленія: монастырская братія съ увлеченіемъ читала ихъ[1]). Но самую главную для духовнаго развитія братіи пищу доставляло, несомнѣнно, учительство самого Павла. Поставляя благочестіе, а слѣдовательно и спасеніе въ строгую зависимость отъ знанія слова Божія и писанія святыхъ отцевъ, онъ горѣлъ желаніемъ не только самому изучить святыя книги, но и братію пріобщить къ этому спасительному дѣлу. Но само собой понятно, братіи не подъ силу было самостоятельно заниматься этимъ великимъ дѣломъ, поэтому Павелъ рѣшилъ преподавать братіи плоды своихъ занятій въ устной бесѣдѣ. И вотъ, въ особенности по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ, послѣ вечерни, не выходя изъ часовни, здѣсь же въ притворѣ, иноки садились на скамьяхъ, а настоятель становился посреди нѣ и начиналъ бесѣду чтеніемъ какого либо слова изъ отеческихъ твореній, останавливаясь на мѣстахъ болѣе замѣчательныхъ именно въ приложеніи къ своимъ слушателямъ,—о вѣрѣ, о жизни богоугодной. Онъ предлагалъ имъ и свои собственія разъясненія, замѣчанія, наставленія и т. п., большею же частію предлагалъ имъ, или самъ получалъ отъ нихъ разные недоумѣнные вопросы, которые и подвергались общему разсужденію и рѣшенію, при чемъ главнымъ условіемъ полагалось говорить «безъ лукавства и натягательства» и если чего не могъ кто либо ясно

---

[1]) Тамъ-же, стр. 398.

доказать, долженъ былъ внимательно вникнуть въ предметъ разсужденія и оставить доказательства, разъ онѣ оказывались несостоятельными.

Снѣдаемый ревностію по мнимо-правой вѣрѣ, Павелъ прилагалъ усердіе и къ тому, чтобы научить и укрѣпить въ ней и людей, живущихъ внѣ его обители и лишенныхъ такимъ образомъ его непосредственнаго вліянія. Съ этой цѣлью онъ въ пятнадцати верстахъ отъ своего монастыря выстраиваетъ женскій монастырь и привлекаетъ сюда благочестивыхъ инокинь. Самъ онъ хотя рѣдко, но всетаки посѣщалъ эту обитель. Къ его пріѣзду обыкновенно приготовлялось множество недоумѣнныхъ вопросовъ изъ области вѣроученія и жизни обители, которые и предлагались Павлу для разрѣшенія. Слушать его сходился весь женскій монастырь [1]).

Нравственно-просвѣтительное вліяніе своего монастыря Павелъ постарался распространить и на окружавшія этотъ монастырь русскія старообрядческія поселенія. Прежде царила здѣсь, сравнительно говоря, широкая разнузданность. Бродяги, преступники, укрывшіеся сюда отъ преслѣдованія русской полиціи и составившіе здѣсь значительный контингентъ старообрядческаго населенія, не думали оставлять прежній образъ жизни и привели въ трепетъ своими отчаянными подвигами все населеніе мирной Мазовіи. Особенной ареной этихъ подвиговъ стала Польша, получившая для этихъ вольныхъ козаковъ значеніе какой-то туречины, откуда каждый день можно было привозить добычу. Прусскіе чиновники, присылаемые для составленія списковъ новыхъ поселенцевъ, становились въ тупикъ предъ этими бородатыми, чрезвычайно похожими одно на другое лицами, не понимая дико звучавшихъ русскихъ именъ, которыя, при томъ, постоянно мѣнялись, такъ какъ за имя выдавали и отчество и кличку или наконецъ просто вымышленное названіе [2]).—Религіозный бытъ колоній вообще не отличался одушевленіемъ жизни. Старообрядческіе скиты преимущественно заботились о соблюденіи поста и молитвы. Недоумѣнные религіозные вопросы разрѣшались стариками и старухами. «Я такъ запомню, говорила старая баба, мой дѣдушка говорилъ такъ и дѣлалъ такъ и по христіанскому такъ надо: вотъ и тотъ старикъ такъ говорилъ и тая струха также пом-

---

[1]) Собр. соч. арх. Павла, ч. III, стр. 504

[1]) Литовск. еп. вѣд. 1872 г, № 13, 493.

нитъ», и на такомъ свидѣтельствѣ утверждалось молодое поколѣніе старообрядцевъ[1]).

Съ приходомъ означенныхъ московскихъ книжниковъ и съ утвержденіемъ Павла въ должности настоятеля монастыря, въ религіозной жизни колоній произошелъ существенный переворотъ. Прокляты были табакъ, «дьявольское зелье» и водка. Прокляты были сапоги, сшитые не на одну ногу, фуражки съ козыркомъ, называвшіяся дьяволовымъ ногтемъ. Бракъ былъ названъ блудомъ. Присутствіе брачнаго въ обществѣ молящихся считалось предосудительнымъ; одновременная молитва съ нимъ оскверняла храмъ и иконы[2]). Ѳедосѣевское благочестіе начало укореняться, какъ видно, сразу. Возражать пришельцамъ вліятельнаго Преображенскаго кладбища никто, конечно, не посмѣлъ.

«Съ устройствомъ моленной многіе изъ окрестныхъ жителей, говоритъ о. Павелъ, стали ходить къ намъ въ монастырь по праздникамъ Богу молиться. Привлекало ихъ то, что у насъ послѣ часовъ въ моленной почитывали книги и не просто почитывали, а что недоумѣнное въ нихъ и разъясняли... Въ монастырѣ же они брали себѣ и книги для чтенія». А по временамъ и самъ Павелъ ходилъ въ Войновскую моленную, въ Мостишки (близъ лежавшія старообрядческія села) гдѣ занимался съ старообрядцами «довольно отъ книгъ разсужденіями», старался учить ихъ доброй нравственности, запрещалъ божиться, училъ не лгать, не укорять ближняго. Бесѣды его имѣли такой успѣхъ, что сперва въ Войновѣ, а потомъ и въ другихъ деревняхъ божбы именемъ Божіимъ стало не слышно, «а если который человѣкъ по старой привычкѣ побожится, то другой остановитъ его и вразумитъ»[3]). Въ прусскую обитель къ Павлу пріѣзжали многіе ревностные о расколѣ люди даже изъ Литвы почитать книги, поучиться, и гостили здѣсь мѣсяца по три, по полугоду, а иногда по году, по два[4]).

Съ цѣлью болѣе обширнаго распространенія ѳедосѣевской пропаганды Павелъ образовываетъ кружокъ наиболѣе способныхъ и на-

---

[1]) „Истина“ 1871 г. кн. XVIII, стр. 73. „Начало исторіи прусскаго безпоповскаго монастыря“

[2]) Лит. еп, вѣд. 72 г. № 13, 494.

[3]) Собр. соч. арх. Павла, ч. III, 505.

[4]) Тамъ-же, ч. II, 264.

иболѣ ревностныхъ въ дѣлѣ ѳедосѣевской вѣры и благочестія иноковъ,—учениковъ своихъ и по достаточномъ утвержденіи ихъ въ истинахъ ѳедосѣевства разсылаетъ ихъ въ разные концы широкой Руси. Учениковъ такихъ было у Павла около шестидесяти человѣкъ и кругъ ихъ миссіонерской дѣятельности вскорѣ охватилъ пространство «отъ Сувалокъ до Петербурга, по Волгѣ—отъ Кимры до Вольска и губерніи Пензенскую, Волынскую, Полтавскую и Курскую»[1]).

IV.

Борьба о. Павла противъ ѳедосѣевскаго безбрачія.

Мы знаемъ, что поѣздка на Преображенское кладбище была предпринята Павломъ въ цѣляхъ разъясненія его недоумѣній по поводу крещенія младенцевъ и исповѣди брачныхъ лицъ. Какъ извѣстно, кладбище оказалось безсильнымъ залѣчить эти язвы ѳедосѣевской вѣры Павла. Поэтому, всего естественнѣе было послѣ этого ожидать, что критическая мысль Павла въ своей разрушительной дѣятельности пойдетъ и еще дальше, такъ какъ ѳедосѣевство не только не могло защищать себя, но и всѣмъ своимъ содержаніемъ вооружало противъ себя и здравый разсудокъ и естественное нравственное чувство. Безобразія, скрывавшіяся въ немъ, были несравненно возмутительнѣе тѣхъ, противъ которыхъ возсталъ Павелъ. Безобразія эти происходили отъ воспрещенія брачной жизни.

Въ 50-й главѣ Кормчей установлено: «вся же супружества, яже не съ благословеніемъ церковнымъ и чиннымъ отъ своего пастыря, сіе есть, отъ епископа, или отъ тоя парохіи священника, вѣнчаніемъ при двухъ или трехъ свидѣтелей совершаемая, по соборному установленію, и святыхъ отецъ ученію незаконна, паче же беззаконна и ничтоже суть». Такъ какъ, по ученію раскольниковъ, рука людей освященныхъ разсыпася, то, слѣдовательно, и тайны брака совершать некому, а посему и брачной жизни быть уже не можетъ. Въ началѣ происхожденія раскола такое ученіе находило довольно благопріятную для себя почву въ той настроенности раскольниковъ, которую сообщила имъ увѣренность въ царствованіи антихриста, ожиданіе скораго второго Христова пришествія, а вмѣстѣ съ этимъ и конца міра. По ихъ вѣрованію, то время именно было такое, имѣя въ виду которое Св. Писаніе говоритъ: «тогда и во чревѣ имущіи разсядутся и горе непраздным и доящимъ въ тыя дни... и имущіи жены, яко не имущіи будутъ». «Аще сія тако бу-

[1]) Тамъ-же, ч. III, 506.

детъ, то кія браки? Кое сочетаніе? Кое чадородіе?[1]) Въ такое тѣсное время, время плача, скорби и раскаянія во грѣхахъ, о бракахъ и пирахъ думать было, конечно, не время. Однако, царствованіе антихриста продолжалось что-то уже слишкомъ долго. Давно прошли опредѣленные Писаніемъ три съ половиною года, а второго пришествія Христа все еще не было. Религіозная настроенность стала ослабѣвать, плоть и кровь заняли по естеству принадлежавшія имъ права, слѣдствіемъ чего и было то, что даже въ суровомъ Выгѣ обители «возскрипѣли колыбелями и огласились плачемъ новорожденныхъ младенцевъ», и во всемъ расколѣ вообще «благочестіе упадаше, а скверное житіе цвѣтяше». Вопросъ о бракѣ необходимо требовалъ разрѣшенія. Не смотря на строгое запрещеніе брачныхъ сожитій раскольническимъ соборомъ 1752 года, и естество человѣческое и здравое нравственное чувство сильно склонялись въ сторону ученія Ивана Алексѣева о безсвященнословномъ бракѣ. Ученію о всеобщемъ дѣвствѣ грозила опасность совершеннаго исчезновенія съ лица земли, какъ вдругъ на сцену исторіи появляется знаменитый столпъ ѳедосѣевства Илья Ковылинъ. При помощи своихъ, вполнѣ достойныхъ преемниковъ, какъ то Сергѣя Семенова Гнусина, Ваньки Таровитаго и Семена Кузьмича. онъ укрѣпилъ ѳедосѣевство на многіе годы. Знаменитый Ковылинъ первый показалъ дорогу, какимъ образомъ, требуя сохраненія дѣвства, можно въ тоже время не только сохранить общество строгихъ ѳедосѣевцевъ, но и привлечь на его сторону очень и очень многихъ не только изъ другихъ раскольническихъ сектъ, но даже и изъ православной церкви. Онъ былъ весь лицемѣріе, наружнымъ благочестіемъ прикрывавшій самые грубые пороки. Проповѣдуя постъ и воздержаніе, самъ онъ соблюдалъ его только въ общихъ трапезахъ; говоря о воздержаніи страстей, самъ часто посѣщалъ одинъ богато отдѣланный на его счетъ домъ въ Лефортовской части, въ которомъ жила нѣкая мѣщанка Анна Дмитріевна. Вообще «онъ былъ любитель пышной жизни и другой ненравственности по предмету удовлетворенія тѣла», какъ отзывается о немъ Павелъ Любопытный. Главный принципъ, при посредствѣ котораго онъ сплотилъ все ѳедосѣевство, заключался въ его излюбленной фразѣ: «тайно содѣянное, тайно и судится». Такимъ образомъ, вмѣстѣ съ внѣшней строгой дѣвственностію мирно

[1]) Письмо Ковылина къ вопрошавшему о бракѣ Душепол. Чтен. 1879 г. 425—422.

ужился тайный и вмѣстѣ повальный развратъ. Илья Алексѣевичъ шелъ даже нѣсколько дальше. Нѣкоторые (изъ богатыхъ прихожанъ) испрашивали у него позволеніе имѣть наложницъ: «не возбраняется, отвѣчалъ онъ на такія просьбы, утолять похоть, да не обуревается человѣкъ нечистымъ помысломъ»; и вообще онъ совѣтовалъ держаться того правила, что не «павши не спасешься»[1]). По смерти Ковылина наслѣдникомъ и ревностнымъ распространителемъ его идей явился Сергѣй, или Михаилъ (настоящее имя его неизвѣстно) Гнусинъ. По отзыву Павла Любопытнаго, это былъ «ужасный изувѣръ, человѣкъ зломудренный, исполненный пустосвятства и обмана, самонравный, честолюбивый и мстительный, лютый бракоборецъ, возмутившій своимъ ученіемъ Москву, Петербургъ и прочія страны»[2]). Если такая характеристика и преувеличена, то немного. Дѣвственная жизнь въ воззрѣніяхъ этого мудреца представлялась добродѣтелью такой цѣнности, что для ней собственно Господу угодно было прекратить и самое священство, а слѣдовательно и таинство брака[3]). Его «отеческія завѣщанія», которыми руководились ѳедосѣевцы, заключались въ слѣдующихъ пунктахъ: «бракъ отъяся и запретися» (пунктъ 3-й); «староженыхъ бѣгати» (п. 4); «половинокъ[4]) разлучить»; «покаявшихся разводить» (п. 7); «младенцевъ отъ христіанъ брачащихся не крестить» (п. 8); «къ зачатію младенца душа отъ діавола» (п. 9); «христіане брачащіеся суть змѣино гнѣздище, сатанино и бѣсовъ его прескверное дворище» (п. 10); «въ бракахъ христіанскихъ родства тѣлеснаго не признавать» (п. 11); «о умноженіи рода человѣческаго промышляетъ сатана» (п. 12).[5]) Ограждая столь ужаснымъ ученіемъ своихъ послѣдователей именно отъ брака, Гнусинъ совсѣмъ иначе разрѣшалъ практическій вопросъ о половыхъ отношеніяхъ между ѳедосѣевцами и ѳедосѣевками. Наставленіе его Семену Кузьмичу, пріѣхавшему въ Соловки навѣстить «страждущаго праведника», состояло въ слѣдующемъ: «если пожелаешь быть начальникомъ всего согласія въ Россіи, говорилъ онъ Кузьмичу, то помни, что оно сосредоточено въ московской общинѣ; но общину составляютъ люди; а чтобы овладѣть ими, надо имъ не противиться.

---

[1]) Русск. Вѣсти 1862 г. 2 кн. 771 стр. „Изъ исторіи Преображенск. кладбища.

[2]) Словарь Павла Любопытнаго № 173, 174.

[3]) Собр. сочиненій архим. Павла, ч. II, 116.

[4]) „Половинкой“ называлось то лицо изъ брачныхъ, которое придерживалось ѳедосѣевства.

[5]) Ливанова: „Раскольники и острожники“. Спб. 1869 г. стр. 150.

Терпи, если найдешь ихъ отпаденіе; потворствуй, не тронь молодыхъ, противящихся старикамъ. Чѣмъ чаще будешь отпускать имъ согрѣшенія, тѣмъ сильнѣе они привержены будутъ къ согласію и не пойдутъ въ церковь. Что имъ дѣлать тамъ, гдѣ даютъ по одной женѣ, да и ту не смѣй кинуть! Отверзай вхожденіе на ложе мужское женщинамъ и дѣвамъ, и тебя почтутъ мужи, и ты вознесешься. А пойдешь противъ, низринешься, падешь, полетишь на крылу вѣтреню»[1]) Помня это наставленіе, Семенъ Кузьмичъ потворствовалъ слабостямъ дѣтей своихъ и вообще старался не только управлять и исправлять, сколько предоставлялъ жизни ѳедосѣевской общины идти своимъ естественнымъ порядкомъ: такъ было покойнѣе и безопаснѣе.[2]) Вслѣдствіе такого ученія своихъ наставниковъ и такого отношенія ихъ къ своей паствѣ, послѣдняя въ своей внутренней жизни представляетъ слѣдующее интересное раздѣленіе на семь классовъ: 1) дѣвственниковъ, 2) тайноженовъ, 3) дѣвкоженовъ, 4) многоженовъ, 5) стараженовъ, 6) новоженовъ и 7) половинки.

1) Дѣвственниками называются всѣ, живущіе безъ женъ, хотя тайно и развратничающіе. Собственно же это имя принадлежитъ у нихъ только подражателямъ Содомлянъ и онанистамъ.

2) Тайножены— посѣщающіе наложницъ тайно и въ публикѣ считающіеся холостыми; дѣтей, при этомъ, (если не успѣваютъ вытравить плода), или убиваютъ, или подкидываютъ, дабы не опозорить дѣвство. Такимъ образомъ, этотъ классъ по преимуществу уважаетъ тѣ пункты завѣщаній Гнусина, въ которыхъ говорится, что «къ

---

[1]) Русск. Вѣстн. 1862 г. 2 кн. 796—797. „Изъ исторіи Преображенск. кладбища".

[2]) Ошибочно, впрочемъ, было бы заключать, что бракоборная проповѣдь ѳедосѣевскихъ наставниковъ лишена хотя бы малой доли искренности и представляетъ собой только лицемѣріе въ цѣляхъ разврата. То, конечно, несомнѣнно, что даже очень многіе наставники ѳедосѣевства вмѣстѣ съ ревностною противъ брака проповѣдью сами состоятъ въ сожительствѣ съ женщинами и по кончинѣ своей оставляютъ семейства, свидѣтельствующія о плодахъ проповѣданной ими дѣвственой жизни. Однако, у многихъ изъ нихъ побудительнымъ мотивомъ для усердной бракоборной проповѣди является желаніе хотя нѣсколько ограничить половыя связи, въ виду ихъ преступности внѣ законнаго брака. Половая связь въ бракѣ (незаконномъ) пользуется всѣми правами дѣла вполнѣ естественнаго и законнаго и такимъ образомъ, зло, по взгляду ѳедосѣевцевъ, не имѣетъ уже никакихъ преградъ къ своему распространенію, никакой сдержанности.

зачатію младенца [душа отъ діавола» (п. 9) и что «объ умноженіи рода человѣческаго промышляетъ сатана» (п. 12).

3) Дѣвкоженами именуются тѣ, которые, хотя живутъ вмѣстѣ, какъ мужъ съ женою, но считаются холостыми и дѣвицами. Дѣтей, обыкновенно, подкидываютъ, хотя сожительство мужчины и связанное съ этимъ матеріальное обезпеченіе очень часто даетъ возможность сострадательной матери оставить ребенка и при себѣ. Такіе сожители свободно порываютъ связь съ прежней подругой и оставляютъ ее на произволъ судьбы. «Не жену, стряпуху держи», говоритъ ѳедосѣевское, практически-мудрое правило, «и часто перемѣниваючи отклони зазоръ; дѣтей не роди, а если и родишь, тайно воспитай и племянничкомъ называй; а когда покинешь жену съ дѣтьми, тогда только будешь чистый рабъ» [1]).

4) Многоженами называются тѣ, которые удовлетворяютъ свои плотскія страсти гдѣ, какъ и съ кѣмъ придется. Это самый подходящій образъ жизни для ѳедосѣевца — и страсть удовлетворена и зазорной сожительницы нѣтъ. Для женщины же такой образъ жизни почти исключаетъ возможность дѣторожденія, почему наиболѣе и предпочитается ими вопреки естественной и чисто нравственной склонности принадлежать только одному. Многожены, «яко цѣломудренные и чистаго житія», находятся обыкновенно «въ соединенности церковной», и даже не умѣющіе, какъ говорится, концы прятать, явные развратники «точію въ подозрѣніи» находятся и хотя подлежатъ нѣкоторымъ взысканіямъ, но «въ числѣ ревностныхъ и твердыхъ христіанъ являются». Такимъ образомъ, наиболѣе безнравственные пользуются наибольшимъ уваженіемъ.

5) Старожены, — это лица, вступившія въ бракъ до перехода въ ѳедосѣевство; обыкновенно самый переходъ совершается съ обѣщаніемъ цѣломудрія; за чадородіе подвергаются епитиміямъ, а за четвертое рожденіе и совсѣмъ отлучаются отъ общества.

6) Новоженами называются тѣ, кто или женился, или просто живетъ въ открытой связи, не взирая ни на укоры, ни на отлученія; предъ смертію они могутъ, однако, принести покаяніе и съ обѣщаніемъ разойтись принимаются въ общество ѳедосѣевства снова.

7) Половинками называются такіе брачные союзы, когда одна сторона принадлежитъ ѳедосѣевству, а другая, или къ иной сектѣ

---

[1]) „Истина“ 1867 г. кн. 2, л. 67.

раскола, или же къ православной церкви. Эти браки истыми ѳедосѣевцами уподобляются бракамъ сыновъ Божіихъ съ дщерями человѣческими, за которые Богъ истребилъ человѣчество потопомъ. Сторонѣ, принадлежавшей ѳедосѣевству, вмѣнялось въ священную обязанность повліять на свою половину и привлечь въ свою секту[1]).

Таковъ внутренній строй ѳедосѣевской общины, слѣдующей ученію Гнусина и его достойныхъ преемниковъ. Мы не говоримъ о проповѣдуемомъ этимъ ученіемъ насиліи надъ природою человѣка, не говоримъ о страданіяхъ несчастныхъ женщинъ, брошенныхъ съ дѣтьми на произволъ судьбы своими безнравственными сожителями, о лишеніяхъ безпомощныхъ голышей — малолѣтокъ; мы ужасаемся чудовищнымъ размѣрамъ здѣшняго разврата и соединеннымъ съ нимъ тяжкимъ преступленіямъ: вытравливанія плода, дѣтоубійства и кровосмѣшенія. Нельзя не согласиться съ словами того-же Андреяна Сергѣева, что

---

[1]) И. Ѳ. Нильскаго: „Семейная жизнь въ русскомъ расколѣ". Спб. 1869 г. вып. 2. и 3, и „Прогулка на Преображенск. кладбищѣ", Душепол. чтен. 1879 г. ч. II, 388.—Прекрасно освящаетъ внутреннюю жизнь ѳедосѣевства нѣкто Андреянъ Сергѣевъ († 1847 г.), приверженецъ ученія брачниковъ и ратовавшій, слѣдовательно, противъ безбрачныхъ. Писалъ онъ риѳмованной прозой съ оттѣнкомъ легкой иронiи.

„Какъ угодно поживайте",—пишетъ Андреянъ Сергѣевъ какъ бы отъ лица самыхъ наставниковъ ѳедосѣевскаго безбрачія,—

Только въ бракъ вы не вступайте,
Староженка не роди,
Дѣвка замужъ не ходи;
Староженый воздержися,
Холостый не женися,
Сына, дщерь не сочетай,
Въ бракъ входить не дозволяй;
Отрокъ, дѣва не родися,
Сѣменами умертвися.

Однако, если вслѣдствіе неопытности, или, можетъ быть, вслѣдствіе не особенно крѣпкой вѣры въ то, что „къ зачатью человѣка,

Душу жизни и рожденья
Не Господь одушевляетъ,
Но діаволъ помѣщаетъ",

ѳедосѣевка оказывалась беременною и надлежало ей родить, то ѳедосѣевскимъ женщинамъ постановлялось:

«Фараонъ дѣтоубійца,
Иродъ злобный, кровопійца,
Грѣхъ тогда ихъ легче былъ,—
Мужескъ полъ одинъ губилъ.
Бракоборъ же взаконяетъ—
Оба полы умерщвляетъ».—

Павелъ, не стерпѣвшій менѣе важныхъ безобразій ѳедосѣевства и не встрѣтившій защиты и оправданія ихъ у ѳедосѣевскихъ наставниковъ, долженъ былъ бы непосредственно же возстать съ обличеніемъ ужаснѣйшаго описаннаго нами безобразія внутренней жизни ѳедосѣевской. Однако на дѣлѣ оказалось нѣсколько иначе. Его критическая мысль какъ будто-бы остановилась. «Ученіе ѳедосѣевскаго согласія о томъ, говоритъ впослѣдствіи о. Павелъ, что

„Повивалками не быть,
Повиваньемъ не служить.
Вѣру твердо сохранять,
И въ родахъ не помогать".

Если стыдъ за будущія нареканія со стороны „чистыхъ" ѳедосѣевцевъ, а также и боязнь отлученія отъ общей молитвы не могли побѣдить состраданія и привязанности матери къ своему ребенку, и она сама рѣшалась воспитывать его, вопреки обыкновенію ѳедосѣевцевъ—подкидывать, или умерщвлять младенцевъ,—то при кормленіи младенца узаконяется:

„Матернихъ грудей не дать,
И сосцевъ тѣхъ не сосать".
„Новоженка сохрани (правило),
Изъ горшка млекомъ корми,
А не грудію своею
И не мерзостью твоею,
Но коровьимъ молокомъ".

Если же не смотря и на такія стѣсненія, рожденіе дѣтей продолжалось, ѳедосѣевцы мирились съ этимъ явленіемъ и крайнимъ пунктомъ ихъ нелѣпаго ученія явилась поговорка:

„Сколько хочешь народи,
Только замужъ не ходи".

На являвшееся по этому поводу сомнѣніе относительно достоинства и спасительности такой жизни, говорилось:

„Насъ отцы за грѣхъ простятъ,
Въ райско мѣсто помѣстятъ". (Труды Кіевск. Дух. Акад. 1877 г. т. IV, стр. 380—389. ст. „О бракоборномъ ученіи."

наступило царство антихристово, что въ сіе плачевное время никакъ не должно быть браку, но неотмѣнно должно воздерживаться отъ дѣторожденія: я распространялъ съ великою ревностію».[1]) Прусскіе ѳедосѣевцы, гдѣ Павелъ проявилъ первые опыты своей ревности, поборающей о ѳедосѣевскомъ безбрачіи, хотя браки и не признавали, однако съ такой строгостью, какъ московскіе, ихъ не воспрещали, говоря такъ: хотя нынче законнаго брака нѣтъ, но жениться надо, чтобы не прекратился родъ человѣческій.[2]) При содѣйствіи Алексѣя Михеича, также ревностнаго распространителя строгаго ѳедосѣевства, Павелъ усердно сталъ реформировать утвердившіеся здѣсь обычаи и воззрѣнія. Какъ уже видѣли мы, бракъ былъ названъ теперь блудомъ. Присутствія брачнаго въ обществѣ молящихся не допускалось: одновременная молитва съ нимъ оскверняла и храмъ и иконы. При появленіи брачнаго во время ѣды, или питья, закрывали сосудъ, чтобы скверна, сокрытая въ каждомъ словѣ брачнаго, не попала въ пищу. [3]) Въ Климоуцахъ, далѣе, куда Павелъ, какъ извѣстно уже, удалился въ 1851 году, онъ проповѣдывалъ о томъ-же. «Климоуцкіе безпоповцы допускали брачныхъ въ совокупное моленіе: однакоже бракъ безъ священнословія (т. е. священническаго благословенія), законнымъ не признавали. Почитая, такимъ образомъ, свои браки незаконными, они для успокоенія совѣсти желали придать имъ хотя видъ законности и для этого придумали звать въ свою часовню для вѣнчанія браковъ бѣглаго попа изъ Бѣлой Криницы. Такъ безпоповцы климоуцкіе сами себѣ противорѣчили: крещеныхъ бѣлокриницкими попами перекрещивали, и всѣ прочія тайны, отъ нихъ совершаемыя, ни во что полагали, а вѣнчаніемъ ихъ думали навершать свои браки, подавать этимъ бракамъ законную силу! Понятно, что при такой шаткости и неосновательности ихъ понятій о бракѣ, мнѣ, говоритъ впослѣдствіи о. Павелъ, не трудно было посѣять между ними безбрачное Преображенскаго кладбища ученіе. Я говорилъ имъ: бракъ безъ священнословія сами вы признаете не бракомъ, а блудомъ, а священнословіе бѣглопоповское не есть священнословіе и браки ваши браками сдѣлать не сильно: значитъ, проповѣдуя браки, вы проповѣдуете блудъ,

---

[1]) Собр. соч. архим. Павла, ч. I, стр. 764 и ч. II, 375—377.

[2]) Тамъ-же, ч. II, стр. 373—374;

[3]) Лит. еп. вѣд. 1872 г. № 13-й стр. 494.

и принимая женатыхъ на молитву, потворствуете блудникамъ. Климоуцкіе возражали: если нынѣ жениться нельзя, то какъ-же будетъ и міръ стоять? Эта для ѳедосѣевцевъ трудная задача разрѣшилась такъ: «въ раю, прежде грѣхопаденія, Адамъ жилъ безъ брака: и нынѣ, на конецъ свѣта, мы должны быть по первому образу, также безъ брака, дабы начало и конецъ были одинаковы». Однакоже, Климоуцкихъ безпоповцевъ это доказательство удовлетворить не могло, они говорили: «мы не въ раю теперь живемъ, и не подъ такимъ закономъ, чтобы всѣмъ повелѣвалось вмѣстить дѣвство»! Но въ тоже время и свои браки оправдать не знали какъ и чѣмъ. И вотъ, Климоуцкіе безпоповцы раздѣлились на двое, какъ это и во многихъ мѣстахъ бываетъ у безпоповцевъ: одни приняли наше ученіе безбрачное и стали ходить молиться къ намъ, другіе не приняли и ходили въ прежнюю свою моленную».[1])

Такая ревность Павла въ распространеніи ѳедосѣевства съ его преступною, противонравственною жизнію, является для насъ тѣмъ болѣе непонятною, что, какъ уже мы знаемъ, онъ не могъ выносить и возсталъ противъ сравнительно меньшихъ золъ ѳедосѣевской жизни, именно, противъ «коварственной исповѣди» и жестокаго отношенія ѳедосѣевцевъ къ новорожденнымъ младенцамъ.

Дѣло, непонятное съ перваго взгляда, объясняется, впрочемъ, очень легко. Никакой перемѣны въ убѣжденіяхъ и воззрѣніяхъ на ѳедосѣевство у Павла не послѣдовало, а просто, какъ самъ онъ говоритъ, ѳедосѣевство проповѣдывалъ онъ потому, что «мало зналъ тогда жизнь ѳедосѣевскихъ безбрачниковъ»,[2]) и «по неопытности своей»[3]) распространялъ такое ученіе. И это нисколько не покажется намъ страннымъ, если мы припомнимъ, что съ семнадцатилѣтняго возраста онъ порвалъ съ міромъ почти всякія связи, удалившись, какъ извѣстно, въ глухое мѣсто, гдѣ стояла отцовская пасѣка. Впрочемъ, его дѣятельность, какъ безпоповскаго наставника—требоисправителя, совпадавшая съ временемъ жизни его на пасѣкѣ, около Сызрани, несомнѣнно знакомила его съ жизнью ѳедосѣевства. Но по сколько знакомила, по стольку, конечно, и вооружала. Какъ извѣстно, онъ вооружился противъ исповѣди и отношенія ѳедосѣев-

---

[1]) Собр. соч. арх. Павла, ч. II, стр. 374—376.

[2]) Тамъ-же, стр. 377.

[3]) Тамъ-же, ч. I, стр. 764.

цевъ къ младенцамъ. Приходилось ему, конечно, наталкиваться здѣсь на примѣры разврата и даже на ужасныя слѣдствія этого преступленія,[1]) но очевидно это были рѣдкіе случаи, не разсѣевавшіе его увѣренности въ томъ, что «при строгомъ наблюденіи наставниковъ можно въ ѳедосѣевцахъ водворить чистоту».[2]) Вообще, «по неопытности своей» онъ «вполнѣ довѣрялъ ученію стариковъ, будто весь міръ можетъ вмѣстить безбрачную жизнь, да только не хочетъ и что нынѣ, въ послѣднее время Богъ, отъявъ священство, узаконилъ всѣмъ вообще жить безбрачно и тѣмъ родъ нашъ возвысить къ ангельской чистотѣ: посему, разрѣшать бракъ уже противно волѣ Божіей».[3]) «Я думалъ тогда, говоритъ о. Павелъ, что въ городахъ и селахъ, дѣти, живя при отцахъ, подъ ихъ надзоромъ, могутъ проводить безбрачную жизнь безбѣдно, (какъ о томъ и Гнусинъ пишетъ въ своихъ Пандектахъ) и огорчался на тѣхъ наставниковъ, которые дѣлаютъ поблажку молодымъ людямъ жить развратно».[4])

---

1) Самъ о. Павелъ вспоминаетъ такого рода случай. „Недалеко отъ моей родины, города Сызрани, говоритъ онъ, за Волгой, есть деревня Обшаровка: въ ней было много ѳедосѣевцевъ и нѣкоторые изъ нихъ стали смущаться тѣмъ, что отъ возбраненія женитьбы начали рождаться важныя преступленія. Пріѣхалъ къ нимъ московскій отецъ Иванъ Тихоновъ, современникъ Гнусина, изъ преображенскихъ... составилось собраніе и одинъ изъ жителей Обшаровки спросилъ: „вотъ, батюшка, у меня дочка есть, переросла уже: что мнѣ съ ней дѣлать“? Иванъ Тихоновъ отвѣтилъ: „учи ее, чтобы не шла: нынѣ браковъ нѣтъ“! А мужичекъ сказалъ: „да вѣдь она, батюшка, худо живетъ: не лучше-ли отдать замужъ“? „Какъ это можно“! отвѣтилъ Иванъ Тихоновъ: „отдать замужъ, связать ее на вѣкъ во грѣхѣ; лучше пусть такъ родитъ“. Мужичекъ сказалъ: „это ничего, пусть бы родила: да вѣдь она, батюшка, колотитъ (убиваетъ младенцевъ)“. Иванъ Тихоновъ отвѣтилъ: „пустъ колотитъ, а отдать нельзя“. Мужичекъ спросилъ: „а какъ, батюшка, на это смотрѣть, что она колотитъ? и докудова это терпѣть“? Иванъ Тихоновъ сказалъ: „устанетъ-перестанетъ“. (Собр. соч. ч. II, 378). Само собой разумѣется, что Павелъ не раздѣлялъ воззрѣній Ивана Тихонова, въ родѣ, напр. „пусть родитъ“, „устанетъ—перестанетъ“. Возмущаясь противъ сравнительно неважныхъ преступленій ѳедосѣевцевъ, онъ конечно до глубины души возмущался подобнымъ изувѣрствомъ, и если не возсталъ открыто, то лишь потому только, что до его свѣдѣнія доходили одиночные, весьма рѣдкіе случаи, которые онъ готовъ былъ терпѣть, какъ необходимое зло.

2) Собр. соч. арх. Павла, ч, II, стр. 377.

3) Собр. соч. арх. Павла, ч. II, стр. 378.

4) Тамъ-же, стр. 377.

«Я хотя и читалъ Евангеліе, говоритъ въ своей трогательной исповѣди о. Павелъ, но не внималъ евангельскому ученію, глаголющему о дѣвствѣ, яко не вси вмѣщаютъ словесе сего (отъ Матѳ. зачало 78), и говорилъ о сихъ словахъ евангельскихъ, (какъ и всѣ ѳедосѣевцы говорятъ), что слѣдовать симъ словамъ евангельскимъ нынѣ не время, нынѣ всѣ должны вмѣщать безбрачную жизнь. Мимо ушей моихъ безъ вниманія проходили и сіи слова Христовы, яко (только) въ воскресеніе мертвыхъ ни женятся, ни посягаютъ (отъ Луки, зач. 102). Не внималъ я и апостольскому законоположенію и разсужденію о бракѣ, что бракъ избавляетъ отъ блуда, что блудодѣянія ради (т. е. еже не впасти кому въ блудъ), кійждо свою жену да имать, и каждо жена своего мужа да имать (къ Коринѳ. зач. 136). Не внималъ я, хотя и читалъ, словамъ вселенскаго учителя Іоанна Златоустаго, повелѣвающаго родителямъ дѣтей своихъ въ сохраненіе цѣломудрія бракомъ совокупляти, (на посланіе къ Солунянномъ нравоученіе пятое и на первое посланіе къ Тимоѳею нравоученіе девятое). Не внималъ я и сему наказанію св. Златоуста, яко блудъ убійство родитъ, и убійство презлѣйшее: ибо тамъ бываетъ прежде рождества убійство, (на посланіе къ Римляномъ нравоученіе двадесятьчетвертое). Слѣдуя ѳедосѣевскимъ учителямъ, я мнилъ, что возможно весь міръ, всю вселенную подклонить подъ одно безбрачное узаконеніе, и отъ брачнаго пути отклонить.... покушался удержать и остановить великую рѣку всемірнаго, Богомъ установленнаго чадорожденія».[1])

Но «недоумѣнное пребысть недоумѣннымъ до времени»[2]). Не успѣлъ Павелъ изъ своего уединенія переступить за порогъ мірской жизни, какъ скрытое до сихъ поръ ѳедосѣевство развернулось предъ нимъ во всемъ своемъ ужасѣ. Въ Климоуцахъ, куда онъ прибылъ вскорѣ послѣ оставленія Преображенскаго кладбища и гдѣ къ Павлу за его защиту противъ обличенія поповцевъ относились съ такой любовью, съ такимъ искреннимъ расположеніемъ и уваженіемъ, многіе, однако, не соглашались съ его ученіемъ о бракѣ. Фактъ этотъ для Павла былъ чрезвычайно прискорбнымъ. Тѣ, которые до сихъ поръ готовы были, кажется, отдать ему свою душу, оказались вдругъ его противниками. Требовалось объясненіе. И вотъ, нѣкто

---

[1]) Тамъ-же, ч. I, стр. 764—765.

[2]) Собр. соч. арх. Павла, ч. II, стр. 766.

Тимоѳей и Михаилъ Ѳедоровы, очевидно, люди честные, въ которыхъ голосъ чистой совѣсти не былъ еще вытравленъ ядомъ ѳедосѣевскихъ воззрѣній, пришли къ своему дорогому учителю и сказали: «отцы», (Павелъ былъ съ спутникомъ), хотя бракъ безъ священника и незаконный, но молодымъ людямъ воспрещать жениться невозможно: ежели будемъ воспрещать имъ жениться, то у насъ въ Климоуцахъ будутъ полны сажалки младенцевъ, негдѣ будетъ и воды напиться».[1]) Этимъ заявленіемъ началось знакомство Павла съ внутренней, скрытой отъ него стороной ѳедосѣевской жизни. По пріѣздѣ въ Пруссію, на постоянное уже жительство, поводомъ серьезно заняться вопросомъ о бракѣ послужило слѣдующее обстоятельство. Вокругъ Павлова монастыря, всѣ русскіе жители были ѳедосѣевцы. Просвѣщеніе ихъ въ вѣрѣ и нравственности Павелъ считалъ священною обязанностію своего монастыря и, къ его утѣшенію, подъ вліяніемъ чтенія и бесѣдъ монастырскихъ нравственная жизнь ихъ поправилась, такъ, напр., какъ видѣли мы уже, они бросили божбу именемъ Божіимъ, перестали ругаться и т. д. Однако, когда дѣло дошло до исправленія разврата и безпорядочности половыхъ отношеній, тѣ-же ѳедосѣевцы говорили откровенно, что міръ не монастырь, что при совокупныхъ работахъ и совокупномъ жительствѣ обоихъ половъ дѣвственная жизнь безъ порока невозможна».[2]) Мало того, Павелъ нашелъ, что тамъ, по запрещеніи браковъ, уже «появились извѣстныя лѣкарки, которыя давали молодымъ дѣвицамъ снадобья, чтобы не родить: это зло побудило меня, говоритъ о. Павелъ, размыслить внимательно о томъ, можно-ли и въ самомъ дѣлѣ всемірно водворить безбрачную жизнь и воспрещать браки».[3]) Внимательное размышленіе привело Павла къ слѣдующему заключенію. Еслибы ѳедосѣевцы представляли собой и дѣйствительно общество дѣвственниковъ, то и въ такомъ случаѣ ихъ дѣвство не представляло бы надлежащей цѣны. «Трудно не подумать, говоритъ онъ, чтобы нѣкоторые, взирая на такую борьбу противу неумолимыхъ законовъ естества, не убоялись толь жестокаго наказанія отъ своей церкви за бракъ и не поступили бы въ чинъ не произволь-

---

[1]) Тамъ-же, ч. II, стр. 376. Сажалками называются выкопанныя и обдѣланныя вмѣстилища для ключевой воды.

[2]) Братск. слово 90 г. ч. I, стр. 783. Воспомин. о. Павла.

[3]) Собран. соч. арх. Павла, ч. II, стр. 377.

ныхъ, но насилованныхъ дѣвственниковъ».[1]) Такимъ образомъ, если-бы ѳедосѣевское дѣвство и оказалось чистымъ и безпорочнымъ, то и въ такомъ разѣ, какъ дѣвство не произвольное, а насильное, оно, очевидно, не имѣло никакой цѣны. Но ѳедосѣевское дѣвство наводило на всякій здравый разсудокъ сомнѣніе въ своей чистотѣ и непорочности, такъ какъ каждый, или, по крайней мѣрѣ, огромное большинство убѣгало супружества не за любовь къ дѣвству, а только изъ за страха отлученія.[2]) Факты жизни скоро перемѣнили такое предположеніе Павла на убѣжденіе. «Ты думаешь», говорилъ Павелъ Алексѣю Михееву, который продолжалъ оставаться упорнымъ бракоотрицателемъ, «что всѣ безъ исключенія могутъ дѣвствовать: а если бы сдѣлать опытъ, населить какое нибудь село съ молодыми людьми обоего пола и сдѣлать уставъ, чтобы согласно нашему закону, никто не могъ изъ нихъ жениться и тебя сдѣлать-бы настоятелемъ въ этомъ обществѣ, что ты управилъ бы это село во всеобщемъ дѣвствѣ, или бы скорѣе оно сдѣлалось образомъ Содома и Гоморры»? [3])

Новооткрывшееся недоумѣніе было серьезнѣе всѣхъ прочихъ, съ которыми Павлу до сихъ поръ приходилось встрѣчаться. Вопросъ о бракѣ составляетъ, какъ мы объ этомъ изъяснили, сущность ѳедосѣевства. Усумниться, поэтому, въ правильности рѣшенія этого вопроса ѳедосѣевствомъ, значило усумниться въ истинности всего ѳедосѣевства. Для Павла, въ частности, это значило усумниться въ той вѣрѣ, за которую ратовали и которую осуществляли въ своей жизни его родители, которой слѣдовалъ и которую такъ доселѣ распространялъ и самъ онъ, будучи, конечно, вполнѣ увѣренъ въ ея истинѣ и спасительности. Увѣренность же эта покоилась на достаточныхъ разумно-обоснованныхъ началахъ: ѳедосѣевство принялъ онъ, такъ же какъ и его отецъ, потому, во первыхъ, что на его сторонѣ находились всѣ разумные доводы и соображенія; потому, далѣе, что по своей проповѣди всеобщаго дѣвства оно представлялось ученіемъ возвышеннымъ, стремившимся чадъ своихъ привести къ жизни ангельской, жителей земли приблизить къ жизни небожителей, и такимъ образомъ, представляло для истинно-вѣрующей души прямой и вѣрный путь къ небесному блаженству. Такимъ

---

[1]) Тамъ-же, ч. I, стр. 21—22.
[2]) Тамъ-же.
[3]) Брат. сл. 90 г. I, стр. 783.

образомъ, ѳедосѣевство имѣло, повидимому, за себя все, чтобы быть предпочтеннымъ всякой другой вѣрѣ. Сомнѣнію въ его истинности, повидимому, не оставалось мѣста.

Однако, съ другой стороны, нельзя было и не считаться съ ужасными плодами бракоборнаго ученія. Получалось, такимъ образомъ, грандіозное недоразумѣніе. «Если наши предки», разсуждалъ Павелъ, «убѣгая ереси (такъ мыслилъ онъ о соборной, святой церкви) страдали, кровь проливали за истину, то почему страданіе ихъ и терпѣніе такой худой плодъ бракоборства принесло»? «Неужели», съ ужасомъ вопрошалъ онъ, «на насъ сбываются словеса св. ап. Павла, что въ послѣдніе дни отступятъ нѣцыи отъ вѣры, возбраняюще женитися, удалятися отъ брашенъ, созданіе Божіе осквернено глаголюще»? Утѣшая себя, онъ хотя и говорилъ, что «какъ де сіе апостольское пророчество объ отступленіи отъ вѣры можетъ сбыться въ насъ: мы, кажется, отъ вѣры не отступали», но это: «кажется» уже показываетъ колебаніе вѣры Павла въ непогрѣшимость ѳедосѣевства. Навѣрное въ это время онъ представлялъ слова св. Златоуста: «егда бо отъ сада недобрыя плоды рождаются, отъ сего явѣ есть, яко зло древо разсужденія его есть».[1]) Надлежало, такимъ образомъ, выяснить причину ужаснѣйшаго диссонанса между ѳедосѣевскимъ вѣроученіемъ съ одной стороны и нравственными требованіями съ другой.

Если-бы Павелъ представлялъ собой личность посредственную, ему оказалось бы не подъ силу изслѣдованіе столь глубокаго и труднаго вопроса. Требовалось много нравственнаго мужества, чтобы возстать противъ вѣры отцовъ своихъ; требовалось сознанія своей умственной мощи для того, чтобы чувствовать себя въ состояніи справиться съ такимъ многостороннимъ, труднымъ для рѣшенія вопросомъ. За отсутствіемъ того, или другого качества и рѣшеніе этого колоссальнаго недоразумѣнія оказалось бы невозможнымъ и, какъ всегда бываетъ въ подобнаго рода случаяхъ, для примиренія совѣсти отысканы были бы какіе либо побочные пути, при помощи которыхъ можно было бы обойти вопросъ не изслѣдуя, не разъясняя его. Павелъ сознавалъ у себя достаточно умственной мощи для того, чтобы разрѣшить возникшее недоразумѣніе. Какъ прямой, искренній человѣкъ, неспособный вообще, а въ дѣлахъ совѣсти въ особен-

---

1) „Царскій путь“. IV гл 4 разд Истина 71 г. XX кн. л. 72 об.

ности на какіе бы то ни было компромиссы, онъ не способенъ былъ въ рѣшеніи этого вопроса идти окольнымъ путемъ съ предзанятой мыслію—во чтобы то ни стало оправдать «преданія отеческія» и такимъ образомъ допустить сознательную ложь. Поэтому, онъ, не робѣя, сталъ въ положеніе реформатора вѣры своихъ отцовъ.

Главное условіе, отъ котораго зависѣлъ полный просторъ реформаторской дѣятельности Павла заключалось въ самомъ ѳедосѣевствѣ, какъ религіозной общинѣ: оно, равно какъ и другія секты раскола, не представляетъ собой церкви, праву и авторитету которой только и могло подлежать рѣшеніе недоумѣнныхъ вопросовъ вѣры. Это—домъ безъ хозяина, гдѣ каждый можетъ поступать такъ, какъ ему угодно. И хотя основнымъ руководящимъ принципомъ ѳедосѣевства является слѣдованіе преданію предковъ и ихъ своеобразному толкованію Св. Писанія, но такъ какъ самые предки-расколоучители не имѣютъ за собой священнаго авторитета, принудительная обязанность слѣдовать которому простиралась бы на всякаго сына ѳедосѣевской общины, то очевидно, что, собственно говоря, здѣсь каждый воленъ, какъ слѣдовать ѳедосѣевскимъ учителямъ, такъ равно и не соглашаться съ ними. Все зависитъ отъ того, найдетъ ли онъ разумными ихъ требованія, или же усомнится въ ихъ справедливости. Все зависитъ, однимъ словомъ, отъ разума и воли каждаго.[1]) Темный и невѣжественный сынъ ѳедосѣевства конечно слѣдуетъ авторитету этихъ наставниковъ съ упорствомъ весьма понятнымъ: по невѣжеству своему онъ не можетъ въ своихъ сужденіяхъ возвыситься до безпристрастной точки зрѣнія на отвлеченный предметъ. Иное дѣло «просвѣщенные» раскольники: начетничество очень часто ведетъ ихъ къ усмотрѣніе тѣхъ, или другихъ неправильностей въ расколѣ и отдѣленію отъ него, почему мы и видимъ здѣсь такую массу всякаго рода согласій и толковъ. «Что мужикъ, то вѣра, что баба, то уставъ», мѣтко выразился объ этомъ преосвященный Ѳеофилактъ.[2])

Подобнымъ образомъ и Павелъ не могъ давать слишкомъ много вѣры ѳедосѣевскимъ наставникамъ уже потому, что и самъ

---

[1]) На языкѣ раскольниковъ такое внѣцерковное состояніе ихъ общества довольно мѣтко характеризуется такимъ выраженіемъ: „нынѣ овца овцу паси; сама себя овца паси“. („Обличен. неправды раскольническія“, послѣдняя страница).

[2]) Тамъ-же.

онъ, какъ безпоповскій наставникъ, чувствовалъ себя ни чуть не ниже ихъ. Эту именно мысль высказываетъ о. Павелъ, когда выражается, напр., такимъ образомъ: «браку положенъ Богомъ конецъ, какъ это утверждаютъ ѳедосѣевскіе учители (Гнусинъ, напр.) и какъ говоритъ мой товарищъ Алексѣй Михеичъ».[1]) Такимъ образомъ, своего товарища Алексѣя Михеича онъ ставитъ рядомъ съ извѣстнымъ столпомъ ѳедосѣевства Гнусинымъ и усвояетъ послѣднему не большее значеніе, какъ и первому и считаетъ, такимъ образомъ, и себя вполнѣ солидарнымъ съ нимъ, что и ясно выражаетъ затѣмъ въ такихъ словахъ: «а ежели браку конецъ не пришелъ, то все, что дѣлается по причинѣ возбраненія брака, должно лечь *на нашу* отвѣтственность».[2]) Однако, едва-ли Павелъ не сознавалъ того, что называя своими товарищами, онъ собственно снисходитъ къ этимъ слѣпымъ вождямъ слѣпыхъ. Въ самомъ дѣлѣ, кто изъ этихъ столповъ могъ идти въ сравненіи съ нимъ? Вспомнимъ Ивана Порфирова, на ученіе котораго Павелъ наложилъ свое всемогущее «veto» въ то время, когда самъ былъ еще не оперившимся птенцомъ. А вѣдь Иванъ Порфировъ представлялъ собой звѣзду первой величины во всемъ ѳедосѣевствѣ восточнаго русскаго края. Приведемъ на память Егора Гаврилова, который считался авторитетнѣйшимъ наставникомъ даже на Преображенскомъ кладбищѣ. Вспомнимъ, далѣе, посрамленіе Павла Бѣлокриницкаго. Вспомнимъ, наконецъ, какъ авторизовали Павла и сами кладбищенцы, въ самую критическую минуту порѣшившіе обратиться именно къ нему, какъ самой надежной защитѣ. Судьба не представила возможности повидаться и помѣряться силами съ величайшимъ столпомъ ѳедосѣевства-Гнусинымъ. Но что это былъ за человѣкъ, Павелъ ясно видѣлъ въ оставленныхъ имъ сочиненіяхъ; знакомство съ ними не могло внушить почтенія и уваженія къ ихъ автору. Это сознаніе своего превосходства несомнѣнно значительно ободряло Павла на предстоящій ему подвигъ.

Указанное воззрѣніе Павла на наставниковъ ѳедосѣевскихъ не было единственнымъ мотивомъ, опредѣлявшимъ его отношеніе къ ихъ ученію. Важно было здѣсь еще и то, что ученіе этихъ наставниковъ заключало въ себѣ авторитетъ человѣческій, каковой авто-

---

[1]) Братск. слово 90 г. ч. I, стр. 783. Воспомин. о. Павла.

[2]) Тамъ-же.

ритетъ въ дѣлѣ вѣры не могъ имѣть важнаго значенія, а потому Павелъ и счелъ себя въ правѣ ни во что поставить ихъ мудрованіе. Высшій авторитетъ для него заключался въ словесахъ Господа Іисуса Христа—въ Св. Писаніи.[1]) Все, что исходило изъ писаній наставниковъ ѳедосѣевскихъ, не имѣя для себя основаній въ Св. Писаніи, Павелъ считаетъ не обязательнымъ для себя. Если же оно противорѣчило Св. Писанію, или совѣсти, то и прямо отвергалъ. Вспомнимъ, какъ, напр., онъ отнесся къ вопросамъ объ исповѣди, и о крещеніи младенцевъ. По достаточномъ размышленіи, онъ рѣшилъ «не быть точнымъ наблюдателемъ» указанныхъ мѣръ, обычно практикуемыхъ «стариками—ревнителями» и оказался, конечно, правымъ. Новый вопросъ о ѳедосѣевскомъ безбрачіи также требовалъ разсмотрѣнія, въ которомъ открылись бы или справедливость этого ѳедосѣевскаго требованія или же несправедливость. «Если», думалъ Павелъ, приступая къ разрѣшенію указаннаго вопроса, «дѣйствительно браку положенъ Богомъ опредѣленный конецъ, какъ это утверждаютъ ѳедосѣевскіе учители, то мы рѣшительно не отвѣтственны въ томъ, что дѣлается по причинѣ всеобщаго безбрачія; такъ

---

[1]) Въ воззрѣніи на св. Писаніе Павелъ рѣшительно расходился со всѣми раскольниками. Св. Писаніе оказывается не только не полезнымъ въ ихъ раскольнической самозащитѣ, но даже и вреднымъ: оно повсюду обличаетъ несостоятельность раскольническаго вѣроученія, почему старательно избѣгается ими. Оправданіе раскола, какъ уже видѣли мы, совершается отчасти при помощи различныхъ старописьменныхъ и старопечатныхъ книгъ и различныхъ раскольническихъ тетрадокъ, представляющихъ плодъ мудрости вождей раскола. Но что могло удовлетворять невѣжественнаго ѳедосѣевца, хотя-бы и начетчика, то не удовлетворяло истинно-развитого Павла. Значеніе св. Писанія въ дѣлѣ вѣроученія онъ прекрасно понималъ еще тогда, когда ему было не болѣе семнадцати лѣтъ. Когда съ дядюшкой своимъ они строили келію и переправлялись для этого на другой берегъ Волги, то на паромѣ имъ пришлось встрѣтиться съ раскольниками страннической секты. И вотъ въ то время, какъ дядюшка слушалъ ихъ ученіе съ величайшимъ вниманіемъ и сочувствіемъ, Павелъ, какъ самъ онъ впослѣдствіи говоритъ объ этомъ, „ко всему сказанному относился съ недовѣрчивостію, потому что не видѣлъ на то доказательствъ отъ св. Писанія“ (Собр. соч. арх. Павла, ч. I, стр. 38). Когда представился вопросъ о ѳедосѣевскомъ безбрачіи, то рѣшеніе его Павломъ иначе и не могло быть, какъ только на основаніи св. Писанія, по безусловному, конечно, значенію его для Павла, какъ дѣйствительнаго критерія истины въ дѣлахъ вѣры.

угодно Богу: Онъ отнялъ священство и чрезъ то сдѣлалъ конецъ браку. Намъ только нужно сколь возможно поддерживать людей, чтобы соблюдали чистоту. А ежели браку конецъ не пришелъ, и Богъ ему конца не положилъ, то все, что дѣлается по причинѣ возбраненія брака, должно лечь на нашу отвѣтственность».[1])

Рѣшеніе этого вопроса должно было совершиться, согласно воззрѣніямъ Павла, на почвѣ Св. Писанія. Само собой разумѣется, что основаній для бракоборнаго ученія въ Св. Писаніи не оказалось. Наоборотъ, все, что ни встрѣчалось тамъ, говорило о томъ, что «не положенъ Богомъ конецъ браку. Самъ Господь прямо говоритъ: въ воскресеніе мертвыхъ (и только въ воскресеніе) ни женятся, ни посягаютъ».[2]) Также были здѣсь и прямыя слова Апостола, что «блудодѣянія ради (т. е. еже не впасти кому въ блудъ), кождо свою жену да имать и кояждо жена своего мужа да имать». Внялъ Павелъ и словамъ вселенскаго учителя Іоанна Златоустаго, повелѣвающаго родителямъ дѣтей своихъ въ сохраненіе цѣломудрія бракомъ совокупляти, также внялъ и другому его наставленію, что блудъ убійство родитъ и убійство презлѣйшее: ибо тамъ бываетъ прежде рождества убійство».[3]) «Когда, говоритъ о. Павелъ, я увидѣлъ въ безпоповствѣ столько отступленій отъ евангельскаго ученія, тогда я подумалъ: вотъ не это ли самое и есть причина наказанія безпоповцевъ безбрачіемъ?! теперь стало ясно, почему наши предки, страдавшіе за истину, и съ ними ихъ потомки отъ Бога оставлены впасть въ такую страшную ошибку—въ безбрачіе».[4]) «Однако, послѣ этого возникалъ другой вопросъ: пусть браку конецъ и не пришелъ; но къ полезному для церкви не можетъ ли быть законоположенъ одинъ дѣвственный путь всѣмъ вѣрующимъ? Этотъ вопросъ хотя и обширнѣе перваго и большаго требовалъ разсмотрѣнія, но тоже не внушалъ никакихъ недоумѣній, ибо ясно рѣшался словами Спасителя о дѣвствѣ: «не вси вмѣщаютъ словесе сего»; также и у всѣхъ учителей церковныхъ онъ рѣшенъ одинаково, что во святой Церкви положено два пути: дѣвственный и брачный, а одинъ путь дѣвственный только діаволъ законополагаетъ. Итакъ, доводы ѳедосѣевства,

---

1) Братск. слово 90 г. ч. I, стр. 783. Воспоминан. о. Павла.

2) Тамъ-же, стр. 784.

3) Собран. соч. арх. Павла, ч. I, стр. 764—765.

4) Тамъ-же, ч. II, стр. 106.

что предѣлъ брака нынѣ уже кончился и что въ Церкви долженъ быть только одинъ путь дѣвственный, при разсмотрѣніи отъ Писанія разсыпались въ прахъ».[1]) Непосредственный выводъ отсюда былъ тотъ, что браку конецъ Богомъ не положенъ и что, слѣдовательно, онъ долженъ въ Церкви существовать въ полной силѣ.—

Но чтобы провозгласить такое ученіе, нужно было напередъ справиться съ главнымъ основаніемъ ѳедосѣевскаго ученія о бракѣ, что бракъ отъяся и запретися потому, собственно, что не стало освященныхъ лицъ, которыя только и имѣли право совершать сію тайну. Истинность этого положенія давала себя чувствовать. Это былъ такой камень, свернуть который было Павлу не по силамъ. Пришлось обойти его кругомъ и взяться за ученіе о безсвященнословномъ бракѣ. Соотвѣтственно общей методѣ Павла—имѣть основанія своей вѣры изъ Св. Писанія, и ученіе о безсвященнословномъ бракѣ также должно было быть оправданнымъ надлежащими изъ него доводами. Выполнить эту задачу оказывалось тѣмъ труднѣе, что оправданій такого ученія ни въ Св. Писаніи, ни въ св. Преданіи не имѣлось никакихъ. И если-бы Павелъ захотѣлъ остаться вѣрнымъ своему принципу, именно въ дѣлѣ вѣры слѣдовать только лишь ученію Св. Писанія и отцовъ Церкви, онъ долженъ былъ бы остаться при томъ сознаніи, что бракъ долженъ быть, но не можетъ быть за неимѣніемъ священства; проповѣдывать же о безсвященнословномъ бракѣ, не имѣющемъ основанія ни въ Св. Писаніи, ни въ св. Преданіи, онъ, собственно, не могъ. Павелъ, дѣйствительно, не могъ не чувствовать несправедливости ученія, которое онъ намѣренъ былъ проповѣдывать. Но онъ находился между двухъ огней, именно, съ другой стороны, онъ боялся «испасть не точію изъ законовъ церковныхъ, но даже и изъ законовъ естества, самими невѣдущими истиннаго Бога уважаемыхъ: еще же дабы чрезъ возбраненіе брака не быть вводителемъ и распространителемъ порочной жизни, которая доводитъ до тяжкаго рода преступленій».[2]) Это и заставило Павла во чтобы-то ни стало оправдать безсвященнословный бракъ.—Его апологія безсвященнословнаго брака не была самостоятельной. Онъ воспользовался сочиненіями писателей,—ревнителей брачной жизни, прежняго времени. Всѣ эти сочиненія бы-

---

[1]) Братск. слово, 90 г. ч. I, 784. Воспомин. о. Павла.

[2]) Собран. сочин. архим. Павла, ч. II, стр. 116.

ли собраны раскольническимъ писателемъ, защитникомъ брачныхъ воззрѣній Андреяномъ Сергѣевымъ, и составили такъ называемый «Сборникъ сочиненій о бракахъ». Сборникъ этотъ въ рукахъ Павла получилъ нѣкоторую передѣлку и составилъ апологію его ученію о бракѣ. Резюмируя все сказанное въ этомъ сборникѣ, такъ можно опредѣлить главный ходъ мысли.

Такъ какъ церковное понятіе о бракѣ, представляемое въ Катихизисѣ, исключало возможность брака безсвященнословнаго,[1] то здѣсь дается иное опредѣленіе брака. «Бракъ есть тайна», говорится въ «Сборникѣ», «но вещь сея тайны есть мужъ и жена совокупитися изволяціи». «Вещество убо сожительства есть мужа и жены ко другъ другу изволеніе». «Сіе и есть матерія брака, что и всегдашній опытъ доказываетъ: когда есть женихъ и невѣста и взаимное ихъ согласіе къ составленію супружества, то изъ того всегда и во всѣхъ бракъ производится». Форма брака, си есть образъ, или совершеніе ея суть словеса совокупляющихся, изволеніе ихъ внутреннее передъ іереемъ». «Когда бы отъ священника проистекало браку совершенство, то бы въ Кормчей было сказано: браку совершенство получать отъ іерея, а не предъ іереемъ.» «Священнословіе іерейское», заключаетъ онъ, «не бракъ, но моленіе о благополучіи брачащихся»[2]). Послѣднія слова, очевидно, составляютъ въ приведенной апологіи всю суть дѣла. Представить дѣло такъ, что присутствіе іерея при таинствѣ брака составляетъ не необходимо важный, но даже второстепенный фактъ,—это составляетъ издали намѣченную цѣль всѣхъ разсужденій Павла. Преслѣдуя эту цѣль, онъ, конечно, не могъ не замѣчать того обстоятельства, что всѣ его доказательства, представлявшія только лишь собственныя измышленія разныхъ писателей, не только не основанныя на Св. Писаніи и св. Преданіи, но не имѣющія съ ними даже никакой

---

[1]) Въ большомъ Катихизисѣ на вопросъ: „кто можетъ тайны строити“? говорится: никтоже, развѣ святителей хиротонисанныхъ“ (л. 306 об.) и далѣе: „бракъ есть тайна, ею-же женихъ и невѣста... по благословенію Божію... сопрягаются... по законному чину,... иже отъ Бога пріемлютъ особнѣ сію благодать, дабы дѣти добрѣ и христіански родили и воспитали (л. 342).

[2]) „Съ людьми древляго благочестія“ Стебницкаго. Библіот. для чтен. 1864 г. Сентябрь, стр. 16.

связи, не заключаютъ въ себѣ принудительной убѣдительности, а потому и самъ съ безпокойствомъ осматривался на впечатлѣніе, производимое указанными доводами. «Или и сіе кого не увѣритъ?» вопрошалъ онъ, очевидно, чувствуя несостоятельность своихъ ложныхъ доказательствъ [1]).

Гораздо болѣе кривотолкованій церковныхъ постановленій помогли Павлу ссылки на примѣры естественнаго библейскаго брака. Закрываясь совершенно отъ церковнаго ученія о бракѣ, совершенно забывая, что «чадамъ церковнымъ гласа церковнаго подобаетъ слушати, и по церковному уставу брачную тайну во образъ Христа и Церкви совершати,[2]) Павелъ думаетъ оправдать безсвященнословный бракъ тѣмъ, напр., что «тайну брака сотворилъ Господь Богъ», что «она устроена прежде Адамова въ рай введенія», указываетъ, далѣе, благословенные Богомъ супружескіе союзы патріарховъ, царей, указываетъ на Товію и т. д. Не пренебрегаетъ онъ и историческими аргументаціями, тѣмъ болѣе, что онѣ разъясняли и подкрѣпляли, повидимому, его точку зрѣнія. Ссылается онъ на древныхъ христіанскихъ князей, которые крестили народъ свой, не разрушая браковъ, заключенныхъ въ язычествѣ, какъ напр. было и у насъ при Владимірѣ.[3]) Однако, всѣ эти, повидимому, удовлетворительныя доказательства все таки не удовлетворяли старообрядческаго духа. Хотя были здѣсь разсужденія и отъ божественныхъ писаній, однако такія, которыхъ ни Церковь, ни отцы святые не преподавали и въ книгахъ, уважаемыхъ раскольниками, не находились. Иное дѣло, если бы повелѣнія совершать такіе браки, хотя бы по нуждѣ, давались самою Церковію. Вниманіе Павла было обращено и на эту сторону. «Правильныхъ повелѣній о совершеніи такихъ браковъ безъ священника не нашлось; а случайные примѣры такихъ браковъ, принимаемыхъ церковью, благодаря неточнымъ толкованіямъ Матѳея Каноніста и Севаста Арменопуло на 38-е правило Василія Великаго, нашлись весьма подходящіе, изъ которыхъ видно, что тогда, т. е. при Василіи Великомъ, браки и безъ священнословія составлялись. По случаю нужды, говор ъ о. Павелъ,

---

[1]) Тамъ-же.

[2]) Собр. соч. арх. Павла, ч. II, стр. 184.

[3]) „Съ людьми древляго благочестія“, Стебницкаго, въ Библ. для чтен. 64 г. Сентябр. стр. 16.

намъ лучшаго свидѣтельства и не требовалось, потому что для старообрядца слово и каждаго частнаго писателя должно приниматься безъ критики, какъ евангельскій законъ, съ полной довѣренностію. А при томъ, ссылка утверждала, что таковые браки акибы принимались столь великимъ святителемъ, какъ святый Василій [1]). Такимъ образомъ и съ этимъ, самымъ главнымъ, затрудненіемъ было покончено. Теперь ничего уже не стоило справиться съ другими мелкими возраженіями ѳедосѣевства [2]). Сообразно указанному разрѣшенію вопроса о бракѣ, въ этомъ же сборникѣ помѣщены статьи, доказывающія всю естественность и необходимость послуженія женамъ во время рожденія, всю возмутительность общаго ѳедосѣевскаго вѣрованія, что «не согрѣша, не покаешься» и рѣшеніе многихъ другихъ вопросовъ, появлявшихся вмѣстѣ съ новымъ ученіемъ о бракѣ.

Такъ разрѣшенъ былъ вопросъ о бракѣ, разрѣшенъ не столько вслѣдствіе дѣйствительныхъ основаній, сколько изъ-за того, чтобы «блуду и тому послѣдующимъ безчиніямъ входы затворити». И хотя цѣль здѣсь до нѣкоторой степени оправдывала средства, однако, во взаимныхъ спорахъ безбрачные справедливо обвиняли брачныхъ, говоря, что бракъ ихъ есть новшество, «кичливое самоизмышленіе, Писаніемъ не предписанное, и отцами не заповѣданное», что доказательства брачныхъ «состоятъ лишь изъ силлогизмовъ», что они «не дверью входятъ, а чрезъ ограду лѣзутъ, чрезъ врата скачутъ, новую дверь просѣкаютъ, напротивъ слова Божія бунтъ сочиняютъ».[3])

Указанное ученіе Павла было принято и братіей его монастыря, обыкновенно соглашавшейся съ разумными доводами своего игумена.

---

[1]). Обстоятельный разборъ и опроверженіе всѣхъ этихъ раскольническихъ софизмовъ можно видѣть въ статьѣ: „О церковномъ благословеніи и вѣнчаніи брака (противъ новоженовъ“), (въ Прибавл. къ твор. св. о.о. ч. XVII, 1859 г. стр. 204.) написанной даже раньше изданія Павломъ этого сборника, именно въ 59 году; Сборникъ-же изданъ въ 62 г.

[2]) Ихъ можно видѣть въ Собраніи сочин. арх. Павла, ч. II, стр. 147; не приводимъ ихъ здѣсь по ихъ неважности и очевидной несостоятельности.

[3]) „Происхожденіе и характеристика главныхъ безпоповщинскихъ сектъ“ Н. И. Ивановскаго. Прав. Соб. 73 г. Декабрь. стр. 447.

V.

Борьба о. Павла съ Михеичемъ и Преображенцами-защитниками безбрачія.

Извѣстный конкуррентъ и недоброжелатель Павла Алексѣй Михеичъ, зорко слѣдившій за перемѣной убѣжденій братіи по вопросу о бракѣ, какъ только увидѣлъ, что противное ѳедосѣевству ученіе довольно крѣпко утвердилось въ нихъ, сейчасъ-же извѣстилъ о томъ Преображенское кладбище, отъ котораго Павловъ монастырь находился въ матеріальной зависимости. Тамъ взглянули на происшедшее свысока и прислали Павлу письмо, въ которомъ потребовали объясненія о случившемся, при чемъ довольно ясно было выражено, что расположеніе и вспомоществованіе кладбища монастырю на будущее время находится въ зависимости отъ этого объясненія. Эта угроза, однако, не смутила честнаго, прямого, непоколебимаго въ своихъ убѣжденіяхъ Павла. Боясь, что его искренній отвѣтъ Преображенцамъ лишитъ пропитанія два монастыря—мужской и женскій, находившіеся подъ его настоятельствомъ, и возбудитъ противъ него большой ропотъ иноковъ и инокинь, онъ счелъ за лучшее дать отвѣтъ преображенцамъ, предварительно сложивъ съ себя настоятельство, чтобы, такимъ образомъ, гнѣвъ преображенцевъ не постигъ монастыри, съ Павломъ ничего общаго уже не имѣющіе. Свою мысль онъ повѣдалъ братіи и здѣсь опытно дознался, какую сильную привязанность чувствовали къ нему иноки и какъ искренно проникались его идеями. Они оказались учениками вполнѣ достойными своего учителя. Они заботились преимущественно о душѣ, а относительно тѣла полагали достаточнымъ имѣть насущный кусокъ хлѣба днесь, по заповѣди Спасителя: не пецытеся убо на утрій. Они, очевидно, въ своей жизни снимали точную копію съ наставника, который, по выраженію одного изъ этихъ братій, «не имѣлъ пристрастія ни къ какому запасу».[1]) «Когда мы оставили міръ и приняли иночество ради Бога и ради спасенія душъ», отвѣчали они Павлу, «то ужели теперь будемъ изъ-за куска хлѣба продавать свое убѣжденіе? Это не хорошо! Отпиши кладбищенскимъ прямо, какъ мы

---

[1]) Отрывокъ изъ исторіи Прусскаго безпоповскаго монастыря. Истина, 71 г. л. 14 об.

понимаемъ о бракахъ; а о содержаніи монастыря что Богу угодно, то и будетъ. Намъ лучше идти по міру съ сумой собирать, чѣмъ продавать свою совѣсть».[1]) Кладбищенскимъ было отписано, что напрасно они хотятъ повліять на ихъ убѣжденіе угрозою лишенія матеріальныхъ средствъ, что имъ, духовнымъ людямъ, наставникамъ неприлично такимъ образомъ дѣйствовать въ вопросахъ вѣры; что если они сильны въ доказательствахъ противъ ученія о бракѣ, то пусть прикажутъ Павлу пріѣхать въ Моску и представятъ ему отъ Писанія доказательства, если эти доказательства окажутся правильны, то братія оставитъ свои толкованія безъ всякихъ угрозъ.[2]) Павла хорошо помнили на кладбищѣ. Благородный, отчасти обличительный тонъ письма воскресилъ бывшее уваженіе къ нему. Всѣ поняли, что съ этимъ человѣкомъ нельзя обращаться такъ, какъ съ прочими, а потому, принося извиненіе въ своемъ безтактномъ поступкѣ, они приглашали Павла пріѣхать въ Москву за разрѣшеніемъ возникшихъ недоумѣній.

Въ то время, славой перваго столпа ѳедосѣевскаго благочестія пользовался проживавшій на кладбищѣ извѣстный Макаръ Ивановичъ Стукачевъ, разслабленный, впродолженіи 37 лѣтъ не встававшій съ постели († въ 1867 г.). Болѣзненное состояніе организма не мѣшало впрочемъ этому человѣку имѣть свѣтлую голову, о чемъ можно заключать, какъ изъ его статей печатныхъ,[3]) такъ и изъ того необычайнаго вліянія, которое простиралъ онъ на кладбище и на весь ѳедосѣевскій міръ. Впрочемъ, если мы обратимъ вниманіе на то, что предметомъ ревности этого «мужа силы и правды»[4]) служили разныя мелочи, какъ, напр., некуреніе табаку, нестриженіе бороды и усовъ, тщательное постриженіе маковицъ и т. п., то поймемъ, что авторитетъ великаго столпа благочестія онъ могъ имѣть только у тѣхъ людей, которые вышеуказаннымъ мелочамъ придавали слишкомъ важное значеніе. Таковы именно и были кладбищенцы. О начетничествѣ Стукачева, равно какъ и объ его умѣніи твердо обо-

---

[1]) Братск. слово, 90 г. I, стр. 786.

[2]) Тамъ-же, 787.

[3]) Напр.: „Отповѣдь Ѳедосѣевца“ Моск. вѣд. 1866 г. № 208.

[4]) Такъ величаетъ его авторъ похвальнаго, сказаннаго въ день его кончины, слова. Истина 71 г. кн. 2, стр. 48. „Проблески ѳеодосіанъ“.

сновывать вѣроученіе ѳедосѣевское, разъяснять его и убѣждать въ его истинности кладбищенцы были очень высокаго мнѣнія. Потому-то они такъ смѣло и предложили Павлу пріѣхать въ Москву за разъясненіемъ своихъ недоумѣній и когда тотъ прибылъ сюда (въ 1858 году), они направили его къ Стукачеву. Крайне интересно было свиданіе этихъ противниковъ. Макаръ Ивановичъ чувствовалъ, какой силы лишается ѳедосѣевство въ лицѣ отпадающаго Павла, и глубоко скорбѣлъ о мнимой погибели этого, когда-то ревностнаго сына ѳедосѣевскаго благочестія, и конечно употреблялъ всѣ силы, чтобы возвратить его снова въ лоно ѳедосѣевства. Павелъ писалъ на кладбище, что доказательства относительно его заблужденія должны быть представлены отъ Писанія. Макаръ Ивановичъ тогда же понялъ всю силу своего противника и потому, когда пришелъ Павелъ, уже не безпокоился доставать изъ шкафовъ различныя «тетрадки», вполнѣ сознавая ихъ непригодность въ данномъ случаѣ. Онъ хотѣлъ повліять на Павла дружественнымъ разговоромъ въ тонѣ глубокаго прискорбія. «У другихъ людей есть дѣти, говорилъ онъ Павлу съ соболѣзнованіемъ; ихъ житейскія связи заставляютъ толковать о бракѣ; а ты человѣкъ одинокій, инокъ; тебѣ бракъ не нуженъ: какая причина тебя заставляетъ о немъ толковать»? Павелъ твердо отвѣчалъ: «для меня лично бракъ не нуженъ: но мы въ цѣлости общества составляемъ одно общее тѣло. Въ немъ есть члены, сильные понести тяготу безбрачія, а большая часть немощныхъ, которые понести сего не вмѣщаютъ». «Вы отдѣлены», сказалъ онъ, обращаясь къ Макару Ивановичу, «отъ міра», вы не видите и не знаете жизни, какъ она происходитъ, и что по невмѣщенію безбрачія въ малосильныхъ порождается: потому вы и не помышляете о потребности для нихъ брака. Но вы занимаете лицо перваго учителя: вамъ надо вникнуть въ настоящее положеніе вашего безбрачнаго общества».[1]) Такимъ образомъ, пришедшій поучиться и получить разъясненіе и наставленіе, самъ оказался въ роли наставника, совѣтующаго Макару Ивановичу «вникнуть въ настоящее положеніе» руководимаго имъ общества.—Когда, такимъ образомъ, пер-

---

[1]) Стукачевъ, какъ замѣчено, 37 лѣтъ безвыходно лежалъ въ келіи, лишившись употребленія ногъ.

вая попытка со стороны Стукачева повліять на Павла не удалась и Павелъ сталъ обличать внутреннюю жизнь ѳедосѣевства, Стукачевъ возсталъ на защиту его. Но какая это была жалкая защита! «Не должно судить чужой жизни, кто какъ живетъ: каждый за себя дастъ отвѣтъ Богу», сказалъ Стукачевъ, увертываясь отъ нападеній Павла. Но Павелъ на это весьма основательно замѣтилъ то, во первыхъ, что дѣло въ данномъ случаѣ идетъ не о личныхъ недостаткахъ, а «объ устройствѣ пользы церковнаго положенія»; а затѣмъ, указалъ на то, что отвѣтъ, данный Стукачевымъ, не былъ согласенъ ни съ евангельскимъ ученіемъ, ни съ ученіемъ отцовъ Церкви. Доводы къ пораженію ѳедосѣевства были очень сильны. Макаръ Ивановичъ оказался несостоятельнымъ возразить что либо противъ нихъ. Въ запасѣ у него оставалось еще одно фундументальное основаніе, которое онъ намѣренъ былъ выставить въ самую критическую минуту, когда другія средства окажутся уже истощенными. Основаніе это состояло въ томъ, что «Богъ отнялъ священство, а съ нимъ и бракъ. Когда же Богу не угодно, чтобы нынѣ былъ бракъ, а молодые люди вмѣстить дѣвства и совладать съ собой не могутъ: то если отъ такой нужды и впадутъ они въ преступленіе, Богъ, по нынѣшнему тяжкому времени, можетъ и въ грѣхъ имъ того не вмѣнить».[1]) Прямой путь опроверженія этого возраженія долженъ былъ состоять въ показаніи того, что Богъ отнялъ священство совсѣмъ не въ виду неугодности Ему браковъ; отсюда ясно слѣдовало бы, что если браки Богу угодны, то и совершать ихъ не законопреступно. Оправданія разврата рухнули бы тогда сами собою. Однако, такой естественный и прамой путь представлялъ для Павла много затрудненій, именно, надлежало бы доказывать, что и безъ священства браки могутъ быть совершаемы; а доказательствъ въ этомъ случаѣ прямыхъ, отъ Писанія, у Павла не было, доказательства же отъ разума и пользованіе ложно истолкованными примѣрами древней церкви не представляли надежной защиты. Твердо зная это, Павелъ и не пытался всходить на этотъ скользкій путь, а обративъ вниманіе лишь на несостоятельность вывода Стукачева, слѣдующимъ, необыкновенно ловкимъ изворотомъ разбилъ въ прахъ все его мудрованіе. «Если», сказалъ Павелъ, «Богъ, по вашему мнѣнію, не взыщетъ за то, что бываетъ по безбрачію (даже дѣтоубійство и кровосмѣшеніе),

---

[1]) Собр. соч. архим. Павла, ч. I, стр. 27.

то болѣе можно надѣяться, что Богъ не взыщетъ съ тѣхъ, кто живетъ законно, бракомъ, и воспитываетъ дѣтей, а не бросаетъ».[1]) Такимъ нежданнымъ оборотомъ собственнаго оружія въ свою же сторону Макаръ Ивановичъ былъ совершенно уничтоженъ.—

Кладбищенцы не потеряли однако надежды на возвращеніе Павла. У нихъ имѣлся еще одинъ столпъ благочестія, пресловутую крѣпость котораго и рѣшено было испытать въ борьбѣ съ Павломъ. Это былъ нѣкто Пафнутій, наставникъ Боровскаго женскаго скита. Къ нему и указано было ѣхать Павлу. Свиданіе показало, что крѣпость этого столпа была кажущеюся; ее видѣли въ томъ, что этотъ наставникъ строго соблюдалъ ѳедосѣевскіе обычаи; онъ не только не дозволялъ инокинямъ носить что либо цвѣтное, но даже и такъ называемые простые панскіе чулки, а требовалъ, чтобы чулки были вязаны одной иглой, такъ называемые русскіе; не ѣлъ онъ московскихъ кулебякъ и тщательно соблюдалъ разныя другія ѳедосѣевскія строгости.[2]) Дѣйствительныя основанія этого столпа были гнилы: его воззрѣнія покоились на «отеческихъ статьяхъ», т. е. бракоборныхъ уставахъ польскихъ и московскихъ ѳедосѣевскихъ наставниковъ, авторитетъ которыхъ онъ нисколько не смущаясь приравнивалъ къ авторитету Евангелія. О Павлѣ онъ уже слышалъ. Однако, не разумѣя всего величія этого человѣка, всей его умственной мощи, отнесся къ нему свысока и даже пренебрежительно. «Ты еще не оставилъ сомнѣнія о бракѣ»? спросилъ онъ у Павла. «Нѣтъ, еще, отвѣчалъ этотъ, потому что не нахожу въ Писаніи разрѣшенія моимъ сомнѣніямъ». «А развѣ ты отеческія статьи не пріемлешь наравнѣ съ Евангеліемъ»? спросилъ Пафнутій. «Не пріемлю», кротко, но рѣшительно отвѣчалъ ему Павелъ. «А когда не пріемлешь, продолжалъ Пафнутій, то нечего съ тобой и толковать». На томъ бесѣда и кончилась. Пафнутій не сталъ слушать оправданій Павла и отпустилъ его».—[3])

Покидая келію Пафнутія, Павелъ чувствовалъ себя точно также, какъ нѣкогда Иванъ Порфировъ, его бывшій учитель, оставляя келію киргизскаго наставника. И Павелъ теперь могъ совершенно искренно сказать, что эти бесѣды съ Стукачевымъ и Пафнутіемъ

---

[1]) Братск. слово 90 г. I, стр. 788. „Воспомин. о. Павла“.

[2]) Тамъ-же.

[3]) Братс. слово, 90 г. I, стр. 788—789.

«совершенно развязали его на удаленіе отъ ѳедосѣевства».[1]) Впрочемъ, вся важность дѣла, какъ намъ кажется, заключается не столько въ оставленіи ѳедосѣевства, сколько въ блистательномъ торжествѣ новаго принципа, принятаго Павломъ для опредѣленія истиннаго пути, среди дебрей раскольничьяго религіознаго воззрѣнія. Принципъ этотъ—самостоятельное, разумное, по возможности безпристрастное, на Св. Писаніи и писаніи отцовъ Церкви основанное изслѣдованіе исповѣдуемой вѣры и особенно тѣхъ ея пунктовъ, которые почему либо возбуждали сомнѣніе въ своей истинности.[2])

Это столкновеніе съ ѳедосѣевствомъ, кромѣ того, послужило для Павла великимъ урокомъ, научившимъ его не имѣть безусловнаго довѣрія къ своимъ убѣжденіямъ, предварительно не провѣривши ихъ безпристрастнымъ и вѣрнымъ способомъ; иначе могло случиться то, что случилось и до сихъ поръ, т. е. ревновать не по разуму и проповѣдывать вмѣсто спасительной истины діавольское ученіе.

Вышеуказанныя бесѣды Павла съ ѳедосѣевскими начетчиками были послѣдними усиліями со стороны ѳедосѣевства остановить возникавшее на его погибель ученіе Павла. Впрочемъ, пристыженное ѳедосѣевство не могло удержаться, чтобы не отплатить за свой позоръ, но отплатить уже не въ честномъ бою, а изподтишка, при посредствѣ гнусной клеветы. Это было жало раздавленной змѣи, жало, не имѣвшее, впрочемъ, своей силы. Павелъ за свою ревность въ проповѣди брака былъ названъ великимъ сластолюбцемъ, говорили, что онъ имѣетъ связи съ женщинами и желаетъ, женившись, сдѣлаться православнымъ попомъ.[3])

Вторя этимъ слухамъ и Михеичъ предъ монастырской братіей обвинялъ Павла въ еретичествѣ. Въ отвѣтъ на это Павелъ, по пріі-

---

[1]) Собр. соч. архим. Павла, ч. I, стр. 233.

[2]) Предложенное Павломъ разрѣшеніе ѳедосѣевскаго вопроса о безбрачіи конечно не было строго основано ни на Св. Писаніи, ни на св. Преданіи. Однако, въ самомъ разрѣшеніи Павелъ несомнѣнно руководился указаннымъ принципомъ: безбрачіе отвергнуто на основаніяхъ, заимствованныхъ изъ Св. Писанія и ученія отцевъ Церкви. Безсвященнословный бракъ былъ утвержденъ на толкованіи (хотя ложномъ) апостольскихъ правилъ. Указаннаго принципа держался онъ въ противовѣсъ принципу раскольниковъ—слѣпо слѣдовать преданіямъ расколоучителей.

[3]) „Съ людьми древляго благочестія“ Стебницкаго. Библіот. для
стр. 4.

ѣздѣ изъ Россіи въ свой монастырь, для опроверженія ужасной клеветы, посовѣтовалъ сдѣлать собраніе со всѣхъ русскихъ деревень въ Войновской моленной, и пригласить туда Михеича, для оффиціальнаго обличенія Павла «отъ книгъ» въ ереси. Такъ было и рѣшено. Однако, Михеичъ прекрасно понималъ, что значитъ выраженіе: «обличить отъ книгъ», и такъ какъ самъ, по обычаю всѣхъ фанатиковъ ѳедосѣевцевъ, основанія своей вѣры полагалъ на раскольническихъ «тетрадкахъ», Павломъ на полномъ основаніи не признаваемыхъ, то поэтому и устрашился выступить противъ него въ публичномъ состязаніи. Едва-едва почтеннѣйшимъ представителямъ раскольнической общины удалось вытащить Михеича для публичнаго подтвержденія своихъ прежнихъ обвиненій. Никакихъ древле-отеческихъ книгъ на состязаніе Михеичъ съ собой не взялъ: а принесъ въ мѣшечкѣ нѣсколько ѳедосѣевскихъ выписокъ и тетрадокъ, откуда началъ читать о судѣ поморянъ надъ Василіемъ Емельяновымъ, вздумавшимъ трактовать о дозволительности брачнаго сожитія. Окончилъ чтеніе онъ слѣдующимъ возгласомъ, обращеннымъ къ Павлу: «вотъ и тебѣ одно изъ двухъ предлежитъ, или клади началъ, чтобы о бракахъ впредь не толковать, или сейчасъ-же будешь отлученъ отъ общества; а толковать съ тобой нечего». «Я—говоритъ Павелъ, всталъ со стула, взялъ подручникъ, положилъ три поклона и благословился у монастырскаго духовника класть началъ». (Въ это время мои монастырскія братія всѣ поблѣднѣли, думая: вотъ тебѣ и разъ! толковали-толковали, а теперь и отказываться!) Положивъ началъ, я подошелъ къ св. Евангелію, которое лежало на аналоѣ, и громко сказалъ: если мнѣ отецъ Михеичъ докажетъ отъ Писанія, что въ нынѣшнее время браковъ быть не можетъ, что они должны прекратиться, то я обѣщаю о бракахъ болѣе не толковать; а ежели не докажетъ отъ Писанія, что браки въ настоящее время прекратились, то какъ я толковать о бракахъ сталъ, такъ и буду толковать и въ томъ цѣлую св. Евангеліе». Услыхавъ это, Михеичъ соскочилъ съ своего мѣста и кинулся бѣжать изъ моленной, повторяя: «простите Христа ради; мнѣ тутъ дѣлать нечего»! Народъ сталъ его удерживать и упрашивать: «отче, отче, куда ты уходишь? Покажи отъ Писанія о. Павлу, что онъ ошибается! видишь, онъ предъ Евангеліемъ обѣщается, что перестанетъ толковать о бракахъ, если ты ему докажешь, что толкуетъ онъ несправедливо». Стали даже кланяться ему въ ноги, обступили его. Онъ началъ вырываться изъ толпы,

кричать: «что вы меня держите! душить, что-ли хотите»! Наконецъ, онъ вырвался и ушелъ, послѣ чего Павелъ объяснилъ собравшемуся народу, въ чемъ состояли его убѣжденія относительно брака, и просилъ его самостоятельно и безпристрастно разсмотрѣть этотъ предметъ.[1]) Дѣло окончилось тѣмъ, что всѣ жители этой русской колоніи раздѣлились на двѣ неравныя, впрочемъ, половины: большая часть приняла ученіе Павла, остальные оказались вѣрны ѳедосѣевскому бозбрачію.

Одержавши блистательную побѣду надъ ѳедосѣевствомъ, Павелъ пожелалъ повѣдать свое правое ученіе о бракѣ всему раскольничьему міру, для чего предположилъ напечатать сборникъ Андреяна Сергѣева: въ немъ было собрано все то, что когда либо писалось противъ безбрачія; новыхъ трудовъ по этому предмету не требовалось. Но тутъ-же его осѣнила такая мысль. Сборникъ Андреяна Сергѣева существовалъ уже много-много лѣтъ, несомнѣнно читался ѳедосѣевцами и однако-же не приносилъ желаемыхъ результатовъ: изложенныя въ немъ идеи, основанныя на св. Писаніи и твореніяхъ св. отцовъ Церкви, очевидно не прививались ѳедосѣевцамъ, не возбуждали довѣрія къ себѣ; ученіе своихъ наставниковъ бракоборовъ они считали болѣе истиннымъ. Печатаніе сборника, слѣдовательно, также могло оказаться безплоднымъ. Это соображеніе заставило Павла взглянуть на дѣло гораздо глубже и прежде чѣмъ распространить сборникъ, позаботиться о томъ, чтобы внѣдрить въ ѳедосѣевцевъ сознаніе необходимости слѣдовать ученію именно этого сборника, такъ какъ ученіе это въ основѣ своей имѣетъ незыблемыя опоры—св. Писаніе и творенія св. отцевъ и слѣдовательно ученіе спасительное, между тѣмъ какъ бракоборное ученіе такихъ основъ не имѣетъ и составляетъ самоизмышленіе ѳедосѣевскихъ наставниковъ и потому не спасительно, а пагубно. Доказательству этой мысли онъ и посвятилъ цѣлую книгу, извѣстную подъ именемъ «Царскій путь»[2]), представляющую собой выписки изъ старо-

---

[1]) Братск. слово, 90 г. I, стр. 793—794. Воспоминаніе О. Павла.

[2]) Книга „Церскій путь“ была первымъ печатнымъ изданіемъ о. Павла. Въ первый разъ мысль о собственной типографіи возникла у о. Павла въ то время, когда возмущенный ѳедосѣевскимъ вѣроученіемъ, онъ вознамѣрился вести полемику противъ него. Полемика безъ типографіи была невозможна. Рукописныя тетрадки производились слишкомъ

печатныхъ книгъ, доказывающія, что въ дѣлахъ вѣры должно руководиться только лишь св. Писаніемъ, при чемъ толковать его не по своему смышленію, но «яко святіи отцы достигоша».

VI.

Измѣненіе воззрѣній о. Павла на пришествіе антихриста.

Какъ сказали мы уже, ближайшею цѣлію изданія «Царскаго пути» было «внушить читателямъ предпочтеніе евангельскаго ученія предъ старческими преданіями»,[1]) внушить для того, чтобы склонить къ принятію ученія, заключавшагося въ «Сборникѣ о бракахъ».

медленно и стоили очень дорого. Мало того, въ обыкновеніи у противниковъ былъ даже такой способъ борьбы: скупались сочиненія противнаго лагеря и бросались въ огонь. Устная же полемика и по ограниченности своего мѣста дѣйствія, и потому еще, что во взаимныхъ преніяхъ мнимая побѣда часто зависѣла отъ силы крика и задорности спорщиковъ, также имѣла весьма мало значенія. Всѣ эти обстоятельства и заставили о. Павла серьезно подумать о заведеніи собственной типографіи. Скудныя средства монастыря не представляли возможности пріобрѣсти собственную типографію и всѣ проэкты о. Павла оказались бы пуфомъ, если бы его не выручила русская сметка: онъ вошелъ въ согласіе съ содержателемъ типографіи въ Іоганисбургѣ — Гонсеровскимъ и этотъ за извѣстное вознагражденіе дозволилъ имѣть при своей типографіи небольшое отдѣленіе для печатанія здѣсь книгъ, имѣющихъ редактироваться Павломъ. Изъ Праги о. Павелъ выписалъ нѣсколько славянскаго шрифта, типографчикомъ же былъ одинъ изъ способнѣйшихъ учениковъ о. Павла—Голубевъ, впослѣдствіи (съ 1867 г.) православный священникъ миссіонеръ въ Псковѣ, извѣстный редакторъ противораскольничьяго журнала „Истина“. Внѣшность издаваемыхъ сочиненій не могла быть приглядною, Печатались онѣ на сѣрой бумагѣ, плохимъ шрифтомъ и совершенно безъ знанія грамматики. Однако цѣли своей типографія несомнѣнно достигала. Безкорыстіе и искреннее служеніе дѣлу проповѣданія истины Павелъ обнаружилъ въ томъ, что почти все изданіе было роздано безплатно и только очень малая часть была продана по половинной цѣнѣ. Послѣ „Царскаго пути“ былъ напечатанъ „Сборникъ о бракахъ“ и многія другія сочиненія, направленныя, какъ противъ ѳедосѣевцевъ, такъ и православной Церкви. („Русская старообрядческая литература за границей Н. И. Субботина. Русск. вѣстн. 68 г. т. 76, стр. 100. и С.-Петербургскія Вѣдомости объ инокѣ Павлѣ“ въ Соврем. лѣтописи, 67 г. № 24 и 39).

[1]) Собран. сочин. архим. Павла, ч. II, стр. 102.

Имѣлись въ виду главнымъ образомъ ѳедосѣевцы (также, впрочемъ, и филипповцы) съ ихъ ученіемъ о всеобщемъ дѣвствѣ. Дѣло, однако, оказывалось гораздо глубже, нежели понималъ его въ то время самъ Павелъ. Предлагая шествовать царскимъ путемъ, онъ не проразумѣвалъ, куда заведетъ его этотъ путь. Онъ воображалъ, что по нуждѣ можно и безпоповцемъ оставаться и вѣровать всему писанному въ Евангеліи, не нарушать въ толкованіи или понятіи евангельскихъ истинъ, (а безъ этого, говоритъ о. Павелъ, я уже не допускалъ возможности быть истиннымъ христіанином. Я думалъ поэтому, что безпоповство можно поставить на основаніи евангельскихъ и апостольскихъ истинъ и ученія древнихъ отцовъ Церкви». «Просто сказать, мнѣ желательно было всѣ, какія только зналъ я въ безпоповствѣ отступленія отъ Евангелія, по возможности исправить и привести въ согласіе съ Писаніемъ». «Свѣтъ истины евангельской блещалъ нѣсколько въ мои душевыя очи, и разумѣлъ я, что истина должна имѣть свое основаніе въ Евангеліи: тогда мнѣ думалось, что можно основать на немъ и безпоповство, устранить изъ него ученія, явно противныя Евангелію».[1]) — Такимъ образомъ, съ помощію новаго принципа Павелъ собственно намѣревался только исправить безпоповство. Но онъ глубоко ошибался. Безпоповство, равно какъ и вообще расколъ выросли на извѣстныхъ основаніяхъ; вводить новыя основанія—значило не только измѣнять физіономію раскола, но и все его существо. Можно было бы заранѣе опредѣлить исходъ этой попытки реформировать безпоповство, именно: такъ какъ все безпоповство и въ сущности своей, и въ своихъ выводахъ представляетъ крайнее извращеніе Божественнаго Писанія и слѣдовательно не только быть поставленнымъ на немъ, но даже сколько нибудь быть примиреннымъ съ нимъ не представляетъ никакой возможности, то ясно, что Павелъ, твердо слѣдуя св. Писанію, долженъ былъ непремѣнно отказываться отъ безпоповства. Но Павелъ не предугадывалъ еще этой спасительной катастрофы. Не представляя сущности своего предпріятія, онъ воображалъ и ходъ дѣла совершенно иначе и ожидалъ результатовъ совсѣмъ иныхъ.

Собратья Павла по вѣрѣ оказались въ данномъ случаѣ гораздо дальновиднѣе его. Они инстинктомъ угадывали гибельность для ихъ

---

[1]) Тамъ-же, ч. II, стр, 105.

міровоззрѣнія избраннаго Павломъ пути и, предостерегая прусскихъ безпоповцевъ, говорили: «смотрите, вашъ наставникъ больно на писаніи себя утверждаетъ: не ушелъ бы онъ въ церковь». Павелъ, впрочемъ, и не имѣлъ достаточно поводовъ заглядывать въ будущее. Онъ прельщенъ былъ истиною новаго пути и не намѣренъ былъ оставлять его: лицемѣрить Павелъ не могъ. Онъ вмѣстѣ съ искреннимъ желаніемъ спасенія твердо помнилъ изъ опыта предыдущихъ лѣтъ, что можно ревновать не по разуму и проповѣдывать бѣсовское ученіе и потому рѣшился продолжать избранный путь и исполнять все, что ни потребовалось бы. А жертвы потребовались довольно значительныя и непосредственно послѣ того, какъ Павелъ вступилъ на новый путь. Первой жертвой оказалось, какъ мы уже видѣли, ѳедосѣевское ученіе о бракѣ. Второй жертвой оказалось безпоповское ученіе объ антихристѣ. Поводомъ заняться разсмотрѣніемъ этого предмета въ безпоповскомъ вѣроученіи послужило слѣдующее обстоятельство.

Нужно сказать, что послѣ знаменитыхъ бесѣдъ съ начетчиками—Боровскимъ-Пафнутіемъ и Стукачевымъ, Павелъ, не получивъ отъ кладбищенцевъ и «желѣзнаго гроша», непосредственно отправился въ Петербургъ для того, по всей вѣроятности, чтобы здѣсь попросить средствъ на содержаніе монастыря. Поѣздка эта важна въ томъ отношеніи, что здѣсь купецъ Мартьяновъ «сталъ вычитывать Павлу доводы о чувственномъ приходѣ пророковъ Иліи и Еноха» и просилъ дать мнѣніе по разсмотрѣнному вопросу. Павелъ отвѣчалъ: «этимъ вопросомъ я не занимался, а у меня есть обычай новый вопросъ не вскорѣ рѣшать, и вотъ, когда пріѣду въ Пруссію, подумаю о немъ и посовѣтуюсь съ братіей, тогда скажу вамъ, согласенъ съ вашимъ мнѣніемъ, или нѣтъ».[1]) Такимъ образомъ, по пріѣздѣ въ Пруссію, Павелъ тотчасъ принялся за разрѣшеніе предложеннаго Мартьяновымъ вопроса о приходѣ Иліи и Еноха. Въ тѣсной связи съ этимъ вопросомъ стоялъ еще и другой вопросъ о явленіи антихриста. Рѣшая первый, нельзя было не коснуться и второго. Но послѣдній вопросъ представляетъ чрезвычайно важное значеніе въ системѣ всего ѳедосѣевскаго міровоззрѣнія. Чтобы понять всю трудность задачи, представлявшейся Павлу, скажемъ нѣсколько по-

[1]) Братск. слово 93 г. I, стр. 265.

дробнѣе о томъ, какое значеніе въ ѳедосѣевствѣ имѣетъ ученіе объ антихристѣ.

Историческое развитіе этого ученія въ краткихъ чертахъ можно представить такимъ образомъ. Причиной отдѣленія отъ православной Церкви нѣкоторыхъ вліятельныхъ духовныхъ, а также и свѣтскихъ лицъ, создавшихъ впослѣдствіи расколъ, послужили, какъ выражались и выражаются сами отдѣлившіеся, такъ называемыя новшества, отождествлявшіяся съ ересью. Причиной такой внезапной и ужасной перемѣны въ православной Церкви, за неимѣніемъ болѣе подходящихъ объясненій, раскольники сочли—воцареніе въ ней антихриста. Мысль эта, робко высказанная первыми расколоучителями: Аввакумомъ, Авраміемъ и діакономъ Ѳедоромъ, вскорѣ нашла благопріятную для своего развитія почву во всеобщемъ настроеніи умовъ по случаю ожидавшейся кончины міра; подкрѣпляемая, далѣе, нѣкоторыми соображеніями, заимствованными изъ ложнаго толкованія нѣкоторыхъ мѣстъ «Книги о вѣрѣ», а также мѣстъ св. Писанія и отеческихъ твореній, мысль эта сложилась у отступниковъ въ довольно прочное убѣжденіе. Съ теченіемъ времени, однако, когда нѣкоторая часть раскольниковъ, понявъ ужасъ своего положенія безъ іерархіи и таинствъ, смягчила свой приговоръ относительно воцаренія антихриста въ православной Церкви и поставивъ ей въ грѣхъ, а себѣ въ причину отдѣленія только ея новшества, заимствовала у нея такъ называемое бѣглое поповство, другая часть раскольниковъ осталась вѣрною своимъ прежнимъ воззрѣніямъ на православную Церковь и рѣшилась лучше находиться безъ іерархіи и таинствъ, нежели занимать ихъ въ Церкви антихристовой. Отсюда становится понятнымъ значеніе въ безпоповствѣ ученія объ антихристѣ. Это основа всего безпоповства «и безъ него не имѣло бы никакого прикрытія и никакой опоры ихъ противозаконное безъ священства существованіе».[1]) «И если бы они принуждены были сознаться, что антихристъ нынѣ еще не являлся: тогда они обнажились бы всякаго покрова и весь составъ ихъ ученія о безъіерархическомъ ихъ пребываніи въ концѣ бы разрушился». [2]) Поэтому то старообрядцы-безпоповцы такъ и дорожатъ этимъ ученіемъ и

---

[1]) Собр. сочин. арх. Павла, ч. I, 62.

[2]) Тамъ-же.

такъ сильно привязаны къ нему. «Если антихристъ еще не пришелъ», сознаются они сами, надо идти въ Церковь, зачѣмъ ея и чуждаться».[1]) «Потому то у безпоповцевъ нѣтъ ничего хуже и зазорнѣй, какъ сказать, что антихристъ еще не пришелъ. Кто это скажетъ прямо и рѣшительно, того они и слушать болѣе не станутъ».[2]) Необходимо замѣтить, однако, что ученіе это носитъ у безпоповцевъ свой особенный характеръ: антихристъ здѣсь понимается не какъ личность, но какъ богопротивный духъ или нечестивое настроеніе. Прибѣгать къ такому странному и противному свидѣтельствамъ св. Писанія толкованію вынуждаются они тѣмъ, что въ противномъ случаѣ, т. е. признавая антихриста за личность, они и не могли бы говорить о его воцаренiи, потому что въ такомъ случаѣ пришлось бы указать личность и при томъ со всѣми признаками, о которыхъ говорится въ св. Писаніи. Тогда не пришлось бы утверждать, что антихристъ въ Церкви великороссійской возсѣлъ еще съ 1666 года, такъ какъ св. Писаніе прямо свидѣтельствуетъ, что онъ будетъ царствовать только три съ половиною года. При такомъ признаніи, далѣе, пришлось бы указать и свидѣтельствуемое св. Писаніемъ прежде пришествія чувственнаго антихриста чувственное же явленіе Иліи и Еноха, что сдѣлать старообрядцы оказались бы также не въ состояніи. Между тѣмъ, какъ толкуя антихриста въ духовномъ смыслѣ, подъ Иліею и Енохомъ безпоповцы разумѣютъ тѣхъ изъ своихъ расколоучителей и даже простыхъ людей, которые ревностно стояли за расколъ и казнь получили.[3]) Вообще придерживаясь духовнаго смысла, безпоповцы имѣютъ возможность если

---

[1]) Тамъ-же, ч. I, стр. 64.

[2]) Тамъ-же, ч. I, стр. 97.

[3]) „А какъ у васъ, батюшка“—спрашивалъ одинъ недоумѣвавшій старообрядецъ извѣстнаго уже намъ наставника—Егора Гаврилова, „объ Иліи и Енохѣ разумѣваютъ, что они будутъ на землѣ чувственно во плоти, или не будутъ“? Егоръ Гавриловъ всталъ и подвелъ его къ окну, а въ окно видно православная церковь, онъ показалъ на нее рукою и говоритъ: ежели Илія и Енохъ еще не пришли, но придутъ чувственно, то никого ты не слушай и ни о чемъ не пытай, а поди прямо туда въ церковь: она одна истинна, ни въ какомъ другомъ мѣстѣ спасенія не ищи. А мы полагаемъ: антихристъ Никонъ, пророки же Илія и Енохъ въ Соловкахъ убиты. (Собр. сочин. архим. Павла, ч. II. стр. 289).

и не избѣжать, то хотя обойти указанныя выше собственно непреоборимыя преграды. Возможность эта, конечно, кажущаяся, но тѣмъ не менѣе все таки удовлетворяющая невѣжественнаго фанатичнаго раскольника и сообщающая ему спокойствіе совѣсти если и не глубокое, то во всякомъ разѣ «на время нуждное» достаточное. И хотя всякій раскольническій начетчикъ объ антихристѣ «по своему понятію, какъ хочетъ, такъ и толкуетъ, объ одномъ только заботясь, чтобы вытолковать духовнаго антихриста» и что «при такой произвольности и невѣжествѣ они противорѣчатъ одинъ другому: но о томъ у безпоповцевъ подозрѣнія и спору нѣтъ, какъ бы различно объ антихристѣ и пророкахъ ни толковать, только бы духовно и иносказательно, или возводно»[1]). Вообще, «у безпоповцевъ никакое ученіе такъ не уважается, какъ ученіе о мысленномъ антихристѣ: оно вся ихъ крѣпость и верхъ познанія. Кто умѣетъ тексты св. Писанія и отеческія свидѣтельства перетолковывать, и, хотя бы съ великимъ Писанію поврежденіемъ, бытіе духовнаго антихриста проповѣдывать, тотъ у нихъ и наставникъ великій».[2])

Нѣтъ сомнѣній, что и Павелъ въ своихъ воззрѣніяхъ на антихриста не расходился съ общепринятымъ ученіемъ ѳедосѣевства. Мало того, какъ извѣстный въ безпоповствѣ наставникъ, онъ несомнѣнно не только превосходилъ своихъ товарищей по положенію въ искусствѣ вытолковывать духовнаго антихриста, но, что соотвѣтствуетъ вообще его характеру, былъ вмѣстѣ съ тѣмъ глубоко убѣжденнымъ въ истинности такого ученія. Иначе и не могло быть. Вспомнимъ по этому поводу, что всѣ его дѣтскіе годы протекли въ бесѣдахъ членовъ его семьи—поповцевъ и безпоповцевъ о разностяхъ своихъ вѣроученій. Главнымъ предметомъ этихъ бесѣдъ несомнѣнно служило коренное различіе тѣхъ и другихъ—это вопросъ объ антихристѣ. И если Ледневъ-отецъ оказывался непреклоннымъ къ поповскимъ доказательствамъ, то очевидно потому, что онѣ не колебали его убѣжденій относительно антихриста. Эта непоколебимая вѣра отца несомнѣнно въ дѣтскомъ же возрастѣ сообщилась и сыну.— Вспомнимъ, далѣе, извѣстныя сызранскія пренія съ ихъ героемъ Иваномъ Порфировымъ, который своимъ переходомъ въ безпопов-

---

1) Собр. сочин. архим. Павла, ч. I, стр. 65.

2) Тамъ-же, ч. I, стр. 65—66.

ство торжественно подтвердилъ справедливость воззрѣній безпоповцевъ на антихриста. Примемъ во вниманіе также и то, что этотъ убѣжденный безпоповецъ сдѣлался впослѣдствіи наставникомъ Павла, главной обязанностію котораго было опять таки убѣждать воспитанника въ царствованіи антихриста. Можно послѣ этого представить, какую крѣпость въ умѣ Павла составили всѣ эти, начавшіяся съ дѣтства, убѣжденія и доказательства!

Впрочемъ, Павелъ привыкъ вѣрить разумно. Поэтому, когда Мартьяновъ высказалъ ему доводы относительно прихода Иліи и Еноха въ чувственномъ видѣ, съ чѣмъ непремѣнно связывалось понятіе о чувственномъ приходѣ и антихриста, Павелъ не отвернулся отъ него, какъ сдѣлалъ бы раскольникъ фанатикъ. Опыты прежнихъ лѣтъ, доставлявшіе ему горькія разочарованія въ истинѣ того, во что ранѣе имѣлъ онъ благоговѣйную вѣру, что съ великимъ усердіемъ распространялъ, научили его не прежде проникаться извѣстнымъ ученіемъ, какъ только тщательно провѣривъ ихъ согласіе съ божественной истиной, выраженной въ св. Писаніи, изъясняемомъ святоотеческими толкованіями. Поэтому, и на доводы Мартьянова онъ отвѣчалъ обѣщаніемъ разсмотрѣть ихъ.

Разсматривая безпоповское ученіе объ антихристѣ, Павелъ былъ пораженъ тѣмъ дерзкимъ своевольствомъ, съ какимъ всякій невѣжественный безпоповцевъ брался истолковывать Апокалипсисъ. «У насъ нынѣ», говорилъ онъ, обращаясь къ своимъ собратьямъ по вѣрѣ, «на всѣхъ благодать излилась,—что едва постигали великіе и знаменитые отцы Церкви, св. Андрей Кесарійскій и другіе, то знаетъ у насъ каждая дѣвица! Иная и книгъ то не читала, да и грамотѣ еще не совсѣмъ научилась, а ужъ тайны откровенія толкуетъ на разное иносказательство». «Что прежде ради опасенія возбранялось самимъ епископамъ, якоже свидѣтельствуетъ Шестаго вселенскаго собора правило девятнадцатое, именно отъ себѣ и отъ своего ума толковать Писанія, а не божественнымъ отцемъ послѣдуя, это у насъ почитается безопаснымъ и позволительнымъ для всякой безграмотной женщины».[1])

Изслѣдуя, далѣе, основы этого ученія ѳедосѣевцевъ, Павелъ конечно не могъ не замѣтить того насилія надъ св. Писаніемъ и твореніями св. отцевъ, которое совершалось въ цѣляхъ «вытолко-

1) Собр. соч. архим. Павла, ч. I. стр. 65.

выванія духовнаго антихриста,—насилія, которое позволяли себѣ уже не малограмотные простецы, женщины и дѣвицы, но начитанные въ божественныхъ книгахъ наставники и руководители безпоповцевъ. Убѣдившись вполнѣ въ ложности безпоповскаго ученія объ антихристѣ и желая возвѣстить истинное, онъ, также какъ и въ отношеніи ученія о бракѣ, считаетъ за лучшее нѣсколько приготовить ѳедосѣевцевъ къ выслушанію этой страшной для нихъ новости. Книга «Царскій путь» въ то время еще составлялась. Помѣщая здѣсь мѣста изъ уважаемыхъ раскольниками книгъ, въ корнѣ подрывавшія ученіе безбрачниковъ, Павелъ съ удобствомъ могъ помѣстить здѣсь и такія мѣста изъ указанныхъ книгъ, въ которыхъ положительно воспрещалось самовольное истолкованіе таинственныхъ и пророческихъ книгъ св. Писанія, благодаря чему возникало и укрѣплялось раскольническое безпоповское убѣжденіе въ духовномъ пришествіи антихриста. Это Павелъ и сдѣлалъ. А затѣмъ уже, собственно въ приложеніи къ «Царскому пути», изложилъ святоотеческое ученіе о чувственномъ приходѣ Иліи и Еноха, а потомъ и о чувственномъ явленіи антихриста.

Такимъ отвѣтомъ на вопросъ объ антихристѣ Павелъ совершенно отдѣлялся отъ безпопоповства. Это былъ несомнѣнный шагъ по пути, ведущему къ сближенію съ православной Церковію. Въ самомъ дѣлѣ, если антихристъ не приходилъ, слѣдовательно его нѣтъ и въ православной Церкви, а если такъ, то и причина отдѣленія отъ нея должна была сводиться только къ «новшествамъ», вслѣдствіе которыхъ отдѣлились и бѣглопоповцы. Слѣдующіе два случая нѣсколько измѣнили его воззрѣнія и на этотъ предметъ. Въ Московской Сѵнодальной библіотекѣ пришлось ему какъ-то разсматривать извѣстное Юрьевское Енангеліе, гдѣ онъ встрѣтилъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ имя Спасителя написаннымъ съ двумя гласными въ началѣ—**Іисъ**. Смыслъ мѣстъ совершенно не допускалъ возможности употребленія здѣсь союза «и». Какъ человѣкъ просвѣщенный и главное,—не имѣвшій фанатическаго упорства, Павелъ не сталъ подозрѣвать здѣсь обмана, не сталъ увѣрять себя, что книга эта еретиками попорчена и т. д., а повѣрилъ скорѣе своему заблужденію. «Невольно тутъ-же вспомнилъ я», разсказываетъ впослѣдствіи о. Павелъ, «съ какимъ страшнымъ хуленіемъ выражались мы объ этомъ

вятомъ имени, такъ пишемомъ и произносимомъ, и у меня пробѣжалъ по спинѣ ознобъ,—начался отъ седца и прошелъ до пятъ».[1])

«Былъ такой еще случай», говоритъ о. Павелъ: «пріобрѣлъ я древлеписьменную книгу: Отвѣты св. Аѳанасія Великаго Антіоху князю. Сталъ читать, и когда дочиталъ до того мѣста, гдѣ писано: «крестъ сложивше отъ двою древу, поклоняемся», подумалъ, что это описка, что нужно было написать: «отъ трою древу». Я соскоблилъ это слово «двою», чтобы поправить: но когда сталъ читать далѣе: «и тако два древа разложивше», тогда понялъ, что сказанное выше: «два древа сложивше поклоняемся», написано не по ошибкѣ. Это заставило меня подумать, и тутъ я разсудилъ, что вѣдь мы и на себя полагаемъ святый крестъ четвероконечный и освящаемся имъ; а когда имъ освящаемся, то онъ и поклоненія достоинъ. Съ тѣхъ поръ почитать я сталъ и четырехконечный крестъ, а книгою «Отвѣтовъ Аѳанасія» доказывалъ и братіи, что крестъ сей достоинъ поклоненія, какъ истинный крестъ Христовъ» [2]). Такимъ образомъ, Іисуса, какъ нѣкоего иного бога, почитаемаго будто-бы православной Церковію, для Павла не существовало; равно какъ поклоненіе и чествованіе православною Церковію четырехконечнаго креста уже не ужасало его. Впрочемъ, не такъ важно въ этомъ случаѣ то, что для Павла двумя новшествами, раздѣлявшими его съ православной Церковію, стало меньше, сколько важенъ тотъ урокъ, полученный Павломъ, что указанныя «новшества» вдругъ оказались выраженіемъ древляго благочестія и такимъ образомъ, то, что порицалось, оказалось достойнымъ благоговѣнія, а ревность по благочестію оказалась ужаснымъ преступленіемъ. Этотъ благочестивый человѣкъ былъ взволнованъ до глубины души и ознобъ прошелъ у него отъ сердца и до пятъ. Онъ сталъ осторожнѣе въ своихъ нападкахъ и порицаніяхъ на православную Церковь, боясь оказаться въ такомъ же ужасномъ положеніи, какъ это случилось.—Найденную имъ истину объ имени Спасителя и крестѣ четырехконечномъ онъ счелъ своей святой обязанностію также помѣстить въ приложеніи къ «Царскому пути», чтобы, такимъ образомъ. истина эта получила надлежащую гласность и распространеніе.

---

[1]) Братск. слово, 93 г. I, стр. 263. „Изъ моихъ воспоминаній“, архим. Павла.

[2]) Тамъ же.

Такимъ образомъ, Павелъ видимо приближался къ православной Церкви, однако все таки стоялъ отъ нея далеко и по прежнему чуждался ей. Слѣдствіемъ такого состоянія его было съ одной стороны то, что издавая въ своей типографіи извѣстное поморское, направленное противъ бѣглопоповства сочиненіе подъ общеизвѣстнымъ названіемъ «Щитъ», онъ не сталъ печатать первую часть его, находя въ ней много излишнихъ обвиненій на православную Церковь; равно какъ были опущены изъ «Щита» многія выраженія, направленныя по адресу мнимыхъ «новшествъ» православной Церкви, называвшихся здѣсь «множайшими и величайшими ересями». Такого рода выраженія Павелъ находилъ очень дерзкими и не справедливыми. Однако, съ другой стороны, тѣмъ же Павломъ одобрено было къ напечатанію подложное сочиненіе подъ названіемъ: «Присяга хотящимъ взыти на степень священства» [1]), въ которомъ проклиналось двуперстіе и которое, такимъ образомъ, должно было служить очевиднымъ свидѣтельствомъ того, что будто-бы православная Церковь заставляла каждаго рукополагаемаго священника проклинать такъ называемые старые обряды. Также напечатано было изреченіе собора 1667 года безъ означенія того, на кого и за что положено это изреченіе [2]). Да и вообще это время было временемъ служенія Павла расколу, изыскивались всевозможныя причины, чтобы оторвать отъ Церкви легковѣрныхъ чадъ ея; «ратовали, чѣмъ могли, предполагая побѣдить непобѣдимую невѣсту Христову» [3]).

Знакомство съ В. А. Прохоровымъ, намѣревавшимся издавать иллюстрированный журналъ подъ названіемъ: «Христіанскія древности и Археологія», предоставило Павлу, какъ оказалось, чрезвычайно удобный случай нанести серьезный ударъ авторитету Великороссійской Церкви. Какъ извѣстно, издатель нуждался въ денежномъ пособіи, безъ котораго его журналъ не могъ появиться въ свѣтъ. Неизвѣстно, какимъ образомъ ему удалось бы выйти изъ этого затруднительнаго положенія, если бы не осѣнила его счастливая мысль,— издавая памятники древности, въ частности—памятники двуперстія, оказать услугу раскольникамъ въ ихъ борьбѣ съ православными и

---

[1]) Братск. слово 90 г. т. II, стр. 656 и 255. „Письмо къ редактору“ и „Изъ книги Щитъ вѣры“.

[2]) Собран. сочин. архим. Павла, ч. II, стр. 390—391.

[3]) „Русская старообрядческая литература за границей. Н. Субботина. Русск. Вѣстн. 68 г. т. 76, стр. 331.

за это, предварительно, получить отъ нихъ денежное вспоможеніе. О своемъ намѣреніи Прохоровъ сообщилъ нѣкоторымъ богачамъ раскольникамъ, при чемъ, скрывая истинныя побужденія своей услуги, представлялъ дѣло такъ, что посредствомъ этого изданія всѣ будутъ видѣть «истинность и древность двуперстнаго сложенія». Идея эта сдѣлалась извѣстной и Павлу и въ немъ пріобрѣла горячаго приверженца. Конечно, за деньгами у раскольниковъ дѣла не стало и «Христіанскія древности», гдѣ въ уплату за долгъ научность была принесена въ жертву раскольнической тенденціи, вышли въ свѣтъ. Новость и внѣшняя привлекательность журнала доставили ему много симпатій. Между прочимъ, онъ послужилъ камнемъ преткновенія и соблазна даже для такого почтеннаго ученаго, какъ М. П. Погодинъ. Рекомендуя это изданіе онъ писалъ: «Милостивые государи! повѣрьте же мнѣ, старому антикварію и охотнику. Я это дѣло немножко смыслю и смѣло, для общей пользы, указываю на изданіе». Но въ февральской книжкѣ «Русскаго Вѣстника» (1864 г.) появилась статья Н. И. Субботина, въ которой высказывалась горькая правда объ этомъ изданіи, раскрывшая всѣмъ глаза. Павелъ, дотолѣ не подозрѣвавшій никакой фальши, былъ напуганъ этимъ извѣстіемъ и явившись къ Прохорову, проситъ защитить истину отъ нападеній Н. И. Субботина. Прохоровъ обѣщается, однако проходятъ мѣсяцы, а опроверженія, надѣлавшей столько переполоха статьи, не появляется. Сомнѣніе все болѣе и болѣе закрадывается въ душу Павла. Въ крайности онъ пытается самъ разрѣшить возникшее недоумѣніе и съ этой цѣлью ходитъ по церквамъ, разсматриваетъ древнія иконы и, къ ужасу своему, убѣждается, что дѣйствительно существуютъ очень и очень многія древнія иконы «съ явственнымъ изображеніемъ именословнаго перстосложенія. Въ отчаяніи бросается онъ къ Прохорову. «Василій Александровичъ!»... говоритъ онъ, «мы съ вами близко знакомы; я къ вамъ расположенъ и увѣренъ, что вы знатокъ древностей. У меня къ вамъ важный вопросъ, рѣшеніе котораго нужно мнѣ для моей душевной пользы, для успокоенія моей совѣсти, и вы отвѣтьте на него откровенно со всею искренностію. Если вы мнѣ скажете всю правду: я буду вамъ душевно благодаренъ; а если не соблаговолите сказать: то я буду обращаться къ другимъ, чтобы только удовлетворить моимъ душевнымъ нуждамъ. А именно, скажите мнѣ: въ древнихъ памятникахъ между двуперстными сложеніями обрѣтаются ли именословныя, или не обрѣтаются?» Само со-

*

бой разумѣется, что такимъ образомъ поставленный вопросъ смутилъ Прохорова: ему приходилось сознаться въ фальши, которой онъ столько времени обманывалъ и Павла и прочихъ старообрядцевъ. Но отпираться было невозможно и онъ вынужденъ былъ объяснить Павлу, что именословное благословеніе встрѣчается и на древнихъ памятникахъ, при чемъ показалъ ему два такихъ памятника [1]). Такъ, въ результатѣ столь сложнаго дѣла, предпринятаго съ исключительной цѣлью уронить авторитетъ Великороссійской Церкви, оказалась совершенная правость ея и незаконность раскольническихъ обвиненій. Вѣрно направленный ударъ оказался вдругъ не дѣйствительнымъ и истина двуперстія обманула своихъ послѣдователей.

Если теперь подвести итоги тому, что выбыло и что осталось у Павла изъ всей суммы прежде бывшихъ его религіозныхъ воззрѣній, то окажется слѣдующее. Исчезло ѳедосѣевское безбрачіе, оставлено ученіе о мысленномъ антихристѣ: пришествія его еще не было, равно какъ не являлись еще и предвѣстники его Илія и Енохъ; исчезла, далѣе, рознь и ненависть за четвероконечный крестъ, за имя Іисусъ, за слово «истиннаго» въ Символѣ вѣры [2]), за перстосложеніе и именословное благословеніе. Развязка великой драмы приближалась. Ее давно предсказывали руководимые инстинктомъ простецы — собратья Павла по вѣрѣ.

Однако у Павла была еще одна опора, имѣя которую, онъ могъ считать себя въ правѣ отдѣляться отъ православной Церкви; опора эта—клятвы Московскаго собора 1667 года, положенныя будто бы православною Церковію на старые обряды. Но и эта опора вскорѣ рухнула: принятый Павломъ принципъ—въ дѣлѣ вѣры руководиться исключительно указаніемъ слова Божія подточилъ ея основанія. Постараемся выяснить всю логическую необходимость этого послѣдняго акта великой и назидательной драмы и передать обстоятельства, при которыхъ онъ совершился. Сущность этого акта состоитъ въ томъ, что Павелъ изъ раскола, въ вѣрности которому до сихъ поръ пребывалъ и въ спасительности котораго до сихъ поръ

---

[1]) „Мое знакомство съ В. А. Прохоровымъ, издателемъ „Христіанскихъ древностей“, Архим. Павла и „Нѣсколько предварительныхъ словъ къ письму о. Павла о знакомствѣ его съ г. Прохоровымъ“. Н. Субботина „Братск. слово“ 89 г. II т. стр. 766 и 776.

[2]) Братск. слово, 95 г. I, стр. 371.

онъ былъ твердо убѣжденъ, перешелъ въ православную Церковь. Для того, чтобы понять, какимъ образомъ совершился этотъ переходъ, необходимо прежде видѣть, на какихъ основаніяхъ покоилось убѣжденіе Павла въ правотѣ раскола съ одной стороны и (мнимомъ) еретичествѣ Великороссійской церкви съ другой, и что, затѣмъ, измѣнило эти убѣжденія Павла въ совершенно противоположную сторону.

VII.

Измѣненіе понятій о. Павла о Церкви и признаніе имъ Церкви Греко-Россійской за истинную.

Какъ мы уже имѣли случай упомянуть, причиной отдѣленія безпоповства отъ православной Церкви служатъ введенныя здѣсь яко-бы новшества—ереси и увѣренность въ царствованіи въ ней антихриста. Такими воззрѣніями безпоповцы на столько прониклись, что въ своемъ ослѣпленіи стараются не замѣчать прямыхъ и ясныхъ свидѣтельствъ св. Писанія о вѣчности и неодолѣнности Церкви, а слѣдовательно, и всей незаконности отдѣленія отъ нея и пагубности пребыванія безъ благодатныхъ средствъ ко спасенію; всѣ силы свои они направляютъ къ тому, чтобы оправдать свое безсвященнословное состояніе. Это оправданіе, какъ созданіе разныхъ умовъ, не имѣетъ опредѣленности и единства. Такъ одни изъ безпоповцевъ учатъ, что все исполненіе Церкви Божіей составляютъ нынѣ только одни простолюдины безъ священства и безъ совершенія всѣхъ семи таинствъ, потому и въ Символѣ вѣры, въ словахъ: «во едину святую, соборную и апостольскую Церковь», разумѣютъ такую именно, существующую у нихъ церковь, т. е. безъ священства и безъ приношенія безкровной жертвы тѣла и крови Христовыхъ [1]). А другіе говорятъ, когда Символъ излагался, Церковь была не безъ священства и таинствъ, но съ тремя чинами священства и съ полнотою таинствъ; поэтому, въ словахъ Символа: «во едину святую, соборную и апостóльскую Церковь», нужно разумѣть ту церковь, которая существовала до лѣтъ патріарха Никона со всею полнотою церковною [2]). Однако «безпоповцы жестоко были обличаемы поповцами за совершенное лишеніе священства и причастія тѣла и крови Христовой и прочихъ таинъ», доказывавшими «ясными и неопровержимыми доводами отъ священныхъ и отеческихъ писаній, что безъ

[1]) Собран. сочин. архим. Павла, ч. I. стр. 184.

[2]) Тамъ-же.

священства и прочихъ таинъ истинная Церковь Христова быти не можетъ, а потому и ихъ (безпоповцевъ) общество, обнаженное всѣхъ таинъ, Церкви Христовой не составляетъ» [1]). Такое обличеніе съ одной стороны, съ другой сознаніе непреложности Господня обѣтованія: «созижду Церковь Мою и врата адова не одолѣютъ ей», заставило часть безпоповцевъ свое ученіе о церкви подвинуть еще на одну стадію развитія. Именно, нѣкоторые начали утверждать, что Церковь, обѣтованная Господомъ, создана со священствомъ, а не безъ священства, въ каковомъ устройствѣ должна пребывать вѣчно, по свидѣтельству книги Кирилловой, гдѣ на листу 77 о вѣчности священства сказано: «якоже Христосъ не умираетъ, такоже іерейство его по чину Мелхиседекову не престаетъ». Посему, говорили, нужно вѣровать въ церковь не только существовавшую, но и въ существующую съ таковыми чинами и таинствами, съ каковыми она создана [2]). И если тѣ изъ безпоповцевъ, которые, считая свое общество церковію, состоящею только изъ простолюдиновъ, въ оправданіе своего безблагодатнаго состоянія, говорили: «мы простолюдины, плѣнники на чужой странѣ: плѣнники же могутъ пользоваться исключительнымъ случаемъ» [3]): тѣ изъ безпоповцевъ, которые вѣровали въ церковь, существовавшую до Никона патріарха, опровергая первыхъ и оправдывая свое вѣроученіе, говорили: «мы не въ плѣну, ибо если скажемъ въ плѣну, то нужно будетъ показать, гдѣ не плѣненная церковь: но мы умершей матери сироты, и когда я самъ видѣлъ, что мать наша похоронена, то уже никому не повѣрю, что она жива» [4]). Безпоповцы-же, придерживавшіеся послѣдняго воззрѣнія, говорили: «мы читаемъ въ Символѣ исповѣданіе вѣры во св. Церковь: значитъ, церковь не умерла, и мы не дѣти умершей матери, мы также и не плѣнники, а на своей землѣ жительствуемъ; но церковь отъ гоненія бѣжала въ пустыню и тамъ скрывается: значитъ, мы живой бѣжавшей матери дѣти; мы только не знаемъ, гдѣ она, а вѣруемъ не въ умершую, но въ живую существующую церковь» [5]) Въ доказательство своихъ воззрѣній, эта часть безпоповцевъ приводила извѣстное апокалипсическое видѣніе жены, бѣжавшей въ пустыню. (Апок. гл. 18).

---

[1]) Тамъ-же, ч. I, стр. 240.
[2]) Тамъ же, ч. I, стр. 195.
[3]) Тамъ-же, ч. I, стр. 236.
[4]) Тамъ-же.
[5]) Тамъ-же, ч. I, стр. 236—237.

Какого изъ означенныхъ мнѣній держался Павелъ? Разсказывая объ извѣстномъ Иванѣ Порфировѣ, онъ передаетъ слѣдующій фактъ. Когда Иванъ Порфировъ, по должности наставника, разъяснялъ Павлу незаконность бѣглопоповщины, то этотъ предложилъ ему такой вопросъ: «у насъ и вовсе нѣтъ никакого священства: можетъ ли поэтому общество наше составлять соборную и апостольскую Церковь»? Поповъ отвѣтилъ: наше общество, хотя и не имѣетъ трехъ чиновъ священства, но вѣруетъ въ ту церковь, которая существовала до патріарха Никона со всѣми чинами и таинствами» [1]). Естественно полагать, что и ученикъ унаслѣдовалъ воззрѣнія своего знаменитаго учителя, именно, вѣровалъ въ церковь, существовавшую до лѣтъ патріарха Никона, а потомъ переставшую существовать. Вѣрой въ такую именно церковь Павелъ руководился вплоть до того времени, когда сдѣлавшись настоятелемъ прусской киновіи и рѣшая вопросъ о бракѣ, онъ, внимательно изслѣдуя св. Писаніе, не убѣдился въ непреложной истинѣ Господня обѣтованія о вѣчности Церкви [2]). Поэтому оставивши прежнее, полученное отъ Попова, воззрѣніе, Павелъ сдѣлался сторонникомъ указаннаго уже выше безпоповскаго воззрѣнія на церковь—вѣчно существующую, но до времени пребывающую въ неизвѣстности. Нельзя сказать, чтобы это вѣрованіе доставляло Павлу полное душевное спокойствіе. Содержащимъ это ученіе, говоритъ онъ самъ, нѣтъ никакой пользы отъ ихъ сокровенной церкви: ибо данныя ей отъ Христа Спасителя средства, чрезъ которыя она спасаетъ своихъ чадъ, т. е. таинства, отъ нея на нихъ не изливаются; существованіе церкви, далѣе, сокрытое отъ ея собственныхъ чадъ, несогласно съ цѣлью учрежденія Христомъ Церкви своей на землѣ: она существуетъ для спасенія вѣрующихъ и для проповѣданія Евангелія всей твари, и за то должна имѣть брань съ вратами адовыми, а не бездѣйственною пребывать въ со-

---

1) Собран. сочин. архим. Павла, ч. I, стр. 233.

2) Братск. Слово, 93 г., ч. I, стр. 264—265. „Изъ моихъ воспоминаній“ архим Павла. Убѣдиться въ этомъ, кромѣ этого заставили его ясныя доказательства бѣглопоповцевъ о вѣчности Христовой Церкви. Доказательства эти онъ слышалъ еще съ дѣтства. Но въ спорахъ съ бѣглопоповцами въ Климоуцахъ по случаю принятія Амвросія, онъ обратилъ на нихъ вниманіе и призналъ за ними полную справедливость

кровенности» [1]). Не сознавать этого Павелъ, конечно, не могъ. Мало того, даже на насмѣшки по поводу этого воззрѣнія, раздававшіяся, какъ изъ бѣглопоповскаго лагеря, такъ и изъ лагеря безпоповцевъ, слѣдовавшихъ инымъ воззрѣніямъ, Павелъ не въ силахъ былъ отвѣчать болѣе или менѣе основательно и такимъ образомъ заграждать враждебныя уста. «Вы, чай, проглядѣли, слышались отовсюду остроты, куда церковь-то бѣжала? хоть и не знаете, гдѣ она пребываетъ: но неотмѣнно должны знать, въ которой сторонѣ: укажите-ко намъ» [2]). Вообще, про это мнѣніе говорили: «это одна мечта: весь свѣтъ нынѣ извѣстенъ, и если-бы гдѣ священство древлеправославное существовало, не было бы утаено: да и какая вамъ польза отъ того, что вы вѣруете въ скрытое священство, а имъ не окормляетесь»? [3]) Но что же было дѣлать Павлу? Бѣглопоповство представляло нелѣпостей не меньше, чѣмъ и безпоповство: обращать туда взоры въ надеждѣ получить исцѣленіе великой душевной раны Павелъ, конечно, не могъ [4]). Въ греко-россійской церкви если для Павла и не было уже антихриста и ужаснѣйшихъ ересей, то все таки оставались пореченія на старые обряды, не позволявшіе пока думать Павлу объ ея истинности и о соединеніи съ ней. Приходилось по неволѣ оставаться въ безпоповствѣ. Принять-же здѣсь воззрѣніе на церковь, долженствующую существовать вѣчно, заставила его сила Евангельскихъ словесъ, хотя въ то же время, опять таки по неволѣ, онъ впадалъ въ

---

[1]) Собраніе сочин. архим. Павла, ч. I, стр. 185—186; 283.

[2]) Тамъ-же, ч. I, стр. 237.

[3]) Тамъ-же, ч. I, стр. 283—284.

[4]) Когда Семенъ Семеновичъ, одинъ изъ видныхъ защитниковъ австрійскаго священства съ Илларіономъ Георгіевичемъ Ксеносомъ, составителемъ Окружного посланія, предложили Павлу (дѣло было въ Москвѣ, въ 1862 году) вопросъ: почему безпоповцы не имѣютъ священства, по заповѣди Христовой для спасенія необходимаго, то Павелъ, не любившій дѣйствовать не по совѣсти, уклоняться намѣренно въ сторону отъ предметовъ разсужденія, отвѣчалъ: „неимѣніе священства есть наша скудость и мы сознаемъ этотъ недостатокъ свой. Мы сознаемъ, что Церковь Христова должна пребывать вѣчно, но не знаемъ, гдѣ она обрѣтается: хотимъ быть при Церкви, но не хотимъ безъ познанія и увѣренія пристать къ какой-бы то ни было: думаемъ, что пока Богъ откроетъ, лучше такъ молиться и просить Бога, нежели пристать къ церкви, которая кажется намъ не надежною. (Собраніе сочин. архим. Павла, ч. I стр. 268).

противорѣчіе и съ евангельскимъ ученіемъ, и здравымъ смысломъ, утверждая, что эта церковь существуетъ въ неизвѣстности. Но во всякомъ разѣ, при такомъ воззрѣніи онъ могъ утѣшать себя хотя тѣмъ, что онъ ближе другихъ стоитъ къ слову Божію, а это отвѣчало его коренному стремленію, «чтобы въ безпоповствѣ все, несогласное съ Евангеліемъ, согласить» [1]), чтобы «безпоповство поставить на основаніи евангельскихъ и апостольскихъ истинъ и ученія древнихъ отцовъ Церкви« [2]). «Проповѣдывать прекращеніе священства и чрезъ то престатіе жертвоприношенія тѣла и крови Господни, говоритъ о. Павелъ, есть противленіе Евангелію, а проповѣдывать вѣчность неизмѣнно существующей Церкви со всѣми ея чинами и таинствами, но въ настоящее время существующей сокровенно въ неизвѣстномъ мѣстѣ, я полагалъ, не противно Евангелію» [3]). Что-же касается своего крайне горестнаго состоянія внѣ Церкви безъ бла-

---

[1]) Собран сочин. архим. Павла, ч. II, стр. 106.

[2]) Тамъ-же, ч. II, стр. 104.

[3]) Лишивъ себя спасительной благодати, пребывающей только въ Церкви, раскольники, собственно, должны были-бы вмѣстѣ съ тѣмъ отказаться и отъ благодатныхъ средствъ—св. таинъ. Однако ужасъ такого рода положенія заставилъ ихъ измѣнить такому прямому и необходимому заключенію. И въ то время, какъ поповцы обезопасили себя бѣглымъ священствомъ, безпоповцы основали свою надежду спасенія на двухъ „потребно-нужныхъ“ тайнахъ: крещеніи и покаяніи, оправдывая такое состояніе съ одной стороны несправедливыми ссылками на такъ называемые „смотрительные случаи“ въ исторіи христіанской Церкви, а съ другой—исключительностію переживаемаго времени царствованія антихриста. Хотя приводимая ими по этому поводу аргументація не представляетъ и тѣни справедливости, тѣмъ не менѣе, понятіе о „потребно-нуждныхъ“ во спасеніе тайнахъ давало раскольникамъ поводъ думать, что по нуждѣ якобы можно спастись и этими тайнами. Вникая въ св. Писаніе, Павелъ вывелъ слѣдующее заключеніе объ исповѣдуемыхъ безпоповцами тайнахъ. Не касаясь крещенія, онъ говоритъ объ исповѣди, что „разрѣшать грѣхи простолюдиномъ сущимъ“, какъ это практиковалось у нихъ въ безпоповствѣ, „есть восхищеніе не данной Евангеліемъ власти, и что совершать исповѣдь можно только въ „руководство жизни“, что не противно Евангелію и полезно“; также „замѣнить причастіе св. таинъ добродѣтелями“, какъ учили нѣкоторые, „сопротивно Евангелію“; не противно Евангелію только „желать св. таинъ пріобщенія и по случаю нужды въ лишеніи оныхъ положиться на милость Божію“ (Собран. соч. архим. Павла, ч. II, стр. 105—106).

годатныхъ средствъ ко спасенію [1]), то Павелъ, какъ глубоко вѣрующая душа, порѣшилъ всю печаль свою возверзти на Господа. Въ 1861 г. въ Прусской киновіи Павломъ и братіей было постановлено: «по окончаніи всякой службы молиться Господу Богу о невидимомъ навершеніи видимаго лишенія таинствъ и объ отвращеніи Божія наказанія, дабы благоволилъ объявить свое вѣчное священство, сокровенное отъ насъ за недостоинство наше» [2]). «Чтобы намъ, говоритъ о. Павелъ, о лишеніи св. таинъ имѣть большее сподобленіе, ввелся у у насъ обычай въ братіи приготовляться даже къ причастію, какъ положено въ уставѣ» [3]).

Павелъ, однако, не могъ долго оставаться въ такомъ положеніи. Принятый имъ принципъ точнаго слѣдованія въ дѣлахъ вѣры св. Писанію, подобно закваскѣ, медленно, но непрерывно проникалъ

---

[1]) „На праздникъ цвѣтоносія“, говоритъ о. Павелъ, когда пѣли: „Съ веселіемъ возопиша праведныхъ дуси: нынѣ міру завѣтъ новый завѣщается и кропленіемъ да обновятся людіе Божія крове“, пѣснь эта сокрушала печалію мое сердце. Я думалъ, дуси праведныхъ веселились о томъ, что окроплены Божіею кровію; а мнѣ о чемъ радоваться, лишившемуся того окропленія? Мнѣ должно плакать о томъ лишеніи! И своимъ собратьямъ я говорилъ, скажите, какъ намъ пѣть этотъ стихъ—съ веселіемъ, или со слезами?

Я смотрѣлъ съ жалостію сердца на тѣхъ, которые не думали о лишеніи святыхъ таинъ и старался ихъ вразумить, что мы сотворяемся христіане не потому, что молимся такимъ, а не другимъ чиномъ утреню, часы, вечерню, или что молимся по лѣствкѣ, а потому, что вѣруемъ во Христа и освящаемся таинствами: посему, лишеніе этого освященія должно служить для насъ великимъ сокрушеніемъ. Много и такихъ безпоповцевъ видѣлъ я, которые не только не сокрушаются о лишеніи таинствъ тѣла и крови Господнихъ, но даже утверждаютъ, что о томъ даже и сокрушаться не должно: когда, говорятъ они, все это отнялъ у насъ Господь, то намъ не должно о томъ и думать. Противъ этого горестнаго заблужденія я говорилъ: тѣ, которые за грѣхи были переселены въ Вавилонъ, переселены по волѣ Божіей, не забывали Іерусалима, служившаго только прообразомъ новаго Іерусалима—Церкви Христовой, но плакали о немъ, жаждали возвратиться въ него: тѣмъ паче мы не должны забывать нашего Іерусалима—святой Церкви, которая въ таинствѣ тѣла и крови Христовыхъ преподаетъ намъ источникъ безсмертія и жизни вѣчной. (Братск. слово 93 г. I, стр. 192—193. „Воспоминаніе моихъ размышленій въ безпоповствѣ“, архим. Павла).

[2]) Собран. сочин. архим. Павла, ч. II, стр. 105.

[3]) Тамъ-же, ч. II, стр. 106.

все его религіозное воззрѣніе и до тѣхъ поръ должна была продолжаться эта работа, пока не оказалось-бы даже чего нибудь малѣйшаго, не согласнаго этому принципу. Такъ, дѣйствительно, и было.

«Послѣ изданія «Царскаго пути», говоритъ о. Павелъ, открылись намъ новые, еще невиданные нами, проблески истины св. Евангелія, (которыхъ уже никакъ нельзя было примирить съ безпоповскимъ положеніемъ). Вотъ именно какія мысли неотступно преслѣдовали насъ. Сокровенная церковь, въ которую мы вѣровали, не есть церковь, воюемая вратами адовыми: а невоюемая не можетъ именоваться неодолѣнною, но только кроющеюся. Евангеліемъ-же проповѣданную, созданную Христомъ Церковь врата адовы не одолѣютъ; значитъ, она ими воюема, но неодолѣваема: посему, ей нужно существовать среди бѣдъ и бурь, не въ неизвѣстности скрываться. И паки: Евангеліе не обнадеживаетъ спасеніе таковымъ, которые-бы только имѣли желаніе ко принятію св. Таинъ, но утвердительно требуетъ дѣйствительнаго причащенія св. Таинъ: «аще не снѣсте плоти Сына Человѣческаго, ни піете крове Его, живота не имате въ себѣ [1]) (Іоан. зач. 23). И вообще св. Евангеліе не того только

---

[1]) Въ одинъ изъ своихъ проѣздовъ изъ Петербурга въ Пруссію черезъ городъ Рѣжицу Павелъ такъ высказывался здѣшнему купцу Лукѣ Ив. Масленникову: „я съ младыхъ лѣтъ удалился изъ своего дому, отъ родителя и родственниковъ, ради Евангелія, дабы наслѣдовать въ будущемъ вѣкѣ жизнь вѣчную; но меня страшатъ теперь слова Евангелія: „аще не снѣсте плоти Сына человѣческаго, ни піете крове Его, живота не имате въ себѣ“ (Іоан. зач. 23). Хотя нѣкоторые изъ нашихъ наставниковъ и увѣряютъ насъ, что эти слова Христовы будто-бы на нынѣшнее время не лежатъ, но Самъ Господь о своихъ евангельскихъ словесахъ сказалъ: „небо и земля мимо идетъ, а словеса Моя не мимо идутъ“ (Мѳ. зач. 101). Небо и земля мимо не прошли, а если-бы и прошли, то и тогда словеса Евангелія не мимо идутъ. И по сему, Господне прещеніе: „аще не снѣсте плоти Сына человѣческаго, ни піете крове Его, живота не имате въ себѣ“, остается въ полной своей силѣ, какъ прежде, такъ и нынѣ. Вотъ эти слова Христовы и приводятъ меня въ трепетъ. Наши наставники, въ успокоеніе совѣсти, говорятъ, и я прежде такъ говорилъ, что недостатокъ причастія св. таинъ можно пополнить желаніемъ причастія, и что, имѣя желаніе причаститься св. таинъ, можно имѣть несумнѣнную надежду на спасеніе; а теперь я понялъ, что это мнѣніе не согласно съ Христовымъ изреченіемъ. Спаситель не сказалъ: кто не желаетъ причаститься Моего тѣла и Моей крови, не имѣетъ живота въ себѣ: но сказалъ: „аще не снѣсте плоти Сына человѣческаго, ни піете кров

требуетъ, чтобы ему не противорѣчить, но во всемъ исполнять его потому и въ исповѣди недостаточно ко спасенію, чтобы только не восхищать не даннаго, но необходимо отъ Христа данною властію получить разрѣшеніе грѣховъ, безъ котораго спасеніе не надежно» [1]). Такимъ образомъ, изъ евангельскаго понятія о Церкви выходило: что она не можетъ скрываться и что каждый членъ ея долженъ дѣятельно участвовать въ ея благодатныхъ средствахъ, иначе спасеніе его становилось сумнительнымъ.

Въ такомъ критическомъ положеніи для Павла не оставалось другого выхода, какъ только направить всѣ силы къ тому, чтобы отыскать скрывающуюся церковь и присоединить къ ней свое общество. Съ этой цѣлью Павелъ сталъ совѣтоваться съ братіей прусскаго монастыря о томъ, чтобы послать наиболѣе расторопныхъ и заслуживающихъ довѣрія иноковъ въ Палестину, Египетъ, въ Индію, на Малабарскіе острова узнать, нѣтъ-ли гдѣ тамъ древле-православной Церкви. Собирались различныя печатныя извѣстія о состояніи тамошняго христіанства [2]). Впрочемъ, вскорѣ же они должны были, отказаться отъ надежды на отдаленный востокъ: жившіе тамъ христіане оказались несторіанами. Тогда взоры Павла обратились на православный востокъ съ цѣлью отыскать согласнаго имъ архіерея. Однако, въ этомъ случаѣ, прекрасный поучительный примѣръ представляла для него извѣсная несчастная попытка Павла Бѣлокриницкаго. Чтобы не пожать такихъ-же плачевныхъ результатовъ, намѣревавшіеся отправиться въ новые поиски должны были дѣйствовать крайне осторожно и осмотрительно, чтобы самимъ не оказаться въ положеніи тѣхъ, кого съ такимъ жаромъ обличали. Мудрый руководитель дѣла—Павелъ оказался на высотѣ призванія и если не достигъ, какъ увидимъ, цѣли, то потому только, что оказался гораздо дальновиднѣе своего соименника Павла Бѣлокриницкаго. Такъ какъ Павелъ считалъ основаніемъ своего отдѣленія отъ великороссійской церкви пореченія на старые обряды, произнесенныя Московскимъ

Его, живота не имате въ себѣ“. По сему слову Спасителя, для полученія живота вѣчнаго, не только нужно имѣть желаніе, но и дѣйствительно вкушать тѣло Его и пить кровь Его“. (Братск. слово 84, ч. I, стр. 9—10. Іеромон. Прокопія воспоминаніе о переходѣ о. Павла изъ раскола въ православіе).

[1]) Собран. сочин. архим. Павла, ч. II, стр. 107.

[2]) Истина 1871 г. кн. 2-я.

соборомъ 1667 года, то и епископа для своего общества намѣревался пригласить изъ той церкви, которая не участвовала въ этихъ клятвахъ Московскаго собора. То обстоятельство, что церковь, откуда они заимствовались-бы епископомъ, содержала-бы иные обряды, для Павла и его братіи не представлялось уже чѣмъ либо важнымъ, на что нужно было-бы обращать вниманіе, а тѣмъ болѣе ставить границей раздѣленія: понятіе с догматѣ и обрядѣ въ это время, благодаря стараніямъ Павла, у нихъ имѣлось самое правильное. Принять епископа думали безъ всякаго чинопріема, взявъ съ него только обѣщаніе—служить по старопечатнымъ книгамъ и не раздѣлять укоризнъ (существовавшихъ будто-бы въ православной Церкви) на эти книги и на старые обряды [1]). Однако это искусное и грандіозное зданіе оказалось построеннымъ на пескѣ. Невозможность этого дѣла заключалась въ томъ, что Павелъ хотѣлъ не заимствоваться только епископомъ, но создать новую церковь, совершенно отдѣльную отъ существующей, которая съ тѣхъ поръ должна была считаться еретическою, въ которой благодать Св. Духа до перехода ея вмѣстѣ съ епископомъ въ церковь безпоповцевъ находилась только по долготерпѣнію. «Хотя тутъ и будетъ непрерывное преемство хиротоніи, думалъ Павелъ, но церковь съ такой іерархіей будетъ-ли согласна обѣтованію Христову о неодолѣнности Церкви вратами ада? Не будетъ-ли это обѣтованіе относиться только къ той церкви, отъ которой наша іерархія будетъ взята? Тамъ соборъ епископовъ; а у насъ что-то одноличное! Тамъ неизсякаемое съ благодатью священство; а у насъ что-то нововозставленное»! Нелѣпость этой затѣи Павелъ скоро созналъ и потому не рѣшался осуществлять ее. Окончательно-же отказался отъ своего намѣренія тогда, когда нашелъ, что если-бы и случился такой переходъ епископа, то все-таки не были-бы соблюдены каноническія правила [2]). «И такое тогда было

---

[1]) Мысль казалась на столько основательной и такъ привлекательной, что ее съ охотой раздѣляли не только безпоповцы, но даже и Иларіонъ Георгіевичъ, добивавшійся съ своимъ Окружнымъ посланіемъ, какъ извѣстно, совершенно другой цѣли. Собран. сочин. архим. Павла, ч. III, стр. 478.

[2]) Братск. слово, 93 г. I. стр. 266 и слѣд. „Изъ воспоминаній о. Павла". „Желаніе возстановить іерархію". Здѣсь сообщаются чрезвычайно интересныя свѣдѣнія и при томъ самыя подробныя, представляющія намъ все движеніе мысли о. Павла при рѣшеніи этого вопроса,—вопроса духовной жизни и смерти.

тяжелое время для сердца», говоритъ о. Павелъ, что и теперь еще, когда вспомнимъ о немъ, страхъ объемлетъ душу. Подумайте сами, сознавать, что мы безъ Церкви, безъ таинствъ, и сознавать, что безъ нихъ спастись не возможно! А гдѣ Церковь?—Не знаемъ. Гдѣ обрѣсти св. таинства?—Недоумѣваемъ. Въ этомъ нашемъ положеніи мы похожи были на дитя, въ большомъ лѣсу потерявшее матерь,—глядитъ оно на всѣ стороны, а ничего не видитъ, хочетъ бѣжать туда и сюда,—а само не знаетъ, куда ему бѣжать»![1]). «Тогда надо мною нѣкоторые и подсмѣивались, говоря: гдѣ твоя скрытая церковь? Почему тебя не спасаетъ теперь? Одно было тогда охраненіе: боялись мы тогда отчаяться, уповали на милость Божію, что Господь желающихъ быть чадами его Церкви, по милости своей, не оставитъ, но приведетъ на путь истинный»[2]).

Вышеуказанныя неудачи привели Павла къ тому сознанію, что «не человѣкомъ создана Церковь, но Богомъ, и человѣкъ ни разорить, ни возстановить ее не можетъ», и слѣдовательно, «необходимо искать существующую церковь и къ ней присоединиться на свое спасеніе, а не новую установлять»[3]). Здѣсь заключался толчокъ къ болѣе безпристрастному разсмотрѣнію о Великороссійской Церкви. «И приступилъ я, говоритъ о. Павелъ, снова къ тщательному изслѣдованію не токмо о догматахъ вѣры, но и о самыхъ обрядахъ»[4]). Для лучшаго изслѣдованія спорныхъ вопросовъ онъ отправляется въ Москву (это было въ началѣ 1866 года) и здѣсь разсматривалъ древности и входилъ въ бесѣды съ различными лицами. Самымъ главнымъ вопросомъ, «съ рѣшеніемъ котораго должна была рѣшиться моя судьба», говоритъ впослѣдствіи о. Павелъ, «вѣкъ ли мнѣ быть старообрядцемъ, или сдѣлаться сыномъ православной Церкви,—былъ вопросъ о клятвахъ собора 1667 года. «Если онѣ положены только за непокорность Церкви въ совершеніи внѣшнихъ обрядовыхъ дѣй-

---

[1]) Собран. сочин. архим Павла, ч. II, стр. 109.

[2]) Тамъ-же, ч. II, стр. 107—108.

[3]) Братск. слово, 93 г, I, стр. 270. „Изъ моихъ воспоминаній“ арх. Павла. Впрочемъ, убѣжденіе это было лишь личнымъ убѣжденіемъ Павла; братія оставалась еще, какъ увидимъ послѣ, въ надеждѣ отыскать себѣ епископа.

[4]) „Не могу, говоритъ впослѣдствіи о. Павелъ, оправдывать свою медленность; но не разсмотрѣвши всѣхъ, раздѣляющихъ старообрядцевъ отъ церкви предметовъ, никакъ того думать не рѣшался“ (Братск. слово, 83 г. I, 398 Священника Дарендова повѣствованіе о своей жизни). „Умру“, говорилъ тогда Павелъ, „а безъ разсмотрѣнія въ греко-россійскую церковь не пойду“. (Тамъ-же, стр. 401).

ствій: это еще не важно, это одна излишняя ревность, а церковь все таки православна, благодати Св. Духа за сіе не лишилась, и удаляться отъ нея по сему не должно. Но не положены-ли клятвы, какъ утверждаютъ старообрядцы, на самый разумъ спорныхъ обрядовыхъ предметовъ, на тотъ смыслъ, который въ нихъ заключается? Напримѣръ, за то-ли положена клятва, что въ восьмомъ членѣ Символа вѣры приложено слово «истиннаго» (я зналъ уже, что это прилогъ), или за самую мысль, въ семъ словѣ заключенную? За то-ли, что двуперстіе принято въ употребленіе вмѣсто троеперстія, или за выраженное двуперстіемъ православное ученіе? и т. д.» [1]). Прежде, чѣмъ начать окончательное изслѣдованіе этого вопроса жизни и смерти, Павелъ порѣшилъ предварительно отправиться въ Тройце-Сергіеву Лавру, здѣсь съ усердіемъ помолился Сергію Чудотворцу, попросилъ его помощи и затѣмъ уже вступилъ въ разсмотрѣніе вопроса о клятвахъ.

«Вотъ къ какимъ заключеніямъ пришелъ я тогда», говоритъ о. Павелъ. «Если-бы соборъ 1667 года положилъ клятву на самую мысль въ словѣ «истиннаго», то самъ онъ не назвалъ-бы (и Церковь россійская не назвала-бы) Духа Святаго единосущнымъ Отцу и Сыну, если-бы проклиналъ самое образованіе двумя перстами двухъ естествъ во Христѣ, то и вообще-бы не допускалъ такого образованія и т. д. При томъ-же клятвы собора были изречены уже послѣ отдѣленія старообрядцевъ отъ церкви и за это отдѣленіе, а не отдѣленіе послѣдовало за клятвами и по причинѣ клятвъ» [2]). «Наконецъ, еще разъ и не поверхностно, какъ обычай старообрядцамъ, прочелъ я изложеніе собора 1667 года и нашелъ, что клятвы собора положены не на тѣхъ, которые осмиконечнымъ крестомъ печатаютъ просфоры, а на тѣхъ, которые точію осмиконечный крестъ употребляютъ, четвероконечный-же отвергаютъ съ похуленіемъ: и не на тѣхъ, которые въ молитвѣ Іисусовой говорятъ, Сыне Божій, а на тѣхъ, которые укоряютъ говорящихъ: Боже нашъ, и за сіе отъ Церкви отдѣляются и проч.» [3]).

Такъ кончился кризисъ великой борьбы Павла. Съ этого момента онъ принадлежалъ безраздѣльно православной Церкви.

---

[1]) Собран. сочин. архим. Павла, ч. I, стр. 511.

[2]) Тамъ-же. ч. I, стр. 512.

[3]) Тамъ-же, ч. I, стр. 513.

VIII.

Отъѣздъ изъ прусскаго монастыря и присоединеніе о. Павла къ православной Церкви.

Рѣшивъ для себя вопросъ объ истинной Церкви безповоротно, Павелъ однако не считалъ удобнымъ говорить открыто о своемъ намѣреніи стать православнымъ. Онъ желалъ найденную имъ истину сообщить и братіи своей, съ которой сроднился въ продолженіи столькихъ лѣтъ совмѣстной жизни и которую такъ полюбилъ всей своей искренней душой. Однако братія его была такъ слаба духовно, что найденное Павломъ цѣлительное средство отъ недуга раскола нужно было примѣнить съ особенною осторожностію, чтобы этотъ цѣлительный бальзамъ не произвелъ дѣйствія ослѣпительнаго солнечнаго луча на больные глаза. Прибывъ изъ Москвы въ Петербургъ, онъ постарался избѣжать обыкновенно съ его пріѣздомъ устраивавшихся здѣсь собесѣдованій. И только въ уединенной бесѣдѣ съ инокомъ Прокопіемъ, бывшимъ когда-то ученикомъ, а въ то время состоявшимъ наставникомъ безпоповцевъ въ Петербургѣ, высказалъ и доказалъ главныя положенія своего новаго убѣжденія, именно о непреложности обѣтованій Спасителя, а отсюда о вѣчности и неодолѣнности Церкви, о необходимости причащенія Тѣла и Крови Христовыхъ; затѣмъ, принявъ на себя роль защитника Церкви Великороссійской въ цѣляхъ якобы испытанія силы Прокопія на случай, если ему придется бороться съ никоніанами, доказалъ ему и справедливость троеперстія, и имени Іисусъ, тройственной аллилуіи, пятипросфорія, необходимость почитанія креста четвероконечнаго, обличилъ далѣе и несостоятельность безпоповскаго ученія, такъ что въ концѣ бесѣды Прокопій отъ стыда долженъ былъ спрятаться за ширмы [1]). Истиннаго настроенія Павла, впрочемъ, никто еще не подмѣчалъ и всѣ были увѣрены въ его твердой преданности безпоповству.

Пріѣздъ его въ Пруссію чрезвычайно обрадовалъ братію. Полились нескончаемые разговоры о томъ, что онъ видѣлъ, слышалъ, какія велъ бесѣды и т. д. «Братство не подозрѣвало въ немъ ни-

---

[1]) „Братское слово“ 84 г. I, стр. 5 и дал. „Вспоминаніе инока Прокопія о переходѣ о. Павла изъ раскола въ православіе“. О. Прокопій впослѣдствіи также перешелъ въ православіе.

чего сокровеннаго». Но Павелъ таился до поры. Спустя три недѣли призвалъ онъ къ себѣ трехъ наиболѣе выдающихся и преданныхъ ему иноковъ и здѣсь, принявъ на себя роль «церковнаго послѣдователя», разъяснилъ имъ справедливость клятвъ Московскаго собора. Въ раздѣлявшихъ ихъ съ православною Церковію обрядахъ, собесѣдники имѣли надлежащее понятіе и о нихъ, слѣдовательно, разсуждать было излишне. Эта бесѣда была предложена Павломъ какъ будто для того, чтобы собесѣдники постарались поискать правильныхъ доводовъ на опроверженіе аки бы этой лжи. «Простодушные иноки мудро принялись за дѣло». Къ остальной братіи Павелъ приступилъ не такъ смѣло. Здѣсь рѣчь была начата издалека.

«Братіе, вопросилъ однажды Павелъ въ трапезной, скажите мнѣ, о чемъ мы молимся ежедневно послѣ утрени, часовъ и послѣ молебна?

— Нѣкоторые изъ старшихъ отвѣчали: молимся о Церкви, чтобы Богъ умилосердился помиловать насъ, и далъ бы намъ священство.

Изъ дальнѣйшаго хода бесѣды выяснено было, что въ предстоящей для отысканія архіерея поѣздкѣ, критеріемъ, коимъ должно было опредѣлиться его православіе, должно служить св. Писаніе, потому что только Писаніемъ «можно провѣрить, чѣмъ отпадаетъ архіерей и обнажается благодати Божіей и чѣмъ не отпадаетъ; Писаніемъ только можно цѣнить, что ересь и что грѣхъ.

— Еще спрошу васъ, продолжалъ Павелъ, не смѣшиваете ли вы обрядъ и догматъ за одно?

— Нѣкоторые вопросили: какъ это можно смѣшать догматъ и обрядъ за одно?

— Очень просто: есть нынѣ люди, кои обрядъ поставляютъ за великій догматъ, а догматъ ни за что: и за обрядъ сильно истязуютъ, а о догматѣ и вспомину нѣтъ. Вотъ потому я и спрашиваю: нѣтъ ли въ средѣ нашей такъ понимающихъ?

— Нѣтъ, мы такъ не понимаемъ, отвѣтили братія: обрядъ ничего не значитъ; обряды разные въ разныхъ сторонахъ—лишь бы Богословія и таинства были не повреждены, тогда мы о прочемъ не будемъ въ сомнѣніи.

— Я для примѣра сказалъ, что если вы всѣ уѣдете искать священство и тамъ увидите много бритыхъ, а закона церковнаго

нѣтъ бриться всѣмъ и всѣ догматы православны: то займетесь ли вы священствомъ изъ той страны?

— Грамотные отвѣтили: это не помѣшаетъ намъ заняться священствомъ.

— Ну, еще вопрошу васъ, братіе, безъ лукавства, если догматы всѣ будутъ православны, а будутъ въ той странѣ молиться триперстно, и исповѣдывать ими (перстами) Св. Троицу не раздѣлимую православно, и больше ничего: годится ли отъ тѣхъ заняться священствомъ?

— Всѣ молчали.

— Что же, братія, молчите? вѣдь раньше то дѣло вышло, что мы только о томъ и молимся, чтобы намъ Богъ открылъ въ нашемъ разсужденіи узнать, чрезъ что лишается благодати архіерей, и чрезъ что еще не лишается, но долготерпитъ благодать Божія.

— Грамотные отвѣчали: на это мы скоро не отвѣтимъ, надо поцѣнить отъ Писанія. А безграмотные сказали: цѣнить объ этомъ нельзя, а то, пожалуй, оправдаешь никоніанское триперстіе.

— То стало быть нужно перестать и молиться о священствѣ, если не надо разсуждать о немъ, сказалъ Павелъ.

— Одинъ изъ гостей, замѣтивъ затруднительность положенія, просилъ оставить ихъ въ покоѣ на этотъ разъ, пока, обдумавъ, на что нибудь рѣшатся [1]).

Между тѣмъ иноки, съ которыми велась бесѣда особо, по разсмотрѣніи задуманнаго имъ Павломъ вопроса, вполнѣ признали безусловную вѣрность рѣшенія его Павломъ и одинъ изъ нихъ, обходя по своей должности келіи братіи, «началъ представлять всякому натягательства и неправоту винъ, приводимыхъ въ причину отдѣленія старообрядческаго отъ церкви». «Соблазнилось братство» и стало просить Павла, чтобы онъ запретилъ такую проповѣдь. Но Павелъ сказалъ: «постарайтесь доказать ему неправоту его опроверженій и онъ тогда самъ уймется». Братія отвѣчали: «мы не въ состояніи обличить неправоту его, но просимъ тебя, или обличить, или запретить ему говорить, а то всѣхъ растревожилъ, и нехотя оправдывается великороссійская церковь». Павелъ сказалъ: «я тоже не въ состояніи обличить его, а слѣдовательно и воспретить

---

[1]) Отрывокъ изъ исторіи Прусскаго безпоповскаго монастыря л. 19—22. Истина.

не могу». Слѣдствіемъ такихъ обостренныхъ отношеній было раздѣленіе прусской братіи на двѣ партіи: меньшая, наиболѣе образованная и начитанная послѣдовала за Павломъ, большая—невѣжественная и фанатичная осталась вѣрна прежнему воззрѣнію. Видя страшное неудовольствіе, Павелъ счелъ за лучшее оставить свое настоятельство. Въ одинъ день послѣ богослуженія, взявъ подручникъ, онъ положилъ въ присутствіи братіи земное начало, со слезами поцѣловалъ св. Евангеліе и св. храмовыя иконы и потомъ слезно распрощался съ братіею и взявъ св. Евангеліе, сказалъ: лучше съ братіей разстанусь, нежели съ завѣтомъ Господа моего; и еще взялъ икону родительскаго благословенія и намѣревался выходить. Приверженные къ нему изъ братства со слезами вопрошали: куда ты, отче, отъ насъ уходишь? кому насъ оставляешь? Павелъ отвѣчалъ: истина соединитъ насъ опять, а нынѣ лучше мнѣ одному идти отсюда, нежели многимъ мною тяготиться. Приверженные, идя вслѣдъ за нимъ, вопили: мы съ тобою не разстанемся! или ты одинъ хочешь угоденъ Богу быть? и мы за тобою! Павелъ, обратясь съ грозно-торжественною улыбкою, сказалъ: «не за мною, но за Евангеліемъ идите. Господь сказалъ, что всякаго, грядущаго къ Нему, не изженетъ вонъ».

Павелъ поселился внѣ стѣнъ монастыря, въ одинокой кельѣ, стоявшей на берегу озера. Нѣсколько человѣкъ преданной ему братіи пребывали съ нимъ здѣсь-же, употребляя большую часть времени на уясненіе Св. Писанія. Приходили сюда на собесѣдованіе многіе и изъ монастыря и нѣкоторые изъ этихъ вполнѣ согласились съ Павломъ и сдѣлались его приверженцами. Замѣтивъ, что оставшаяся въ монастырѣ братія опасается какого либо насилія съ его стороны и вообще непріятностей, Павелъ счелъ за лучшее совсѣмъ оставить Прусскій монастырь. Созвавъ всю братію, онъ произнесъ трогательную, задушевную рѣчь. «Братія моя», со слезами говорилъ Павелъ, вы знаете нестяжаніе и характеръ мой: мнѣ ничего не нужно, все для вашего упокоенія старался. Дивлюсь и жалѣю васъ нынѣ: вы вообразили себѣ меня хищнымъ и мстительнымъ. Какой поводъ нашли вы думать такъ обо мнѣ—не знаю. У меня и въ помышленіи не было васъ обидѣть.... Владѣйте всѣмъ своимъ и нашимъ, что даровалъ вамъ Богъ и удобрилъ нашимъ стараніемъ. Не тревожьтесь, но успокойте свою совѣсть и питайте насъ до лѣта, пока Богъ намъ дастъ мѣсто». Потомъ, обратясь къ своимъ, ска-

залъ: а васъ, братіе, прошу, какъ сильныхъ внутреннимъ убѣжденіемъ въ истинѣ, не нападать на нихъ и не мучить ихъ, но оставить ихъ совѣсть на ихъ произволеніе; кто придетъ къ вамъ, въ вашу келью и спроситъ, тому сообщите.»[1]) Высказавъ, затѣмъ, свое намѣреніе совершенно покинуть монастырь и присоединиться къ православной Церкви, Павелъ посовѣтовалъ братіи выбрать изъ своей среды довѣренныхъ людей, на которыхъ онъ могъ-бы окончательно и формально переписать все монастырское имущество. Довѣренные были выбраны, монастырское имущество переписано и въ половинныхъ числахъ января 1867 года Павелъ распрощался со всѣми въ послѣдній разъ. «Горестно всѣмъ было разставаться съ нимъ», пишетъ очевидецъ этого событія, «но онъ, повидимому, радовался,—какое то высокое чувство обнимало его. Онъ совѣтовалъ всѣмъ послѣдовать его примѣру. Проводилъ Павла почти весь приходъ войновскій, съ сожалѣніемъ и скорбію воспоминая добродѣтельныя назиданія его»[2]).

Изъ Пруссіи путь Павла лежалъ прямо въ Москву. На пути онъ заѣхалъ въ Кіевъ «обозрѣть древности первохристіанскаго града въ Россіи и удовольствоваться поклоненіемъ св. мощамъ. Рѣшилъ также заѣхать въ Литву и Малороссію, чтобы здѣсь посѣять сѣмена мудрованія о присоединеніи къ св. Церкви». Здѣсь, сообщая свои понятія о Церкви православной, Павелъ «просилъ поддержки, яко бы отъ заблужденія, но поддерживая его, сами поразшатались тамошніе настоятели въ своихъ убѣжденіяхъ и оказалось съ нимъ много единомысленныхъ». Въ Кіевъ Павелъ прибылъ на сырной недѣлѣ 20 февраля. Здѣсь со вниманіемъ осматривалъ онъ интересовавшія его древности и съ благоговѣніемъ поклонялся святымъ мощамъ[3]). По прибытіи въ Москву, Павелъ былъ представленъ почив-

---

[1]) Отрывокъ изъ исторіи Прусск. безпоп. монастыря, л, 24 об. и 25.

[2]) Тамъ-же, л. 23—25.

[3]) Интересный разсказъ о поклоненіи мощамъ Спиридона Просфорника передаетъ въ своемъ дневникѣ инокъ Іоаннъ, ученикъ о. Павла, выѣхавшій съ нимъ изъ Пруссіи и сопровождавшій его въ Россію. „Просили мы надглядчика“, пишетъ о. Іоаннъ, „показать св. мощи, у коихъ сложены ручки триперстно. Онъ намъ отказывалъ: однако послѣ убѣдился, подвелъ насъ къ св. мощамъ Спиридона просфорника, поклонившись, снялъ покровъ со святыхъ мощей, ручки были въ рукавичкахъ и завязаны. Онъ отвязалъ завязку, и снялъ рукавичку, и еще была тамъ

шему нынѣ митрополиту Филарету, какъ ищущій соединенія съ церковію. Святитель благословилъ мѣстожительство ему въ Никольскомъ единовѣрческомъ монастырѣ въ Москвѣ, гдѣ Павелъ и поселился. Сюда въ скоромъ времени прибыли и многіе изъ бывшихъ учениковъ Павла, какъ въ Пруссіи, такъ и въ другихъ мѣстахъ, занимавшіе должности наставниковъ въ разныхъ общинахъ безпоповцевъ. Воспитанные Павломъ, до глубины души преданные ему, расположенные его бесѣдами къ правильнымъ воззрѣніямъ на Великороссійскую церковь, они ожидали перваго повода къ тому, чтобы присоединиться къ православію. Узнавъ твердое намѣреніе своего учителя оставить безпоповство, многіе изъ нихъ упредили его присоединеніемъ къ православной Церкви, таковы извѣстный о. К. Голубевъ, о. В. Дарендовъ и другіе. Многіе, однако, не успѣвшіе свести съ безпоповствомъ послѣдніе счеты, прибыли къ Павлу немного позднѣе. Ко дню присоединенія о. Павла такихъ учениковъ оказалось 15 человѣкъ. 25 февраля 1868 года (въ недѣлю православія[1]) въ Никольскомъ монастырѣ преосвященнымъ Леонидомъ былъ совершенъ надъ всѣми ими вмѣстѣ съ Павломъ чинъ присоединенія къ православной Церкви.

Событіе это, какъ и слѣдовало ожидать, потрясло весь безпоповскій міръ. На о. Павла здѣсь смотрѣли, какъ на великаго и богоугоднаго человѣка и всякое слово его цѣнили очень дорого. Впечатлѣніе было тѣмъ сильнѣе, чѣмъ неожиданнѣе оно случилось. Никто не допускалъ той мысли, чтобы Павелъ могъ поколебаться въ своихъ убѣжденіяхъ[2]). Часто провожая изъ монастыря о. Павла,

---

другая рукавичка, тоненькая: снялъ онъ и тогда явилась ручка нага, весьма изсохшая, персты соединены великій со указательнымъ и великосреднимъ вкупѣ: онъ намъ сказалъ: смотрите, что перстъ великій не со двѣма малыми, но съ великимъ соединенъ, и переложить нельзя, развѣ преломить". Мы сказали, видимъ. Монахъ надѣлъ рукавичку и завязалъ, и цѣловалъ, и мы цѣловали. (Отрывокъ изъ исторіи прусск. безпоповск. монастыря, 31 стр.)

[1]) Чрезвычайно занимательнымъ представляется тотъ фактъ, что день присоединенія о. Павла къ православной Церкви—недѣля православія,—былъ раньше въ Павловой обители днемъ, спеціально посвященнымъ на усердное моленіе о полученіи благословеннаго священства и о явленіи св. Церкви.

[2]) Отрывокъ изъ исторіи Прусск. безпоп. монастыря л. 12.

выѣзжавшаго для назиданія безпоповской паствы, братія нисколько не опасалась, чтобы съ игуменомъ ихъ могъ случиться какой нибудь переворотъ въ предметахъ убѣжденія, потому что онъ выѣзжалъ изъ монастыря съ значительнымъ запасомъ новоизобрѣтенныхъ доказательствъ отъ богодухновеннаго Писанія и вездѣ слылъ побѣдителемъ, принося славу обители [1]). Въ особенности торжествовала братія, узнавъ, что онъ изобрѣлъ самую необоримую вину въ защиту старообрядческаго отъ церкви отдѣленія—клятвы московскаго собора, возложенныя на древніе обряды [2]). Такимъ образомъ, въ безпоповствѣ, повидимому, все было тихо и ясно и Павелъ былъ свѣтлымъ лучомъ, оживлявшимъ весь безпоповскій міръ. Вдругъ послышались первые предвѣстники надвигавшейся грозы: стало слышно, что «Павелъ похваляетъ греко-россійскую церковь». Извѣстіе это подобно раскату грома быстро передалось во всѣ концы безпоповства и крайне встревожило его. Одинъ изъ Петербургскихъ купцовъ сна и пищи лишился. И если случалось заснуть днемъ, или ночью, вскакивалъ вдругъ и начиналъ кричать: «кого мы, кого мы лишились!» [3]). «Удивленія достойно», говорилъ другой, «что слышится объ отцѣ Павлѣ! Если бы во снѣ приснилось и тогда испугался бы, а то на самомъ дѣлѣ исполняется. Пускай-бы кто любилъ роскошно жить и сладкую пищу ѣсть и хорошо наряжаться, это было бы не диво. Но развѣ о. Павелъ такой человѣкъ [4])? Въ Литвѣ, куда заѣхалъ о. Павелъ на пути уже въ Москву, «до того были взволнованы его внезапнымъ измѣненіемъ» приверженцы его, что плакали и убѣждали его не такъ круто поворачивать» [5]). Еще болѣе должно было удручить безпоповцевъ то обстоятельство, что не одинъ Павелъ покидалъ его, но вмѣстѣ съ нимъ уходили отсюда и ученики его – наставники безпоповскихъ общинъ. Какъ извѣстно, все это были люди, обладавшіе выдающимся природнымъ умомъ и способностями. Воспитанные знаменитымъ учителемъ, хорошо изучившіе религіозныя доктрины раскола, его апологію и полемику, люди эти были весьма надежными столпами раскола. Примѣръ учи-

---

1) Тамъ-же, л. 11 об.

2) Тамъ-же, л. 13 об.

3) Братск. слово, 84 г. I, стр. 8. Іеромон. Прокопія воспоминаніе.

4) Тамъ-же стр. 9.

5) Отрывокъ, л. 27 об.

теля увлекъ ихъ за собой. Безпоповство видимо обезсиливало[1]). Это сознавали не только въ Петербургѣ различные магнаты—попечители раскола, но и всѣ слои безпоповства. Около Климоуцъ, въ глухой деревушкѣ, о. Павелъ, уже послѣ своего обращенія, встрѣтилъ, однажды, горько плакавшую старушку. На вопросъ о. Павла о слезахъ, она отвѣчала: «мы, батюшка, надивиться не можемъ, что это сдѣлалось такое, столько отъ насъ переходитъ въ церкву хорошихъ людей... такъ сомнѣваемся, такъ смутился весь народъ, что не знаемъ, что и подѣлать, гдѣ и голову подклонить съ надеждой спастися[2]).

Но если на сторонѣ раскола раздавались стенанія и вопли, на сторонѣ православной Церкви истинные сыны ея, ревнители ея славы, пріемля присоединеніе Павла, какъ знакъ особой божественной благодати, не скрывали своей радости. Что представлялъ собой присоединявшійся инокъ Павелъ, это, безъ сомнѣнія, было извѣстно всѣмъ, кто ратовалъ противъ раскола. Событіе это отмѣчено крупнымъ шрифтомъ въ нашей церковной лѣтописи и по поводу его говорили очень много. Казалось, что если безпоповство въ лицѣ такого искренняго послѣдователя и защитника своего все-таки не могло устоять предъ свѣтомъ истины православной Церкви, то остальное безпоповство уже и не имѣетъ права долѣе оставаться въ своемъ заблужденіи. Циркулировали слухи о предстоящемъ всенародномъ состязаніи въ вѣрѣ, гдѣ расколъ будетъ обличенъ, послѣ чего существованіе его будетъ уже не мыслимымъ и т. д. Въ журналѣ Истина находимъ такую замѣтку.

«Ну, батюшка», говоритъ своему наставнику старообрядецъ, «готовься къ отвѣту—отстоять наше христіанское согласіе, слышно, что будутъ печатать намъ запросы».

— «Да отвѣтъ у насъ готовъ», отвѣчалъ наставникъ: «вѣра гонима Богу любима».

— «Такъ-то такъ, да, вишь, говорятъ, что всякую несправедливую секту прежде обличатъ и оставятъ безотвѣтну, а потомъ

---

[1]) Примѣръ о. Павла такъ повліялъ въ особенности на западный безпоповскій міръ, что русскіе поселенцы въ Пруссіи „артелями, одна за другой, начали присоединяться къ Церкви; въ Литвѣ начали основываться цѣлые единовѣрческіе приходы, Братск. слово, 90 г. т. II, стр. 657—658. Письмо къ редактору архиман. Павла.

[2]) Собран. сочин. архим. Павла, ч. II. стр. 415.

уже и суди міръ; вѣдь много есть толковъ вредныхъ, душегубныхъ, вотъ, къ примѣру, скакуны, молокане, странники и другіе».

— Христосъ не мучилъ никово».

— «Да насъ-то не будутъ мучить, а только докажутъ, что ошибаемся, тогда что будетъ?

— «Какъ ошибаемся? столько время прошло и не обличили нашу вѣру, а теперь какіе-нибудь два мутосвѣта (о. Павелъ и о. Константинъ Голубевъ, издатель «Истины» во Псковѣ), нашли истину: какъ бы не такъ! А отчево они до сихъ поръ не видѣли церкви?»

— «Это не отвѣтъ: и Павелъ апостолъ прежде гналъ и разрушалъ церковь Божію, пока не уразумѣлъ» [1]).

Изъ приведеннаго отрывка можно отчасти видѣть, какимъ сенсаціоннымъ событіемъ было присоединеніе о. Павла. Впрочемъ, слухи, какъ и всегда, оказались преувеличенными. Ни запросовъ, ни состязаній и обличеній, послѣ которыхъ «міръ» съ очевидностію могъ бы разсудить о справедливости той и другой стороны,—не было. Невѣжество и закоснѣлость раскольниковъ представляютъ собой не столь тонкіе покровы, чтобы ихъ можно было уничтожить только обнаженіемъ, хотя бы и до очевидности убѣдительнымъ. Слухи, говоримъ, были не вѣрны, однако событіе было дѣйствительно чрезвычайнымъ и давало поводъ ко всякаго рода предположеніямъ и ожиданіямъ. Повторяемъ, въ лицѣ Павла расколъ ясно объявилъ свою несостоятельность и потому естественно было ожидать окончательнаго съ его стороны сознанія въ своей несправедливости и потомъ исчезновенія съ лица земли. Гласъ народа, впрочемъ, имѣлъ свою долю правды и если не имѣлось здѣсь яснаго представленія, то, такъ сказать, чувствовалось инстинктомъ, что расколу угрожаетъ нѣчто сильное. И дѣйствительно вскорѣ послѣ своего присоединенія о. Павелъ призвалъ расколъ къ отвѣту, «отстоять свое христіанское согласіе».

Со времени присоединенія для о. Павла начинается второй періодъ его жизни. Плаваніе по бурному морю сомнѣній окончилось. Онъ обрѣлъ тихое и спасительное пристанище. Вся дѣятельность его теперь направляется исключительно къ созиданію Церкви Христовой путемъ привлеченія заблудшихъ сыновъ ея, своихъ бывшихъ собратьевъ по вѣрѣ—старообрядцевъ-раскольниковъ. Для него начи-

---

[1]) Истина 1868 г. кн. 5, въ отдѣлѣ: „Всячина“ л. 61 об. и 62.

нается новая жизнь, которую можно назвать въ полномъ смыслѣ слова противораскольничьею дѣятельностію: всѣ 27 лѣтъ жизни его въ православной Церкви прошли въ непрерывной борьбѣ съ расколомъ. Онъ совершилъ очень много миссіонерскихъ путешествій, велъ собесѣдованія съ раскольниками въ Москвѣ, въ особенности въ своемъ монастырѣ и въ своей кельѣ и писалъ противораскольническія сочиненія.

IX.

Краткая характеристика нашей противораскольничьей полемики въ предшествовавшее обращенію о. Павла время.

Чтобы представить противораскольничью дѣятельность о. Павла въ надлежащемъ свѣтѣ, необходимо познакомиться съ положеніемъ нашей борьбы противъ раскола въ особенности предъ тѣмъ временемъ, когда о. Павелъ становится дѣятельнымъ ея членомъ.

Съ появленіемъ первыхъ признаковъ опаснаго раздѣленія, (время послѣ собора 1666 года), церковь русская постаралась тотчасъ же принять соотвѣтствующія предохранительныя мѣры и «Жезлъ правленія» (явившійся въ томъ-же 1666 году) представляетъ первый по времени опытъ, направленный къ разъясненію раскольническихъ лжемудрствованій. Столь внимательное отношеніе къ начавшейся болѣзни обѣщало, повидимому, чрезвычайную заботливость въ отношеніи искорененія зародившагося недуга и на будущее время. На дѣлѣ вышло иначе и вплоть до шестидесятыхъ годовъ настоящаго столѣтія, т. е. въ продолженіи цѣлыхъ 200 лѣтъ, сочиненій, направленныхъ на обличеніе раскольническаго вѣроученія, появилось весьма незначительное количество [1]). Знакомство съ этими сочиненіями легко убѣждаетъ въ совершенной недостаточности нашего противораскольническаго оружія: и по количеству изслѣдованій оно оставляло желать бо́льшаго, но что главное, и качество его не рѣдко было довольно сомнительно. За исключеніемъ сочиненій святителей московскихъ Платона и Филарета и «Отвѣтовъ» преосв. Никифора, всѣ остальныя составлены въ очень рѣзкомъ тонѣ, что не мало препятствовало этимъ сочиненіямъ достигать предназначенной имъ цѣли обращенія старообрядцевъ. Такой тонъ могъ вызывать еще большее ожесточеніе ихъ противъ православной Церкви. Встрѣчающіяся здѣсь

---

1) См. „Исторія министерства внутр. дѣлъ“. Варадинова, кн. VIII, гдѣ находится полное указаніе этихъ сочиненій.

жестокословныя порицанія, какъ извѣстно, и до настоящаго времени служатъ камнемъ претыканія и соблазна для многихъ старообрядцевъ, которые, возмущаясь своимъ вѣроученіемъ, ищутъ соединенія съ православной Церковію. Къ этому нужно прибавить еще то, что противораскольническіе доводы въ вышеуказанныхъ сочиненіяхъ имѣютъ не рѣдко основаніемъ недостовѣрные документы [1]), что также не могло не увеличивать презрительнаго отношенія къ этимъ книгамъ со стороны раскольниковъ. Но что болѣе всего важно, что должно быть отмѣчено, какъ главный недостатокъ рѣшительно всей, указанной выше нашей противораскольничьей литературы, такъ это то, что главное вниманіе тамъ удѣлено обрядовымъ разностямъ; уясненію вопроса о Церкви и догматахъ отводится тамъ очень мало мѣста. Какъ доказано въ настоящее время, указанное направленіе въ противораскольничьей полемикѣ слишкомъ не выгодно въ отношеніи достиженія успѣшныхъ результатовъ. Мы, впрочемъ, не хотимъ сказать того, чтобы указанная литература совершенно не достигала своей цѣли. Она давала твердую опору защитникамъ православной Церкви въ ихъ противораскольничьей борьбѣ и даже многихъ изъ «простецовъ» воодушевляла на борьбу съ старообрядчествомъ [2]). Польза этихъ книгъ сознавалась ясно, чему доказательствомъ, между прочимъ, служитъ и тотъ фактъ, что часто по указу св. Синода онѣ разсылались партіями въ мѣста наиболѣе заселенныя старообрядцами, для ихъ вразумленія. Но тѣмъ не менѣе, указанные недостатки все-же сильно мѣшали надлежащимъ образомъ достигать имъ своей цѣли.

Отсутствію надлежащей энергіи въ борьбѣ съ расколомъ въ значительной мѣрѣ способствовало то обстоятельство, что расколъ, за недостаткомъ надлежащихъ о немъ изслѣдованій, представлялся гораздо меньшей силой, чѣмъ это было на самомъ дѣлѣ, почему и побѣда надъ нимъ казалась дѣломъ чрезвычайно легкимъ [3]).

---

1) Напр., „Требникъ Ѳеогноста“, „Дѣяніе на еретика Мартына“ и др.

2) Таковъ былъ, напр., извѣстный Иванъ Тихоновичъ Посошковъ, написавшій противъ раскольниковъ „книжицу во истину благопотребну, великое раскольникамъ обличеніе и постыженіе“.

3) Мы видѣли крайнюю несостоятельность нашей древней противораскольнической полемической литературы. Между тѣмъ, въ своемъ предисловіи къ „наставленію правильно состязаться съ раскольниками“ (1815 г.) еп. рязанскій Симонъ считаетъ нужнымъ доказывать пользу этого изданія, въ виду могущихъ появиться возраженій, что якобы „довольно уже книгъ печатанныхъ вышло въ свѣтъ и повѣствователь-

Не встрѣчая себѣ въ полемикѣ болѣе или менѣе значительнаго противодѣйствія, расколъ быстро распространялся по нашей широкой Руси и глубоко укоренялся въ ея непроходимомъ невѣжествѣ. Въ особенности расцвѣлъ онъ въ исполненное глубокой вѣротерпимости царствованіе Александра Благословеннаго. А затѣмъ, въ строгое и справедливое царствованіе Николая Павловича, расколъ не имѣлъ причинъ сокращаться въ своихъ предѣлахъ; часть его, извѣстная подъ именемъ бѣглопоповства, успѣла раздобыть себѣ за это время даже собственнаго архіерея. Къ этому времени старообрядцы имѣли уже у себя собственную литературу, состоявшую, если вѣрить «Каталогу» Павла Любопытнаго, изъ 600 сочиненій, которыя, если и не попадали на печатный станокъ, то со всеусердіемъ переписывались и расходились въ народѣ. Сочиненія, и теперь составляющія верхъ старообрядческой мудрости и витійства, своего рода «классическая» старообрядческая письменность къ этому времени уже существовали. Эти толстыя полууставныя рукописи, оставшіяся безъ критической провѣрки, составляли предметъ всеобщаго удивленія, представляемая здѣсь масса доказательствъ казалась непреодолимою. Подъ вліяніемъ этихъ рукописей, подъ обаяніемъ дѣйствительно замѣчательныхъ дѣятелей раскола — братьевъ Денисовыхъ, Ивана Алексѣева, Скачкова и др. съ одной стороны и вслѣдствіе недостаточной цѣлесообразности, а отсюда и успѣшности нашей полемики съ другой, установился слишкомъ скромный взглядъ на нашихъ писателей полемистовъ; составилось даже убѣжденіе, что наша полемика не вынесетъ серьезнаго столкновенія съ расколомъ и тотъ, кто могъ сговорить съ старообрядцемъ, возбуждалъ къ себѣ вниманіе, какъ будто бы онъ совершилъ нѣкій подвигъ [1]).

Къ началу шестидесятыхъ годовъ расколъ представлялъ слишкомъ выдающееся явленіе въ нашей церковно-общественной жизни. На него обратила вниманіе революціонная партія въ Россіи и считая его по настроенію и по цѣлямъ вполнѣ солидарнымъ съ собой,

---

ныхъ, и обличительныхъ противъ раскольниковъ, изъ которыхъ можно узнать ихъ суемудріе и обличать оное". Справедливость такого возраженія, повидимому, раздѣляетъ и самъ издатель, такъ какъ далѣе не показываетъ несостоятельности такого воззрѣнія и необходимость своей книги объясняетъ ея частнымъ назначеніемъ.

[1]) „Значеніе и краткій очеркъ противо-раскольн. полемики" (Прав. Соб. 72 г. Декабрь) и „Нѣсколько словъ по поводу бесѣдъ со старообрядцами". (Прав. Соб. 72 г. Декабрь). Н. И. Ивановскаго.

питала надежду сдѣлать его пособникомъ своихъ замысловъ. Либеральная литература того времени заговорила о предоставленіи раскольникамъ полнѣйшей свободы[1]). Для усиленія раскола предполагалось даже (не столько, впрочемъ, со стороны самихъ раскольниковъ, сколько со стороны тѣхъ, кто намѣревался образовать изъ него оппозиціонную русскому правительству и православной Церкви партію), основать за границей вообще и въ Лондонѣ въ особенности старообрядческіе центры образованія. Предполагалось учредить раскольническія общины и церкви, устроить училища въ строгомъ старообрядческомъ духѣ, составить учебники, напечатать въ заграничныхъ типографіяхъ новыя и старыя раскольническія сочиненія для распространенія ихъ въ народѣ[2]) и т. д. Зло, видимо, крѣпчало и грозило большой опасностью церковно-общественному строю русскаго государства[3]). Однако, когда расколъ пересталъ скрываться въ глубинѣ лѣсовъ и сбросивъ съ себя личину смиренія и рабскаго страха, открыто показалъ свою голову и смѣло началъ свидѣтельствовать свою аки-бы истину, и Церковь и правительство сразу поднимаютъ противъ него полемику въ высшей степени оживленную и цѣлесообразную.

Со стороны Церкви горячимъ борцомъ противъ раскола выступилъ приснопамятный митрополитъ С.-Петербургскій Григорій. Онъ усердно посѣщалъ мѣста и приходы, населенные старообрядцами, заходилъ въ ихъ скиты и часовни, вступалъ въ продолжительныя бесѣды съ раскольниками, въ особенности съ ихъ начетчиками. Задавшись мыслію учредить миссіонерства, онъ вызываетъ въ Петербургъ изъ каждой епархіи по одному духовному лицу и здѣсь

---

1) „Замѣтки единовѣрческаго священника о старообрядчествѣ". Прав. Соб. 65 г. Ноябрь. стр. 223.

2) Исторія „вопросовъ глаголемымъ старообрядцамъ". Калуж. Еп. Вѣд. 66 г. № 17, стр. 524.

3) О. Павелъ сообщаетъ интересный разсказъ о посѣщеніи его извѣстнымъ агентомъ революціонной русской партіи, жившей за границей—Кельсіевымъ. На его одушевленныя рѣчи о. Павелъ спокойно отвѣчалъ, что старообрядцы, какъ люди русскіе по крови и по духу, глубоко преданы своему царю и существующему порядку управленія. Всякія невзгоды и лишенія они принимаютъ, какъ испытанія Неба и и единственнымъ средствомъ противъ этого признаютъ терпѣніе. По уходѣ Кельсіева, присутствовавшіе при этомъ собесѣдованіи старообрядцы перекрестились, будучи увѣрены, что видѣли слугу антихриста.

самъ читаетъ имъ лекціи противораскольничьей полемики. По возвращеніи своемъ на мѣста жительства, эти лица считались оффиціальными миссіонерами. По иниціативѣ же м. Григорія, было введено преподаваніе раскола въ среднихъ и высшихъ духовныхъ учебныхъ заведеніяхъ. Наконецъ, въ 1854 году онъ издаетъ свое замѣчательнѣйшее противораскольническое сочиненіе подъ заглавіемъ «Истинно древняя и истинно православная Христова Церковь», трудъ цѣлой его жизни, сочиненіе замѣчательное, какъ по своему научному характеру, (первый блистательный опытъ систематической противораскольничьей полемики), такъ и по своей точкѣ зрѣнія: обрядовая сторона здѣсь на второмъ планѣ, первое же мѣсто занимаетъ опредѣленіе понятія о церкви; замѣчательно также это сочиненіе и по тону сострадательнаго отношенія къ немощной братіи, чрезъ грѣхъ невѣденія послужившей орудіемъ врага рода человѣческаго противъ Церкви Христовой.

Сообщенная м. Григоріемъ духовнымъ учебнымъ заведеніямъ постановка противораскольничьей полемики на нѣсколько времени оживила нашу борьбу съ расколомъ. Въ академіяхъ разработка новыхъ, интересныхъ вопросовъ, каковыми представлялись вопросы по расколу, привлекала лучшія силы; явились довольно обширныя изслѣдованія по частнымъ вопросамъ, напр.: «Объ антихристѣ» И. Ѳ. Нильскаго и многія другія[1]). Явились «Выписки» А. Озерскаго. Закипѣла работа и въ семинаріяхъ. Занятія по расколу состояли здѣсь въ изученіи исторіи ересей и расколовъ въ Россіи, въ изложеніи и опроверженіи раскольническихъ заблужденій. Вниманіе учащихся было обращаемо не только на сочиненія, написанныя противъ раскола, но также и на тѣ рукописи и книги, на коихъ сами раскольники основываютъ свои мнѣнія. Въ нѣкоторыхъ семинаріяхъ ученики составляли поученія заблудшимъ, разбирали журналы собесѣдованій съ ними сельскихъ священниковъ, или присутствовали при увѣщаніяхъ, дѣлаемыхъ раскольникамъ[2]).

Указанныя условія несомнѣнно повліяли на прогрессивное движеніе нашей полемики. Имѣя пособіемъ помянутыя сочиненія,

---

[1]) Не упоминаемъ о нихъ потому, что въ исторіи нашей противораскольничьей борьбы онѣ не имѣли особаго значенія. Библіографическая замѣтка о нихъ И. Ѳ. Нильскаго въ Христ. Чтеніи 64 г. Декабрь „Новыя изданія по расколу“.

[2]) Извлеч. изъ всеподд. отчета Об.-Прокур. Св. Синода за 1857 г.

полемика наша стала гораздо обстоятельнѣе и свободнѣе. Особенно измѣнился тонъ ея. Было сознано, что расколъ коренится въ убѣжденіяхъ человѣка, что для измѣненія этихъ убѣжденій нужно пріобрѣсти довѣріе, любовь, нужно добрыми глазами смотрѣть на жалкихъ людей [1]). «Намъ нужно обличать», говорилось тогда, «но наша рѣчь должна отзываться любовію, духомъ мира и христіанскаго снисхожденія къ заблудшимъ». Сознано было, что «предшественники писали строго съ упрекомъ, почему и труды ихъ не вѣнчались блестящимъ успѣхомъ [2]). Однако въ предшествовавшія времена полемика наша была слишкомъ неразвита, чтобы въ немногіе годы оживленія можно было поставить ее на надлежащую высоту. Полемика пятидесятыхъ и шестидесятыхъ годовъ имѣетъ у себя много прежнихъ недостатковъ. Просматривая образцы полемики этого времени, мы видимъ, что исключительное вниманіе въ собесѣдованіяхъ устремляется на обрядовыя разности. Троеперстіе, четвероконечный крестъ, число просфоръ—главные предметы разсужденія. Уясненію понятія о Церкви и догматахъ отводится слишкомъ незначительное мѣсто. Препираясь о предметахъ обрядоваго свойства, истощаясь въ доказательствахъ, которымъ раскольники, однако, не имѣютъ вѣры, защитники православія и не подозрѣваютъ, что тутъ-же, такъ сказать, сбоку, находится такая непоколебимая опора, именно, понятіе о Церкви и догматахъ.—Другимъ важнымъ недостаткомъ противораскольничьей полемики этого времени служатъ способы самыхъ доказательствъ Одинъ старался приложить къ дѣлу семинарскія лекціи о расколѣ; другой пользовался здравымъ смысломъ; третій представлялъ раскольникамъ въ образецъ для послѣдованія богомудрыхъ и просвѣщенныхъ архипастырей Церкви, въ доказательство—мощи и чудотворенія свв. Тихона Задонскаго, Митрофана Воронежскаго и другихъ святителей [3]). Все это не убѣдительныя доказательства для раскольниковъ. «Покажи намъ, говорятъ они въ такихъ случаяхъ, на каждый вопросъ отвѣтство отъ святаго писанія, кромѣ всякихъ своесмысленныхъ натягательствъ, должни бо есмы во всѣхъ, яже глаголемъ и творимъ, имѣти показаніе отъ божественныхъ писаній, да не человѣческими помышленіи прельщаемы, испадаемъ праваго пути и впадаемъ въ

---

1) Руков. для сельск. пастыр. 62 г. II стр. 75. „Вопросъ о расколѣ“,

2) Тамъ же, стр. 71.

3) Странн. 65 г. Іюль стр. 26, Тамб. еп. вѣд. 62 г. стр. 437; Руков. для сельск. п. 67 г. т. 2, стр. 295.

пропасть погибели»[1]). Такимъ образомъ, для убѣжденія раскольниковъ нужно было принимать не тѣ средства, кои употреблялись, но доказательства отъ «святаго писанія», подъ какимъ именемъ они разумѣютъ извѣстныя, уважаемыя ими старопечатныя книги. И хотя въ нѣкоторыхъ епархіяхъ, какъ мы уже раньше видѣли, преподаватели раскола знакомили своихъ учениковъ съ старопечатными книгами, однако, просматривая противораскольническія бесѣды того времени, мы не видимъ надлежащаго примѣненія этого способа убѣжденія раскольниковъ. О немъ какъ будто бы и не знаютъ. Съ величайшимъ усердіемъ прилагались менѣе дѣйствительные способы, о которыхъ мы сказали выше, доказательствъ же «отъ святаго писанія» мы почти не встрѣчаемъ. Очевидно, сознаніе всей дѣйствительности этихъ доказательствъ, и всей его, поэтому, необходимости недостаточно еще созрѣло[2]). Отсутствіе этого рода доказательствъ, кромѣ того, что дѣлало нашу противораскольническую полемику того времени недостаточно убѣдительною,—давало еще раскольникамъ поводъ думать, что такихъ доказательствъ и не можетъ быть, что якобы все «святое писаніе» говоритъ въ ихъ пользу. Отсюда увѣренность раскольниковъ въ своей правотѣ становилась болѣе крѣпкою, равно какъ увеличивалась и энергія въ пропагандѣ и защитѣ своихъ воззрѣній. Въ то время раскольники—начетчики старались ловить каждый удобный случай, чтобы заявить о мнимой неистин-

---

[1]) Рук. для сельск. паст. 62 г. т. 3, стр. 578, 581. Чрезвычайно типическую замѣтку въ этомъ отношеніи передаетъ о. Твердынскій. „Мы, отецъ“—говорилъ ему одинъ раскольникъ-начетчикъ, „знаемъ, что чтеніе книгъ божественныхъ дѣло хорошее и полезное, да вся бѣда въ томъ, что въ книгахъ у насъ съ вами большая разница; принеси ты намъ теперь какихъ хочешь, да коли онѣ напечатаны послѣ патріарха Осипа, такъ намъ ихъ и даромъ не надо; ты хоть разчитайся, мы ихъ и слушать не будемъ“. (Христ. Чтен. 76 г. ч. I, стр. 810).

[2]) Замѣчательно то, что въ одной статьѣ журнала того времени авторъ ратуетъ даже за уваженіе къ старопечатнымъ книгамъ, старается убѣдить въ необходимости хотя бы только видимаго уваженія къ нимъ, что представлялось нужнымъ для снисканія довѣрчивости и расположенія старообрядцевъ къ собесѣдованію. Очевидно, полемисты, ратуя противъ раскола, не только не обращались къ старопечатнымъ книгамъ, но даже не уважали и игнорировали ихъ; въ этомъ сказалось прежнее мнѣніе объ этихъ книгахъ, когда считали ихъ источникомъ раскола, отбирали и сжигали ихъ (Странн. 65 г. Іюль, стр. 25)

ности православной Церкви, заявить въ особенности пастырю православной Церкви; въ запасѣ у нихъ всегда содержалась мысль о томъ, что священникъ, не свѣдущій въ старопечатныхъ книгахъ, не можетъ и отвѣтить имъ надлежащимъ образомъ.

Представляется недоумѣннымъ тотъ фактъ, что наши полемисты, имѣя въ своемъ распоряженіи такое пособіе къ обличенію раскола, какъ сочиненіе м. Григорія, допускали въ своей полемикѣ такіе грубые промахи, какъ игнорированіе старопечатными книгами и, обращая вниманіе на вопросы обрядовые, становились на фальшивую дорогу и лишали тѣмъ самымъ свою полемческую дѣятельность надлежащаго успѣха. Неужели при руководствѣ означеннымъ пособіемъ нельзя было понять значенія опроверженій, почерпнутыхъ изъ старопечатныхъ книгъ? Или можетъ быть приводилось ихъ тамъ не довольно достаточное количество? Ни того, ни другого быть не могло. «Писаніямъ св. отцовъ и учителей Церкви въ новыхъ переводахъ вы и ваши наставники не довѣряете», говоритъ, обращаясь къ старообрядцамъ, м. Григорій, а потому и доказательства свои онъ обѣщаетъ и дѣйствительно заимствуетъ исключительно изъ старопечатныхъ книгъ:[1]) всякое опроверженіе раскольническаго суемудрія онъ подкрѣпляетъ очень и очень достаточнымъ количествомъ приводимыхъ оттуда свидѣтельствъ. Поэтому, изучивъ надлежащимъ образомъ эту книгу, можно было не пасовать предъ раскольникомъ, требующимъ подтвержденія «отъ божественнаго писанія», и тѣмъ болѣе не приводить «своесмысленныхъ доказательствъ» и «натягательствъ отъ собственнаго разума».

Далѣе, повидимому, м. Григорій такъ пространно толкуетъ о Церкви, что и слѣдовавшимъ за нимъ полемистамъ должно было бы сдѣлаться яснымъ, что центръ тяжести противораскольничьей полемики заключается именно въ уясненіи понятія о Церкви, ея спасительности и гибельности отдѣленія отъ нея. Но здѣсь именно и заключался пробѣлъ у м. Григорія; онъ не показалъ, какимъ образомъ вопросъ о Церкви можно поставить базисомъ полемики съ расколомъ. Вопросъ о Церкви тогда только можно развивать предъ раскольникомъ, когда доказано напередъ, что *церковь есть общество, вѣрующее въ догматы, а не въ обряды*, что обряды могутъ быть съ полнымъ правомъ измѣняемы Церковію. Изъ послѣдняго поло-

---

[1]) Истинно древняя и истинно православная Христова Церковь. ч. I, стр. 8.

женія слѣдовало бы, что всѣ тѣ вопросы объ обрядовыхъ разностяхъ, которымъ старообрядцы усвояютъ такое важное значеніе, должны занять второстепенное мѣсто съ почти безразличнымъ значеніемъ. Эти вопросы могли разрѣшаться въ конецъ однимъ положеніемъ, что Церковь имѣетъ право по своему усмотрѣнію измѣнять обрядовую сторону религіи. Между тѣмъ въ книгѣ м. Григорія мы и не видимъ этого звена; онъ самымъ разностороннимъ образомъ уясняетъ понятіе о Церкви, однако это понятіе остается у него какъ бы не у дѣлъ, отрѣшеннымъ отъ живой полемики. У него именно нѣтъ того объясненія, что обрядовая сторона, изъ-за которой раскольники отдѣляются отъ Церкви, не можетъ имѣть такого важнаго значенія, чтобы изъ-за нея отдѣляться, что недоразумѣніе раскольниковъ состоитъ въ томъ, что они отождествили значеніе догмата и обряда. Въ книгѣ м. Григорія, повторяемъ, нѣтъ такого разъясненія. «Ваши предки, а за ними и нынѣшніе ваши наставники», говоритъ м. Григорій, обращаясь къ старообрядцамъ послѣ прямыхъ свидѣтельствъ, что истинная Церковь и есть именно греко-россійская Церковь, «обыкновенно отвергаютъ православіе православной Церкви и выставляютъ для подтвержденія своего мнѣнія нѣсколько по ихъ мнѣнію ясныхъ доказательствъ. Для разсмотрѣнія ихъ назначаемъ всю вторую часть книги».[1]) Но какимъ же образомъ совершается во второй части это разсмотрѣніе? «Для обнаруженія неправды, (взводимой раскольниками), необходимо, говоритъ м. Григорій, разсмотрѣть всѣ доказательства, на которыхъ основано такое мнѣніе».[2]) Вотъ начальныя слова второй части, показывающія, какимъ образомъ будетъ производиться опроверженіе раскольническихъ обвиненій. Мы видимъ доказательства историческія, археологическія, соображенія здраваго разума и т. д., но ни слова о томъ, что раскольники *не имѣютъ права даже требовать здѣсь оправданій и доказательствъ, такъ какъ обрядъ не догматъ и измѣненіе обрядовъ находится въ полномъ правѣ Церкви и не можетъ служить причиной отдѣленія отъ Церкви.* Не выяснивъ этого, м. Григорій, далѣе, становится на историко-археологическую почву, приводитъ чрезвычайное обиліе систематически расположенныхъ доказательствъ, которыя однако не имѣли надлежащей убѣдительности, такъ какъ на почвѣ исторіи и археологіи у

---

1) Истинно древняя и православ. Христова Церковь, ч. I, стр. 243
2) Тамъ же, ч. II, стр. 1.

старообрядцевъ всегда найдутся хотя мнимые, но тѣмъ не менѣе вполнѣ удовлетворяющіе старообрядческую совѣсть признаки якобы истинности ихъ воззрѣній, и полемика самая ясная и убѣдительная, какую мы и находимъ въ книгѣ м. Григорія, становится совершенно безплодной. Для объясненія воспользуемся такимъ примѣромъ. Предположимъ, въ собесѣдованіи съ старообрядцемъ, мы, слѣдуя книгѣ м. Григорія, изобразимъ въ началѣ всю истинность греко-россійской Церкви, къ которой, слѣдовательно, нужно обратиться и собесѣднику—старообрядцу. Но предварительно нужно будетъ разрѣшить излюбленный въ такихъ случаяхъ мотивъ старообрядчества относительно «новшествъ» православной Церкви. Мы обращаемся за отвѣтомъ къ той-же книгѣ и, согласно указанному здѣсь, начинаемъ безъисходныя и безплодныя пренія на историко-археологической почвѣ, вмѣсто того, чтобы прямо сказать, что старообрядецъ не имѣетъ права отдѣляться отъ Церкви изъ-за этихъ новшествъ, какъ изъ-за обрядовъ.—Такимъ образомъ, и книга м. Григорія не ставила нашей полемики на надлежащій путь; мало того, указаннымъ способомъ разбора и опроверженія старообрядческихъ возраженій она какъ бы закрѣпляла за ней прежнее направленіе. То конечно несомнѣнно, что трудъ м. Григорія, по обстоятельности приводимыхъ доказательствъ и по систематичности ихъ изложенія, представлялъ блестящее произведеніе нашей противосектантской литературы. Несомнѣнно также и то, что раскрытіемъ понятія о Церкви и указаніемъ на греко-россійскую Церковь, какъ на истинно-древнюю и истинно-православную Церковь, онъ сдѣлалъ большой шагъ по пути развитія нашей противораскольничьей литературы и указалъ, гдѣ собственно долженъ помѣщаться пунктъ нашей опоры въ противораскольничьей борьбѣ, но все таки то, что онъ не выяснилъ всей неосновательности отдѣленія старообрядцевъ, какъ отдѣленія, происходящаго изъ-за обрядовъ, и даетъ имъ, поэтому, возможность на почвѣ исторіи и археологіи доказывать свои права,—это лишаетъ драгоцѣнную книгу ея надлежащаго значенія.

Къ числу недостатковъ книги м. Григорія нужно отнести также и то, что этотъ трудъ знаменитаго архипастыря представляетъ собой болѣе апологію православной Церкви, защищеніе отъ нападеній раскола, нежели обличеніе его заблужденій. Само собой разумѣется, что блестящая апологія тѣмъ самымъ, что представляетъ очевидную истину, можетъ оказаться чрезвычайно дѣйствительной

въ отношеніи привлеченія къ ней симпатій, вѣры и преданности. Однако, апологія — это только половина дѣла, необходима еще и полемика, или опроверженіе раскольническаго суемудрія и защиты. Необходимо разоблачить расколъ до — нага, чтобы онъ самъ устыдился своей срамоты.—Далѣе, книга м. Григорія, вслѣдствіе своего апологетическаго характера, обращаетъ вниманіе только лишь на главныя возраженія раскольниковъ и совершенно не знакомитъ и не разоблачаетъ тайнъ раскольнической самозащиты— казуистики, не ставитъ читателя съ раскольникомъ лицомъ къ лицу, чтобы можно было ознакомиться съ особенностями его своеобразной физіономіи. Книга м. Григорія представляетъ прекрасную теорію. Но теорія тогда только имѣетъ свое значеніе, если извѣстно, какъ прилагать ее на практикѣ, иначе она можетъ оказаться совершенно безполезной. То вѣрно, конечно, что съ практикой можетъ надлежащимъ образомъ познакомить самая жизнь. Однако, отъ книги можно требовать хотя бы, такъ сказать, предварительнаго знакомства, чтобы, спустившись изъ области отвлеченныхъ разсужденій въ область ихъ практическаго приложенія, не потерпѣть полнѣйшаго фіаско, способнаго сразу охладить весь пылъ и энтузіазмъ къ дальнѣйшему продолженію дѣла.

Указанные недостатки въ своей совокупности и обусловили, какъ мы полагаемъ, недѣйствительность книги м. Григорія въ нашей борьбѣ съ расколомъ, вслѣдствіе чего борьба эта шла, такъ сказать, мимо этой книги и не пользовалась всѣмъ тѣмъ, весьма многимъ и чрезвычайно полезнымъ, чѣмъ могла бы и должна была пользоваться.

Однако, не смотря на недостатки, благотворные плоды нашей противораскольничьей борьбы того времени ясно сказались въ обращеніи многихъ раскольниковъ [1]). Оживленіе противораскольничьей борьбы, привлекшее такую массу силъ, возбудившее такую энергію, обѣщало не въ далекомъ будущемъ принести чрезвычайно обильные результаты. Но къ большому сожалѣнію этимъ благимъ начинаніямъ вскорѣ былъ нанесенъ большой ударъ: съ введеніемъ новаго устава въ духовныхъ семинаріяхъ было упразднено здѣсь преподаваніе исторіи и обличенія раскола; къ миссіонерскимъ отдѣленіямъ, о которыхъ

1) Курск. еп. вѣд. 72 г. стр. 864. „Новыя условія церковн. жизни и расколъ“.

такъ много хлопотали, также охладѣли. Это не могло не повлечь за собой печальныхъ результатовъ въ нашей противораскольнической борьбѣ. Теперь были лишены спеціальной подготовки наши столпы въ этой борьбѣ—пастыри Церкви. И если общее богословское образованіе заключало въ себѣ достаточно гарантіи на то, чтобы съ надлежащимъ успѣхомъ противостоять раскольническимъ нападеніямъ, (понятіе о церкви даетъ непоколебимую точку опоры для православнаго защитника), то во всякомъ случаѣ у пастыря Церкви не оказывалось средствъ, чтобы дѣйствовать на самыя убѣжденія раскольниковъ, чтобы парализовать распространеніе раскольнической пропаганды. Все дѣло противораскольнической полемики теперь опиралось на миссіонерскихъ обществахъ и братствахъ. Однако, при всей своей усердной, благоплодной дѣятельности, эти учрежденія не могли поставить дѣло нашей противораскольничьей борьбы на надлежащую степень развитія. Главной причиной въ этомъ случаѣ было слишкомъ незначительное количество этихъ учрежденій [1]). Са 1867—68 г. обращеніе раскольниковъ, какъ видно изъ отчетовъ оберъ-прокурора св. Сѵнода, значительно уменьшилось въ сравненіи съ предшествовавшими годами. Можно было даже констатировать фактъ усиленія раскола на счетъ православія: въ очень многихъ мѣстахъ государства совершилось отпаденіе въ расколъ цѣлыхъ тысячъ православнаго народонаселенія [2]). Средства для противораскольничьей борьбы были до нельзя слабы. Жатвы было много, а дѣлателей мало. Малое число дѣятелей обусловливалось, какъ можно видѣть, не отсутствіемъ святой ревности, но тѣмъ, главнымъ образомъ, что для нихъ не имѣлось достаточнаго количества надлежащимъ образомъ приспособленныхъ средствъ для борьбы, въ чемъ мы имѣли случай убѣдиться при характеристикѣ полемики того времени. Не было достаточнаго количества историческихъ сочиненій, коими бы надлежащимъ образомъ освѣщался весь расколъ [3]); не было и по-

[1]) Въ 1872 г. такихъ обществъ и братствъ существовало на всю Россію всего только восемь, да нѣсколько миссій; въ 1866 и 67 г.г., какое время собственно (предъ возвращеніемъ въ православную Церковь о. Павла) мы имѣемъ въ виду, этихъ учрежденій было еще меньше.

[2]) Курск. еп. вѣд. 72 г. стр. 1107. „Новыя условія церк. жизни и расколъ“.

[3]) Изъ примѣчательныхъ сочиненій историческаго характера можно отмѣтить слѣдующіе труды:—„Исторія раскола“ еп. Макарія (1855 г.), доселѣ не потерявшая своего значенія; „Исторія о расколахъ въ Церкви Рос-

лемическихъ сочиненій, надлежащимъ образомъ приспособленныхъ къ обличенію раскола. Мы имѣли малое число дѣятелей противъ раскола, и мало средствъ для этой дѣятельности. Мы находились даже въ своего рода логическомъ кругѣ. Не было дѣятелей, отсюда не было и средствъ для дѣятельности; но въ свою очередь и недостатокъ дѣятелей въ значительной степени обусловливался недостаткомъ имѣвшихся въ наличности средствъ въ видѣ противораскольническихъ сочиненій: работа единичныхъ личностей чрезвычайно усердная и столь же плодотворная не могла поднять нашей противораскольничьей полемики на надлежащую степень высоты.

Въ это до нѣкоторой степени критическое для нашей борьбы съ расколомъ время Провидѣнію угодно было къ числу защитниковъ православной Церкви присоединить такого борца, какимъ оказался впослѣдствіи о. Павелъ.

X.

Личныя достоинства Павла и особенности метода его полемики, какъ условія успѣшной борьбы его съ расколомъ.

Сдѣлавшись вѣрнымъ сыномъ православной церкви, о. Павелъ, какъ упомянуто уже, всѣ силы свои рѣшился посвятить на борьбу съ отдѣлившимися отъ нея и возставшими противъ нея, недавно бывшими своими собратьями по вѣрѣ,—раскольниками. Кромѣ общаго побужденія—ревности о славѣ пріютившей его подъ свой благодатный кровъ—матери, «окормляющей его своими таинствами и дающей ему» несомнѣнную надежду на вѣчное спасеніе, къ означенной борьбѣ побуждали его и особыя, изъ его жизни вытекавшія обстоятельства. Объ этомъ онъ самъ говоритъ такимъ образомъ:» Если прежде былъ я проповѣдникомъ лжи и клеветъ на святую Церковь, не

сійской", Игнатія, еп. Воронежскаго (Спб. 1848); затѣмъ: „Полное историческое извѣстіе о древнихъ стригольникахъ и новыхъ раскольникахъ" прот. Андрея Іоаннова (Спб. 1768). Очерчивая общій контуръ раскола, сочиненія эти не могли знакомить съ содержаніемъ его внутренней жизни, что конечно было необходимо для болѣе цѣлесообразнаго направленія нашей противораскольничьей полемики. Другихъ же сочиненій, посвященныхъ раскрытію этой стороны раскола, до конца шестидесятыхъ годовъ почти не было, въ чемъ можно убѣдиться, просматривая указатели литературы по расколу, изданные Сахаровымъ и Пругавинымъ.

тѣмъ ли паче обязанъ теперь возвѣщать истинное о Церкви ученіе.? [1]) «Почелъ обязаннымъ сказать вамъ (старообрядцамъ) истину, говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ, дабы вы на будущемъ судѣ Христовомъ не обвиняли меня—что съ проповѣдью раскола я приходилъ къ вамъ, а истину Евангелія умолчалъ» [2]). Наконецъ, на этотъ подвигъ возбуждала его вообще «любовь къ заблуждающимся братіямъ, внѣ общенія съ святою Церковію мнящимъ спастися. [3])»

Для надлежащаго успѣха въ этой борьбѣ у о. Павла имѣлись въ наличности всѣ необходимыя условія и средства. Къ числу необходимыхъ условій всякой борьбы вообще и предстоявшей о. Павлу въ частности относится прежде всего—возможно лучшее знаніе противника, знаніе его явныхъ и тайныхъ намѣреній, знаніе его сильныхъ и слабыхъ сторонъ и т. д. По отношенію къ расколу знаніе это пріобрѣтается путемъ изученія его исторіи и самымъ обстоятельнымъ знакомствомъ съ его внутреннею жизнію.—О. Павелъ самъ отлично зналъ всю исторію раскола. Рѣдкая начитанность сообщила ему въ этомъ отношеніи чрезвычайное богатство знаній [4]). Точно также и современное положеніе раскола было извѣстно ему самымъ лучшимъ образомъ. Рожденный въ расколѣ, тщательно воспитанный въ раскольническихъ идеяхъ, занимавшій въ теченіи многихъ лѣтъ должность наставника, о. Павелъ представлялъ собою личность, въ которой наиболѣе удачнымъ образомъ воплощались всѣ идеи раскола, весь духъ его и стремленія. Такимъ образомъ, о. Павелъ прекрасно понималъ своего противника и въ изученіи его не имѣлъ никакой надобности. И вотъ, въ то время, когда въ нашемъ обществѣ бродили самые неопредѣленные взгляды на расколъ, когда иные полагали, что это явленіе отживаетъ уже свой вѣкъ, что нужно еще немного продолжиться вѣянію духа времени и вліянію новѣйшей культуры, чтобы это явленіе окончательно исчезло съ лица земли; когда со всѣхъ концовъ раздава-

---

[1]) Собран. сочин. архим. Павла ч. II, стр. 372.

[2]) Собран. сочинен. архим. Павла ч. II, стр. 308, 379.

[3]) Тамъ же, стр. 117.

[4]) Это можно видѣть, какъ изъ спеціальнаго его сочиненія: „Краткія извѣстія о существующихъ въ расколѣ сектахъ“ (ч. III. стр. 1—87), такъ и изъ того, что онъ никогда не затруднялся дать надлежащую историческую справку о расколѣ, или же представить въ истинномъ свѣтѣ какое—либо историческое изъ жизни раскола событіе.

лись голоса за полнѣйшую свободу раскола, какъ религіознаго общества, якобы не заключающаго въ себѣ никакихъ вредныхъ намѣреній въ отношеніи Церкви и государства, о. Павелъ, поддерживая точку зрѣнія на расколъ Церкви и правительства, выразилъ свой взглядъ на расколъ такимъ образомъ.» Вся ихъ цѣль и все ихъ тщаніе,— говоритъ онъ о старообрядцахъ, состоитъ въ томъ, чтобы кого изъ православныхъ совратить въ расколъ. Когда явилась Австрійско-Бѣлокриницкая іерархія, ея учредители думали запрудить архіереями всю Россію. И если теперь, когда принадлежащихъ ко всѣмъ старообрядческимъ сектамъ можно насчитывать до трехъ милліоновъ, старообрядцы требуютъ себѣ равноправія съ православною Церковію, то если бы ихъ было до пятнадцати милліоновъ (какъ старообрядцы и утверждаютъ), тогда расколъ смѣло бы потребовалъ-выгнать православное духовенство изъ кремлевскихъ соборовъ и отдать соборы имъ самимъ, какъ собственное ихъ достояніе. Возразятъ мнѣ, что я говорю не вѣрно; но пусть каждый старообрядецъ спроситъ себя. что онъ думаетъ, когда войдетъ въ Успенскій соборъ? Онъ мыслитъ: все это было когда-то наше достояніе, вся Россія содержала нашу вѣру, древніе цари до Никона были нашей вѣры, и хорошо было бы, еслибъ вся эта святыня опять къ намъ возвратилась. Итакъ, расколъ не только то думаетъ, что онъ имѣетъ правую вѣру, но что и въ кремлевскихъ соборахъ должны властвовать ихъ епископы и что господствующей въ Россіи религіей по наслѣдству якобы отъ князя Владиміра должна быть ихъ старообрядческая религія. И если расколъ прямо не заявляетъ такихъ требованій, то лишь потому, что не имѣетъ достаточнаго количества послѣдователей. Потому онъ и стремится всячески совращать православныхъ, чтобы увеличить свою силу и низпровергнуть православную греко-россійскую церковь« [1]).

Помимо сознанія опасности своего противника, для борьбы съ нимъ, какъ сказали мы ранѣе, необходимы вѣрныя средства, необходимо самое точное знаніе раскольническихъ заблужденій, знаніе, соединенное съ умѣньемъ опровергать ихъ. Такихъ средствъ, какъ извѣстно, почти не представляла наша противораскольническая литература того времени. Она находилась тогда только въ зачаточномъ состояніи. Но въ томъ и состоитъ важное значеніе полемики о. Павла, что она явилась независимо отъ тѣхъ средствъ, кои имѣлись тогда у насъ. Не въ нашей литературѣ заключался источникъ силы

[1]) Собран. сочин. архим. Павла, ч. III, стр. 85—86.

о. Павла. Все оружіе для противораскольничьей борьбы пріобрѣтено было имъ особымъ образомъ,—самою жизнію.

О. Павелъ былъ величайшимъ знатокомъ того дѣла, которое считалъ призваніемъ своей жизни, именно борьбы съ расколомъ. »Для обличенія раскола,—говоритъ о. Павелъ,—нужно тщательно изучить его заблужденія и основательныя противъ нихъ доказательства« [1]). «Но, добавляетъ о. Павелъ, расколъ-болѣзнь самая капризная, недугъ-самый прихотливый. Имѣя въ рукахъ цѣлительный пластырь, надо умѣть приложить его къ ранѣ осторожно; иначе можно раздражить болѣзнь» [2]). А для этого «необходимо изучить расколъ на практикѣ, нужно стать лицомъ къ лицу съ расколомъ, осмотрѣть его со всѣхъ сторонъ и чтобы узнать, когда и съ какой стороны удобнѣе подойти къ нему» [3]). Казалось, что обстоятельства жизни о. Павла какъ бы нарочно сложились такимъ образомъ, чтобы ему наилучшимъ образомъ выполнить эти условія. «Я много имѣлъ случаевъ«, говоритъ о. Павелъ, »узнать расколъ, изучить его больныя мѣста, узнать, какъ подойти къ расколу, чѣмъ лучше подѣйствовать на него« [4]). Изъ біографіи о. Павла мы знаемъ, какъ онъ былъ религіозенъ, какъ вмѣстѣ съ тѣмъ любознателенъ, какъ, наконецъ, начитанъ. Всѣ эти свойства его духовной природы слились во едино и, развиваясь во взаимодѣйствіи, образовали личность столь-же глубоко религіозную, сколько вмѣстѣ съ тѣмъ и начитанную. Такъ какъ главнымъ интересомъ всей его жизни была религія, то и начитанность его касалась главнымъ образомъ этой области. Онъ изучилъ все, что относилось сюда и было доступно ему. Въ особенности изучилъ онъ св. Писаніе и книги старой печати, столь любезныя сердцу старообрядца, оплотъ его дорогой вѣры. Его изученіе этихъ книгъ достигло такой степени, что въ собесѣдованіяхъ нужныя мѣста изъ нихъ, часто заключавшія въ себѣ цѣлыя страницы, онъ приводилъ на память съ буквальной точностью [5]). Кромѣ знанія непосредственныхъ источниковъ своей вѣра о. Павелъ былъ довольно основательно знакомъ и съ другими науками, имѣвшими косвенное отношеніе къ его вѣрѣ. Онъ прекрас-

---

1) Собран. сочин. архим. Павла, ч. III стр, 370.

2) Братск. слово 93 г. I, 647. „Къ юбилею архим. Павла.

3) Тамъ-же.

4) Тамъ-же.

5) Братск. слово, 83 г. I. 202.

но зналъ исторію Церкви,[1]) такъ что съ полнымъ правомъ могъ говорить «объ историческихъ данныхъ«; это знаніе давало ему возможность впослѣдствіи при собесѣдованіяхъ наблюдать за тѣмъ, чтобы возражатель — старообрядецъ «не искривилъ повѣствованія исторіи» и если это случалось, онъ съ увѣренностію замѣчалъ, что «того ни одна исторія не повѣдаетъ»; «вонми историческому повѣствованію», говорилъ онъ въ такихъ случаяхъ и предлагалъ далѣе дѣйствительное историческое сказаніе[2]).—Изучены были о. Павломъ и житія святыхъ, изучены не только въ цѣляхъ необходимаго руководства въ аскетической жизни, но и въ цѣляхъ оправданія своего старообрядческаго вѣроученія и обличенія несогласныхъ. Зналъ о. Павелъ и гражданскую исторію, откуда также не рѣдко почерпалъ основанія для опроверженія противниковъ и вообще онъ былъ чрезвычайно начитанный и свѣдущій человѣкъ и имѣющимися свѣдѣніями всегда пользовался для защиты своихъ положеній и опроверженія мнѣній противниковъ.

Мы знаемъ, что еще въ малолѣтствѣ обстоятельствами жизни онъ поставленъ былъ въ благопріятныя условія изучить полемику раскола: его отецъ съ дѣдомъ, какъ извѣстно намъ, вели постоянныя пренія о вѣрѣ. Въ качествѣ наставника, о. Павелъ самъ долженъ былъ выступить на это поле дѣятельности. Успѣхи его здѣсь были блестящи. Въ преніяхъ съ бѣглопоповцами онъ слылъ непобѣдимымъ. Вспомнимъ по этому поводу пребываніе его въ Климоуцахъ. По переходѣ въ православную Церковь, противъ этой части раскола онъ уже представлялъ собой опытнѣйшаго полемиста: тѣ возраженія бѣглопоповству, какія онъ ставилъ ему, будучи безпоповцемъ, одинаково были годны и тогда, когда онъ сдѣлался православнымъ: при взаимныхъ обличеніяхъ, старообрядцы становятся обыкновенно на православную точку зрѣнія. Но если прежде слава о его непобѣдимости была нѣсколько преувеличена, (о. Павелъ, будучи безпоповцемъ, не могъ удовлетворительно отвѣчать на вопросъ о церкви[3]), то съ переходомъ въ православіе, когда означенный вопросъ былъ разрѣшенъ

---

[1]) Собран. сочин. архим. Павла, ч. I, стр. 344, 352, 360, 366.

[2]) Тамъ-же, ч. I, стр. 346, 360-365.

[3]) Извѣстенъ фактъ, что на вопросъ знаменитаго защитника австрійской іерархіи Семена Семеныча: гдѣ находится церковь? о. Павелъ отвѣчалъ: не знаю! (Собр. соч. I, 283).

совершеннымъ образомъ, о. Павелъ дѣйствительно оказывался непобѣдимымъ въ спорахъ съ бѣглопоповствомъ и съ однородными ему-послѣдователями австрійскаго священства. Ратовать противъ этой отрасли раскола для Павла было не ново. Новостью по переходѣ въ православную Церковь являлось для него обличеніе безпоповства. Впрочемъ, и къ этого рода обличенію о. Павелъ сдѣлалъ блестящую подготовку въ то время, когда совершалось постепенное измѣненіе его убѣжденій и постепенное приближеніе къ Православной Церкви. Тотъ, кто раньше говорилъ: «умру, а безъ разсмотрѣнія въ Великороссійскую церковь не пойду», когда оказался въ Великороссійской церкви, надо полагать, надлежащимъ образомъ совершилъ это разсмотрѣніе, именно, разсмотрѣніе того, что, какъ мнимо правое, представляло безпоповство, и что, какъ, повидимому, неправое, представлялось со стороны православной Церкви. Каждый пунктъ вѣроученія и со всѣхъ сторонъ подвергался самой тщательной провѣркѣ [1]); критическая мысль изнемагала подъ тяжестью взваленной работы. Проведши свое новое исповѣданіе чрезъ такое горнило очищенія, о. Павелъ, конечно, въ состояніи былъ дать отвѣтъ всякому, вопрошающему словесе о упованіи (I Петр. III, 15). Припомнимъ по этому поводу его бесѣды съ братіей прусской киновіи, съ Стукачевымъ, съ наставникомъ Боровскаго скита, съ Михеичемъ. Безпоповство было опровергаемо рѣшительно на всѣхъ пунктахъ. Опытнѣйшіе начетчики оставались предъ о. Павломъ совершенно безотвѣтными. Такимъ образомъ, не только въ обличеніи бѣглопоповства, но и въ обличеніи безпоповства о. Павелъ обѣщалъ быть одинаково непобѣдимымъ, что, конечно, мы и будемъ видѣть.

Впрочемъ, та удивительная сила полемики о. Павла, при помощи которой онъ оставлялъ расколъ совершенно безотвѣтнымъ, не имѣющимъ чѣмъ оправдаться предъ нимъ, при помощи которой рѣчь его казалась особенно убѣдительной и обыкновенно сопровождалась большимъ количествомъ желающихъ присоединиться къ православной Церкви, заключалась не въ его начетничествѣ, не въ знаніи имъ

---

[1]) Съ какимъ усердіемъ и осторожностію, изъ-за боязни не оставить чего либо неразсмотрѣннымъ, производилъ о. Павелъ критику своего безпоповскаго вѣроученія, показываетъ тотъ фактъ, что онъ совершилъ, напр., поѣздку въ Литву съ нарочитой цѣлью испытать, не скажутъ ли тамъ чего либо новаго, чего о. Павелъ еще не зналъ и что могло бы говорить въ пользу безпоповства. Но такого открытія не послѣдовало.

духа и вообще внутренней стороны раскола. Указанная сила сообщалась полемикѣ о. Павла тѣмъ, для перваго взгляда быть можетъ незамѣтнымъ, фактомъ, что о. Павелъ пользовался здѣсь тѣмъ же самымъ методомъ, слѣдуя которому и самъ онъ принужденъ былъ оставить расколъ и присоединиться къ православной Церкви. Для того, чтобы яснѣе представить себѣ всю естественность, цѣлесообразность, логическую принудительность и вообще дѣйственность извѣданнаго о. Павломъ на собственномъ опытѣ и затѣмъ прилагавшагося имъ на практикѣ полемической дѣятельности способа обличенія и убѣжденія, остановимся здѣсь нѣсколько и постараемся дать цѣлостное представленіе о сущности раскола: тогда намъ виднѣе будетъ, что собственно составляетъ жизненность раскола и какъ подрываетъ ее о. Павелъ.

Отдѣляясь отъ Церкви, расколъ не сознавалъ всего ужаса своего будущаго положенія. Отдѣленіе совершалось безъ всякой предусмотрительности. Не было и признака разумнаго отношенія къ столь важному событію. Отдѣленіе совершилось, такъ сказать, по инерціи, силу которой сообщила слѣпая увѣренность, что церковь перемѣнила вѣру. Вскорѣ слѣпые стали прозрѣвать. Ужасъ положенія безъ іерархіи, безъ спасительныхъ таинствъ сдѣлался для всѣхъ яснымъ. Случилось то, чего никто не ожидалъ. Отдѣлялись въ видахъ избавленія отъ ереси и снисканія спасенія, между тѣмъ оказывалось, что новое положеніе не имѣетъ спасительныхъ средствъ. По разумному порядку вещей, разочаровавшимся бѣглецамъ стоило бы только оглянуться назадъ и разсмотрѣть, дѣйствительно ли въ Церкви появилось еретичество. Извѣстная доля безпристрастія и евангельское понятіе о Церкви совершенно разсѣяло бы напугавшую ихъ иллюзію и привело бы обратно туда, откуда бѣжали. На дѣлѣ вышло иначе. Великъ и непобѣдимъ былъ ужасъ отступниковъ. Не помогли и увѣщанія. Скоро кровь фанатиковъ закрѣпила за расколомъ увѣренность въ правотѣ: явились мученики, мощи и. т. д. Позади бѣглецовъ разверзлась великая пропасть. Нельзя уже было думать о возвращеніи; нужно было какъ нибудь мириться съ новымъ положеніемъ. Часть наиболѣе робкихъ инстинктивно хватается за бѣглыхъ поповъ; наиболѣе упрямые и послѣдовательные рѣшаются совершенно обойтись безъ священства и таинствъ, увѣряя себя въ наступленіи царства антихриста. Въ этомъ случаѣ происходило то, что называется предзанятостію мысли, извѣстнымъ угломъ зрѣнія. Именно, суще-

ствовало уже прочно сложившееся убѣжденіе, что всѣ никоніане-отступники и что истина сохранилась только въ расколѣ. Напрягаются всѣ усилія, чтобы отстоять такое убѣжденіе. За невозможностію опереться на св. Писаніи и св. Преданіи,—единственно имѣющими право называться источниками вѣроученія, привлекаются въ качествѣ таковыхъ преданія старцевъ-начетчиковъ раскольническихъ. Истинные источники вѣроученія отодвигаются на второй планъ, причемъ въ извиненіе приводятся разныя нелѣпыя соображенія, въ родѣ, напр., того, что «всѣ еретики по Писанію заблудили», что и «лютеране по Евангелію идутъ« и. т. п. Чувствуя, однако, необходимость связи вѣроученія съ св. Писаніемъ и св. Преданіемъ, они берутъ для себя основанія и изъ этихъ источниковъ, но только поступаютъ въ этомъ случаѣ довольно оригинальнымъ образомъ: устраняя авторитетное, принятое Церковію толкованіе св. Писанія св. отцами, гдѣ со всей очевидностію устанавливается подлинный смыслъ текста, раскольники-старообрядцы берутъ на себя дерзость изъяснять текстъ такъ, какъ это представляется для нихъ желательнымъ. Они не обращаютъ вниманія на то, что усвояемый ими нѣкоторымъ мѣстамъ смыслъ сопровождается большими натяжками и противорѣчитъ прямому, ясному смыслу многочисленнѣйшихъ мѣстъ св. Писанія. Такому же произволу подвергаются и святоотеческія творенія, и каноны церковные. Выхватывается отдѣльная фраза безъ связи съ предъидущимъ и послѣдующимъ и, безъ всякой благоразумной предосторожности и желанія разсмотрѣть подлинный смыслъ ея, усвояется ей желаемый смыслъ, послѣ чего она становится уже основаніемъ раскольническаго вѣрованія и апологіи. Такъ создалось раскольническое вѣроученіе, въ высшей степени не основательное, тѣмъ не менѣе считающееся истинными послѣдователями раскола вполнѣ непогрѣшимымъ.

Чтобы бороться противъ такого ученія, нужно прежде всего показать ложность его въ самомъ корнѣ, т. е., ложность самыхъ источниковъ, откуда оно произошло. Прежде всего, нужно указать, что суемудріе самыхъ расколоучителей не можетъ имѣть мѣста въ числѣ источниковъ вѣроученія. Нужно, далѣе, указать, что и истинными источниками вѣроученія-св. Писаніемъ и св. Преданіемъ нужно пользоваться извѣстнымъ образомъ, именно, смыслъ св. Писанія нужно заимствовать изъ толкованій св. отцовъ. При пользованіи же послѣдними, нужно всегда держать въ мысли то, что св. отцы старались утвердить истину Евангелія, поэтому, если бы у кого нибудь изъ

нихъ нашлось что—либо несоотвѣтствующее евангельской истинѣ, утвержденной общимъ голосомъ св. отцовъ, то оставлять безъ вниманія, какъ ошибочное мнѣніе частнаго лица. Признаніе необходимости такого только водительства въ дѣлѣ вѣроученія—словомъ св. Писанія, изъясняемаго общимъ голосомъ св. отцовъ, должно очистить раскольническое вѣроученіе отъ примѣси суемудрія ихъ уважаемыхъ наставниковъ и поставить его на основахъ св. Писанія и Преданія Церкви. Дальнѣйшій ходъ борьбы опредѣляется уже самъ собою. Признаніе св. Писанія источникомъ вѣроученія заставитъ конечно вѣровать находящемуся тамъ ученію о вѣчности Церкви и необходимости для спасенія пребыванія въ ней и пользованія спасительными ея таинствами. Отсюда становилось яснымъ, что раскольники не могутъ имѣть несомнѣнной надежды на спасеніе; у безпоповцевъ нѣтъ ни іерархіи, ни таинствъ; поповцы же хотя имѣютъ то и другое, однако собственное священство появилось у нихъ недавно, слѣдовательно, нѣкоторое время церковь ихъ, лишенная іерархіи, была одолѣна вратами ада, чего, по Христову обѣтованію, случиться не могло; кромѣ того, принятіе Амвросія было противно церковнымъ канонамъ. Съ его поставленіемъ могли соглашаться послѣдователи ученія Павла Бѣлокриницкаго, но это ученіе было новымъ, Христомъ и апостолами не заповѣданнымъ и отцамъ Церкви невѣдомымъ. Такимъ образомъ, стоя на почвѣ св. Писанія и ученія отцовъ Церкви, старообрядцы должны отказаться отъ признанія своего общества церковію. У нихъ естественно долженъ былъ возникать послѣ этого вопросъ: если церковь неодолима и вѣчна, то гдѣ-же она? Ни римская, ни какая бы то ни была другая не могли присвоивать себѣ значенія православной Церкви, такъ какъ всѣ онѣ осуждены соборами. Оставалась неосужденною только греко-россійская церковь. По ихъ возрѣніямъ, въ этой церкви Никонъ ввелъ ереси. Безпристрастное разсмотрѣніе однако могло убѣдить всякаго, что всѣ исправленія въ православной Церкви, изъ-зачего отдѣлились старообрядцы, касались только обрядовой стороны, на что Церковь имѣетъ полное право, слѣдовательно, отдѣленіе старообрядцевъ не имѣетъ никакихъ основаній. Отсюда становилась ясною нелѣпость раскола и необходимость возсоединенія съ православною Церковію.—Вотъ самая естественная, самая цѣлесообразная схема борьбы защитниковъ православной Церкви съ расколомъ. Какъ, можетъ быть, ни простой покажется она на первый разъ, однако впервые примѣнилъ ее въ нашей противо-

раскольничьей полемикѣ только о. Павелъ. Какъ извѣстно намъ, самый его переходъ въ православную Церковь совершился такимъ образомъ. Прежде всего, какъ человѣкъ, не имѣвшій въ себѣ ни капли фанатизма и искренно стремившійся установить истину и устранить ложь въ своемъ раскольничьемъ воззрѣніи, Павелъ созналъ, что путемъ, ведущимъ къ этой истинѣ, можетъ служить только св. Писаніе и толкованіе его св. отцами. Явился, какъ извѣстно намъ, «Царскій путь». Дальнѣйшее шествіе его этимъ путемъ извѣстно. Вѣра въ неизмѣнность обѣтованія Христа о неодолѣнности Церкви заставила его искать Церковь, пока, наконецъ, онъ не обрѣлъ ее въ своемъ отечествѣ, предварительно уяснивши себѣ, что исправленія, раздѣлявшія его доселѣ съ ней, не касались существа вѣры, а только лишь обрядовой стороны, на что Церковь всегда имѣла полное право.

Обратимъ вниманіе на внутреннюю состоятельность указанной системы доказательствъ. Замѣчательно здѣсь то, что ни одно положеніе не можетъ быть отрицаемо со стороны старообрядцевъ. Не могутъ они отрицать, во первыхъ, того, что каждому христіанину спасеніе свое должно содѣловать, строго слѣдуя словамъ Спасителя и вообще св. Писанію, истолкованному св. отцами Церкви. Нельзя не согласиться, далѣе, и съ тѣмъ, что слѣдуя словамъ Христовымъ, нужно быть членомъ такой церкви, которая, согласно обѣтованію Христа, будучи неизмѣняемою, имѣетъ и теперь такое же устройство, какое нѣкогда сообщилъ ей Божественный Основатель ея Нельзя, далѣе, не сознать, что такой церковію можно только признать греко-россійскую церковь, ибо всѣ другія осуждены соборами, а православіе первой зазрѣвается старообрядцами совершенно не основательно, ибо измѣненіе обряда, если бы даже таковое и случилось, не нарушаетъ чистоты вѣры. Съ этимъ заключеніемъ долженъ былъ согласиться даже самый упорный раскольникъ, иначе, т. е. признавъ греко-россійскую церковь погрѣшившею, онъ тѣмъ самымъ призналъ бы, что всѣ церкви погрѣшимы, и оказался бы невѣрующимъ словамъ Спасителя, что Церковь Его не одолѣютъ никакіе враги и что она пребудетъ до скончанія вѣка. Не соглашаться съ указанными доводами могутъ только тѣ, кто не отдаетъ себѣ отчета въ томъ, во что и какъ они вѣруютъ.—Внѣшнее ручательство за дѣйствительность указаннаго способа обращенія можетъ представлять примѣръ самого о. Павла. Если такое свѣтило безпо-

повства склонилось предъ логическою необходимостью указаннаго метода доказательствъ, то, конечно, меньшая величина могла склониться тѣмъ скорѣе.

Представленная система доказательствъ по своимъ глубокимъ достоинствамъ, о чемъ мы только что сказали, обезсмертила имя о. Павла, какъ дѣятеля въ нашей противораскольничьей полемикѣ. Мы имѣли случай знакомиться съ характеромъ нашей противораскольничьей полемики, начиная отъ самаго ея появленія вплоть до конца шестидесятыхъ годовъ. Всѣ усилія полемистовъ того времени были направлены на споры объ обрядовыхъ разностяхъ, чтобы доказать преимущество новыхъ исправленій. Такой пріемъ мы наблюдаемъ и въ извѣстной книгѣ м. Григорія. Нельзя сказать, что мысль о различіи догмата и обряда была чужда полемистамъ того времени. Мысль эту мы встрѣчаемъ на страницахъ почти каждаго полемическаго сочиненія прежняго времени. Особенно же ясно прогляды-ваетъ она въ книгѣ архіепископа Θеофилакта: «сіи статіи», пишетъ онъ объ обрядовыхъ разностяхъ, «не суть догматы, но внѣшніе чины и обряды: не отъ Христа преданные, не отъ апостолъ проповѣданные, не отъ соборовъ уставленные, но благолѣпія ради, иныя же и невѣдомо откуда внесошася: того ради, аще и истинно была каковая перемѣна, не имѣлъ бы никто благословныя вины ко отступству»[1]). Однако подобнаго рода мысли высказывались вскользь и въ общей полемикѣ не только не занимали центральнаго положенія, но были даже едва примѣтны; кромѣ того, мысль о томъ, что разности не касались догматовъ, не была связана съ положеніемъ, что непогрѣшимость въ догматахъ составляетъ самый существенный признакъ истинности Церкви, церкви греко-россійской. Очевидно, полемика только лишь ощупывала точки опоры, только лишь искала вѣрный путь своего направленія, не представляя себѣ его ясно, почему и шла пока невѣрными шагами и не увѣнчивалась надлежащимъ успѣхомъ. Противъ всѣхъ доказательствъ и убѣжденій старообрядецъ могъ оставаться совершенно спокойнымъ; историко-археологическая почва, на которую сводились обыкновенно доказательства, давала ему достаточно опоры, чтобы оставаться при своемъ убѣжденіи. Теперь за правильность тѣхъ, или другихъ обрядовъ представлялось дѣломъ

---

[1]) „Обличеніе неправды раскольническія“, арх. Θеофилакта, л. 2 и об. также л. 21 и об.

второстепенной важности. Главнымъ же образомъ опредѣлялось то, составляютъ ли спорные обряды догматы вѣры, измѣнивъ которые, Великороссійская церковь утеряла православіе, а расколъ, сохранившій ихъ, пребываетъ въ древле-церковной истинѣ.

Вышеуказанная схема составляетъ существо полемики о. Павла. Ее онъ имѣлъ въ виду всегда—опровергалъ ли онъ какое либо раскольническое сочиненіе, бесѣдовалъ ли наединѣ съ какимъ либо раскольникомъ; въ особенности же выступаетъ указанное направленіе полемики о. Павла въ его оффиціальныхъ миссіонерскихъ собесѣдованіяхъ.

Указавъ на богатство и дѣйствительность средствъ, съ которыми о. Павелъ выступилъ на поприще противораскольничьей дѣятельности, постараемся охарактеризовать теперь самую дѣятельность его.

XI.

Характеристика миссіонерской дѣятельности о. Павла и противураскольничья дѣятельность его, какъ члена Братства св. Петра Митрополита.

Свою дѣятельность противъ раскола о. Павелъ обнаружилъ еще до формальнаго присоединенія къ православной Церкви. Послѣ того, какъ разставшись съ прусскою обителью, въ твердомъ намѣреніи присоединиться къ православной Церкви, о. Павелъ проживалъ въ Никольскомъ монастырѣ, святитель Филаретъ Московскій благословилъ его отправиться въ село Паимъ (Пензенск. губ.), для миссіонерскихъ бесѣдъ съ тамошними старообрядцами. Миссіонерскія поѣздки его съ этого времени начали повторяться почти каждый годъ. Слѣдующая поѣздка его (въ 1869—70 г.г.) къ Литовскимъ старообрядцамъ была вызвана желаніемъ многихъ изъ нихъ, усомнившихся въ истинности старообрядчества, просвѣтиться ученіемъ отъ православной Церкви [1]; въ этой поѣздкѣ о. Павелъ пробылъ 5 мѣсяцевъ. Слѣдующая поѣздка сюда же (въ 1871 г.) совершилась по просьбѣ уже тѣхъ, очень многихъ старообрядцевъ, кои, просвѣтившись бесѣдами о. Павла въ первое его посѣщеніе, вознамѣрились теперь присоединиться къ православной Церкви, при чемъ пожелали, чтобы совершителемъ присоединенія былъ о. Павелъ, о чемъ они и просили преосвящ. Іосифа, викарія Литовскаго [2]. Изъ Вильны, въ

---

[1]) Собр. соч. архим. Павла, ч. II, стр. 268.
[2]) Тамъ же, ч. II, стр. 337.

эту поѣздку, о. Павелъ путешествовалъ заграницу въ Климоуцы, такъ какъ и Климоуцкіе старообрядцы, тронутые примѣромъ о. Павла, присылали (въ 1870 г.) къ нему письмо, въ которомъ просили его пріѣхать къ нимъ и помочь ихъ намѣренію присоединиться къ православной Церкви; объ отпускѣ къ нимъ о. Павла они просили м. Иннокентія [1]). Въ 1871 году о. Павелъ совершаетъ и другую поѣздку—по Волгѣ; на пути въ свою родину—Сызрань,—онъ заѣзжаетъ въ близъ лежащіе города: Нижній, Казань, Симбирскъ, Самару, Саратовъ и во многія старобрядческія селенія и здѣсь ведетъ свои миссіонерскія бесѣды. Въ этой поѣздкѣ онъ пробылъ около пяти мѣсяцевъ. Слава о. Павла, какъ противураскольничьяго дѣятеля, скоро распространилась довольно широко. О немъ узналъ и преосвящ. Платонъ, архіеп. Донской, усердно боровшійся съ расколомъ. Въ цѣляхъ усиленія противураскольничьей дѣятельности, онъ отнесся къ м. московскому Иннокентію съ просьбой прислать на Донъ для собесѣдованія съ старообрядцами о. Павла [2]). При этомъ священникамъ своей епархіи разослалъ распоряженіе, чтобы они приняли о. Павла и содѣйствовали ему въ открытіи бесѣдъ съ старообрядцами. Въ 1873 году о. Павелъ совершилъ это путешествіе, употребивъ на него около трехъ мѣсяцевъ. Въ 1875 г. о. Павелъ ведетъ знаменитыя бесѣды въ г. Новоалександровскѣ, (Ковенск. губ.), въ г. Рѣжицахъ (Витебск. губ.), и въ Владимірской губерніи въ селахъ, расположенныхъ вблизи Гуслицкаго Спасо-Преображенскаго монастыря. Въ 1876 и 77 г.г. о. Павелъ отправляется на собесѣдованіе съ старообрядцами Кавказской епархіи. Путешествіе это вызвано было отношеніемъ къ м. Иннокентію Германа, еп. Кавказскаго (Ставропольскаго). Послѣднее миссіонерское путешествіе о. Павла было въ 1878 году на Донъ. Причиной, вызвавшей это путешествіе, было желаніе просвѣщенныхъ прежними собесѣдованіями о. Павла здѣшнихъ старообрядцевъ еще болѣе утвердиться въ слышанномъ ученіи и затѣмъ присоединиться къ православной Церкви; желали также эти старообрядцы показать и остальнымъ упорствовавшимъ своимъ собратьямъ, укорявшимъ ихъ въ отступничествѣ, что присоединеніе свое они совершаютъ вслѣдствіе твердаго убѣжденія въ ложности австрійской іерархіи и истинности православной Церкви: въ этомъ

---

1) Собран. сочин. архим. Павла ч. II, стр. 351.

2) Тамъ же, ч. II, стр. 459.

должны были убѣдить всѣхъ бесѣды о. Павла съ нарочито для этого случая приглашенными священниками австрійскаго поставленія [1]); путешествіе длилось три мѣсяца. Слабое здоровье о. Павла, сложность занятій его, какъ настоятеля монастыря, какъ члена, а потомъ предсѣдателя Братства Св. Петра митрополита, значительно препятствовали ему совершать новыя миссіонерскія поѣздки. Впрочемъ, съ развитіемъ противораскольничьяго миссіонерства въ нихъ уже и не чувствовалось прежней нужды; съ большею пользою о. Павелъ употреблялъ свободное отъ прямыхъ обязанностей время на писаніе противораскольническихъ сочиненій.

Въ миссіонерской дѣятельности о. Павла замѣчателенъ прежде всего взглядъ на такого рода служеніе православной Церкви. «Вы, отецъ, отъ кого посланы къ намъ и лежитъ ли на васъ какая обязанность бесѣдовать съ нами?» высокомѣрно спросилъ его однажды одинъ старообрядецъ—начетчикъ, очевидно не желая вступать съ нимъ въ какое бы то ни было собесѣдованіе. О. Павелъ отвѣчалъ: «если вы желаете знать, отъ кого я посланъ къ вамъ, то не обинуясь отвѣтствую, что я посланъ къ вамъ отъ Христа. И затѣмъ, чтобы такой отвѣтъ не оставался голословнымъ, а тѣмъ болѣе не подалъ бы повода къ подозрѣнію въ тщеславіи, о. Павелъ такъ доказываетъ основательность своего отвѣта. «Христосъ послалъ апостоловъ», говоритъ онъ, «апостолы, продолжая порученное имъ дѣло поставили епископовъ и по преемству отъ нихъ посланъ къ вамъ преосвященный Александръ.., а чрезъ него... отъ Самого Христа,... посланъ къ вамъ и я» [2]).

Усердіе о. Павла въ дѣлѣ миссіонерства было необыкновенное. Мы уже имѣли случай говорить о слабости его организма. Но святая ревность укрѣпляла на апостольское служеніе и эти силы, съ каждымъ годомъ ослабѣвавшія отъ старческой немощи и отъ изнуренія аскетическимъ образомъ жизни. Ничто, кажется, не въ состояніи было ослабить этой пламенной энергіи. Миссіонерскія путешествія о. Павелъ любилъ совершать обыкновенно осенью. Изможденный, постоянно боровшійся съ одолѣвавшими его болѣзнями, старецъ не хотѣлъ даже обращать вниманія на неудобства, создаваемыя этимъ временемъ года, хотя онѣ могли имѣть для его жизни роковое значеніе. Онъ имѣлъ въ виду только то, чтобы бесѣдовать

---

1) Собр. соч. архим. Павла, ч. II, стр. 506.
2) Тамъ же, ч. II, стр. 514.

съ возможно большимъ количествомъ народа, который къ осени только и оказывался свободнымъ отъ своихъ работъ какъ въ полѣ, такъ и на промыслахъ.

Для его проповѣдничества, казалось, не существовало никакихъ преградъ. Случалось, что для переѣзда изъ одной деревни въ другую не имѣлось лошадей. Слабый старецъ путешествовалъ тогда «пѣшечкомъ и съ мѣшечкомъ»[1]). Во время одной изъ миссіонерскихъ поѣздокъ о. Павлу необходимо было изъ одной деревни переправиться въ другую. Но весенняя оттепель испортила пути сообщенія на столько, что ѣзда на лошадяхъ оказывалась невозможной. Тогда о. Павелъ рѣшился отправиться туда пѣшкомъ, а старопечатныя книги, которыхъ онъ возилъ съ собою цѣлый сундукъ, были переправлены на салазочкахъ[2]).

Усердіе о. Павла къ собесѣдованіямъ не хотѣло знать никакихъ границъ. Онъ могъ бесѣдовать по двѣнадцати часовъ сряду[3]) и только совершенное изнеможеніе заставляло его прекращать бесѣды. Самый короткій сонъ, или даже облокотиться на столъ о. Павелъ считалъ уже за достаточный отдыхъ[4]). Столько стекалось къ нему старообрядцевъ и изъ города, и изъ различныхъ деревень, столько предлагалось ему для разрѣшенія разныхъ недоумѣній, что отъ этихъ продолжительныхъ бесѣдъ о. Павелъ совершенно разстраивалъ свой и безъ того хилый организмъ[5]). Однако это его ни мало не безпокоило: онъ исполнялся великою радостью, видя, что «малый трудъ его безъ пользы для святой Церкви не остается»[6]). Это сознаніе заставляло его совершенно забывать о понесенныхъ лишеніяхъ. «Представляетъ мнѣ моя совѣсть», говоритъ о. Павелъ, сообщая о своей поѣздкѣ въ Литву, «что это пятимѣсячное путешествіе для меня было не что иное, какъ пріятная поѣздка для свиданія со старыми знакомыми и друзьями, для утѣшительной бесѣды съ ними о ближайшихъ сердцу нашему предметахъ»[7]).

Старообрядцы стекались къ о. Павлу толпами; приходили послушать бесѣду самые закоренѣлые изъ нихъ[8]). Часто ни одинъ

---

1) Собр. соч. архим. Павла, ч. II, стр. 415.
2) Тамъ же, II, 466.
3) Тамъ же, I, 599.
4) Тамъ же, II, 298—299.
5) Тамъ же, II, 286.
6) Тамъ же, II, 336.
7) Собр. соч. арх. Павла, ч. II, стр. 336.
8) Тамъ же, ч. II, 292.

домъ не могъ вмѣстить массы слушателей и собесѣдованіе происходило на открытомъ воздухѣ—подъ сараемъ, въ оградѣ часовни и т. д.[1]). Случалось, что приходившіе на бесѣду съ грубыми намѣреніями—осмѣять пріѣхавшаго миссіонера становились на ряду съ другими очень внимательными членами собесѣдованія, призадумывались и подъ конецъ разговаривали съ о. Павломъ любовно, а провожали его уже дружески[2]). Бесѣды о. Павла производили такое сильное и пріятное впечатлѣніе на старообрядцевъ, что они не только не избѣгали ихъ, а, наоборотъ, просили даже о. Павла о новыхъ собесѣдованіяхъ[3]). Изъ обычно упорныхъ фанатиковъ, подъ вліяніемъ мягкаго слова о. Павла, они становились болѣе или менѣе безпристрастными и своею искренностію часто радовали и утѣшали о. Павла[4]). Случалось также не разъ, что эти фанатики и ненавистники проповѣдниковъ православной Церкви настолько трогались кроткою рѣчью о. Павла и настолько проникались симпатіями къ нему, что провожали его съ хлѣбомъ и солью и прощаніе съ нимъ вызывало у многихъ изъ нихъ искреннія слезы[5]). Новый пріѣздъ о. Павла къ тѣмъ, которыхъ онъ успѣлъ уже познакомить съ характеромъ своего миссіонерства, дѣлался настоящимъ праздникомъ въ окрестности. Встрѣчали его съ хлѣбомъ и солью[6]); народъ бросалъ свои работы и собирался толпами послушать его бесѣду.

Убѣдительность рѣчи о. Павла была слишкомъ велика. Присоединеніе совершалось десятками человѣкъ и результатомъ миссіонерства о. Павла обыкновенно являлось устройство единовѣрческихъ церквей и приходовъ[7]). О томъ, насколько дѣйствительно простиралась убѣдительность рѣчи о. Павла, можетъ свидѣтельствовать слѣдующій случай. «Евтихій, мальчикъ лѣтъ двѣнадцати», разсказываетъ о. Павелъ, «нѣсколько разъ приходилъ ко мнѣ просить, чтобы я присоединилъ его къ церкви. Говорю ему: ты малолѣтенъ, я не могу присоединить тебя безъ воли родителей, пойди, приведи отца, или мать, пусть они скажутъ, что даютъ позволеніе. Мальчикъ

---

[1]) Въ станицѣ Червленой, во время путешествія о. Павла по Кавказской епархіи, собралось такое множество народа, котораго не бывало и на сходкахъ по общественнымъ дѣламъ. Кавк. еп. вѣд. 77 г. стр. 163.

[2]) Собр. соч. архим. Павла, ч. II, стр. 496.

[3]) Тамъ же, II, 320. 508.

[4]) Тамъ же, II, 495.

[5]) Тамъ же, II, 320.

[6]) Тамъ же, II, 263. 336. 459. 484.

[7]) Кавказск. еп. вѣд. 77. стр. 168.

упросилъ свою мать, которая пришла и дала свое позволеніе. Желая испытать усердіе мальчика, я опять сказалъ ему: одного тебя присоединять не стану, а ты найди себѣ товарища, другого мальчика: тогда присоединю обоихъ. Онъ пошелъ, хлопоталъ дня два, и потомъ привелъ сверстника, съ которымъ также пришла мать и я долженъ былъ покориться, видя ихъ усердіе»[1]). Впечатлѣніе, производимое бесѣдами о. Павла, простиралось даже на тѣхъ, кои не понимали содержанія его рѣчи. «Одинъ глухонѣмой», говоритъ о. Павелъ, «пришелъ, кланяется и проситъ помазать его святымъ мѵромъ. Видя усердіе пришедшаго, я не усумнился принять его въ церковь: а онъ за вѣру свою удостоился въ послѣдствіи принять біеніе отъ безпоповцевъ и тако злостраданіемъ засвидѣтельствовалъ свою вѣрность святой Церкви»[2]).

Силѣ производимаго собесѣдованіями о. Павла впечатлѣнія много способствовала также безотвѣтность предъ нимъ наставниковъ раскола. Величіе личности о. Павла, какъ обличителя раскола, созидается собственно тѣмъ фактомъ, что онъ былъ изъ ряда выдающійся раскольническій начетчикъ, знавшій всѣ мельчайшія тонкости раскольнической апологетической и полемической діалектики, знавшій, проповѣдывавшій, защищавшій и затѣмъ, предъ самимъ же собою, и опровергнувшій всю эту причудливую махинацію. Въ бесѣдахъ съ раскольниками онъ уже зналъ, что ему предложатъ и какимъ образомъ разрѣшается предложенное. О. Павла могъ поставить въ недоумѣніе,—и то на самое непродолжительное время, только такой человѣкъ, который бы въ начетничествѣ и знаніи раскола далеко превосходилъ его самого, которому удалось бы найти какое либо новое, доселѣ неизвѣстное оправданіе раскола, разрѣшеніе котораго не могло бы состояться даже на основаніи всего того, что зналъ о. Павелъ относительно раскола и его опровер-

---

1) Собр. соч. арх. Павла, ч. II, стр. 300—301.

2) Тамъ же, II, 298—299. Рѣчь о. Павла помимо собесѣдованій съ старообрядцами вообще отличалась необыкновенной убѣдительностію. Въ Херсонесѣ, гдѣ онъ лѣчился нѣкоторое время, пришлось ему встрѣтиться съ блестящимъ молодымъ офицеромъ, человѣкомъ ученымъ, но невѣрующимъ. Въ обоюдныхъ разговорахъ рѣчь шла преимущественно о предметахъ религіозныхъ и въ результатѣ вышло, что молодой невѣрующій ученый, подъ вліяніемъ проповѣди о. Павла, сдѣлался истиннымъ христіаниномъ. Братск. сл. 96 г. Апрѣль, стр. 10.

нія. Не говоримъ, что такое возраженіе невозможно, но представить его все-таки очень трудно. Въ самомъ дѣлѣ, кто изъ бѣглопоповцевъ могъ поспорить съ тѣмъ, кто поставилъ въ тупикъ даже самого о. Павла Бѣлокриницкаго? Кто изъ безпоповцевъ надѣялся одолѣть того самаго Павла, предъ авторитетомъ котораго онъ такъ недавно съ благоговѣніемъ преклонялся? Наставники раскола чувствовали всю силу о. Павла, прекрасно понимали, въ какомъ положеніи окажутся они предъ нимъ и, боясь безотвѣтности и посрамленія, по большей части отказывались отъ бесѣдованія съ нимъ, при чемъ выдумывались всякія причины: болѣзнь, недосугъ и т. п.[1]). Иные, за невозможностію отказаться, хотя и обѣщались явиться на бесѣду, однако часто это обѣщаніе такъ и оставалось обѣщаніемъ: наступало время собесѣдованія и оказывалось, что наставникъ обманулъ своимъ обѣщаніемъ[2]). Иногда никакія просьбы со стороны самихъ же раскольниковъ не могли препобѣдить боязни нѣкоторыхъ изъ наставниковъ явиться на собесѣдованіе съ о. Павломъ. Когда одного наставника чуть не насильно тащили на собесѣдованіе, онъ, вырываясь, вскричалъ: «руку оторву, а на собесѣдованіе не пойду»! Такое упорство очень понятно: идти на собесѣдованіе значило идти на самопосрамленіе. Тѣ смѣльчаки, которые отваживались публично возражать о. Павлу, обыкновенно со всею ясностію уличались въ неосновательности приводимыхъ доводовъ и оставались въ концѣ бесѣды совершенно безотвѣтными[3]). Оставляя паству свою совершенно безъ защиты, они все же лучше дѣлали, чѣмъ если бы являлись защищать ее: въ первомъ случаѣ, все ихъ невѣжество и неосновательность не такъ осязательно давали себя чувствовать. «Если мы», говорили наставники, «явимся на бесѣду, а на вопросы отвѣтить не можемъ, то послѣ и съ народомъ говорить намъ будетъ трудно,— скажутъ: почему вы тогда замолчали и отвѣта не дали? А ежели не пойдемъ на бесѣду, то можемъ и послѣ безъ сумнѣнія учить народъ»[4]). Сила убѣдительности о. Павла иногда, впрочемъ, была

---

[1]) Собр. соч. архим. Павла, ч. II, стр. 295, 302, 321, 460, 461, Брат. сл. 75 г. 3 т. стр. 266.

2) Собр. соч. арх. Павла. II, 306. Брат. сл. 75 г. I, 98. Къ такой манерѣ прибѣгалъ неоднократно даже самъ Онисимъ Швецовъ (Брат. сл. 86 г. II, стр. 136.

[3]) Собр. соч. арх. Павла, ч. II, стр. 521, 534, 545, 306, 464, 414.

[4]) Тамъ же, II, 306.

такъ велика, что предъ ней ломалось даже и упорство наствника, ковъ раскола и они вмѣстѣ съ своими пасомыми просили о. Павла о присоединеніи ихъ къ Церкви.

Кромѣ бесѣдъ, связанныхъ съ миссіонерскими путешествіями о. Павелъ велъ собесѣдованія съ старообрядцами въ своемъ монастырѣ. По примѣру собесѣдованій, происходившихъ въ прусскомъ монастырѣ, о. Павелъ задумалъ ввести и здѣсь собесѣдованія, главною цѣлью которыхъ было теперь вразумленіе старообрядцевъ. Начались эти собесѣдованія съ великаго поста 1869 года и происходили каждый воскресный и праздничный день обыкновенно по окончаніи вечерни. Какъ въ прусской киновіи, такъ и здѣсь по прежнему выходилъ маститый настоятель и начиналось чтеніе святоотеческихъ твореній, имѣющихъ отношеніе къ отдѣляющимъ расколъ разностямъ, при этомъ желающіе изъ старообрядцевъ могли возражать и такимъ образомъ начиналась оживленная бесѣда. Развитію и широкому значенію этихъ собесѣдованій много способствовало самое мѣстоположеніе монастыря: на прилегающемъ къ нему лугу издавна вошло въ привычку у москвичей собираться по праздникамъ для преній о разностяхъ въ вѣрѣ. Собесѣдованія о. Павла явились, такимъ образомъ, какъ нельзя болѣе кстати. Импровизированнымъ собесѣдованіямъ было отведено теперь соотвѣтствующее важности дѣла мѣсто—храмъ, водворенъ извѣстный порядокъ и вообще сохранены условія, безъ которыхъ означенныя собесѣдованія ранѣе представляли собой однѣ безплодныя словопренія. На открытыя о. Павломъ собесѣдованія собиралась такая масса народа, что часто храмъ едва могъ вмѣстить количество собравшихся и опытный, искусный собесѣдникъ съ высокой радостью сѣялъ на этой нивѣ сѣмена истины о святой Церкви, разъясняя Писанія, святоотеческія творенія и разрѣшая недоумѣнія и возраженія со стороны старообрядцевъ [1]). Доказательности, а слѣдовательно, и убѣдительности бесѣдъ о. Павла много способствовала находящаяся въ этомъ монастырѣ Хлудовская библіотека, куда можно было непосредственно обращаться, если бы кто не повѣрилъ встрѣчающимся въ собесѣдованіи ссылкамъ на тѣ, или другіе историческіе документы, по поводу какихъ либо спорныхъ вопросовъ.

---

[1]) Душеполезн. Чтен. 69 г. ч. 2, стр. 74. „Бесѣды въ Никольскомъ монастырѣ“.

Кромѣ указанныхъ бесѣдъ чисто оффиціальнаго характера, о. Павелъ долженъ былъ удѣлять слишкомъ много времени на собесѣдованія частнаго и, такъ сказать, домашняго характера. Какъ мы замѣчали уже, о. Павелъ пользовался у старообрядцевъ чрезвычайнымъ авторитетомъ. По переходѣ его въ православную Церковь, къ нему, какъ къ опытному духовному врачу, стекались со всѣхъ концовъ широкой Руси старообрядцы, недовольные своею раскольничьею вѣрою и желавшіе получить разрѣшеніе таившихся у нихъ сомнѣній. О. Павелъ съ великою радостью оказывалъ таковымъ съ своей стороны, что только могъ. Въ подтвержденіе бесѣдъ своихъ онъ показывалъ имъ вещественныя доказательства, хранившіяся въ Хлудовской библіотекѣ, водилъ ихъ по Москвѣ, при чемъ останавливалъ ихъ вниманіе на историческихъ памятникахъ, способствовавшихъ разъясненію истины о св. Церкви. Изъ такихъ, мучившихся сомнѣніями старообрядцевъ, всегда гостило у о. Павла человѣка два—три [1]). Искусство и сердечность бесѣдъ о. Павла въ тишинѣ келіи производили большое впечатлѣніе на людей, получившихъ еще ранѣе наклонность къ обращенію въ православную Церковь, и имѣли въ большинствѣ случаевъ рѣшающее значеніе въ ихъ присоединіи. «О, эта убогая келія»! восклицаетъ одинъ изъ хорошо знавшихъ келейную жизнь о. Павла, «сколько болѣющихъ душою въ отчужденіи отъ Церкви принялъ въ ней ея любвеобильный хозяинъ, предлагая пришельцамъ и тѣлесный покой и духовную пищу и отпуская ихъ утѣшенными, вразумленными и большей частію примиренными съ православной Церковію!» [2])

Какъ велись самыя бесѣды?

Мы познакомились уже съ той схемой наиболѣе цѣлесообразной борьбы съ расколомъ, которая образовалась у о. Павла, какъ продуктъ его знаній и собственнаго опыта. И если гдѣ, то въ особенности въ собесѣдованіяхъ приложеніе указанной схемы было наиболѣе естественнымъ и цѣлесообразнымъ. Такимъ образомъ, на первомъ планѣ бесѣды устанавливалась та истина, что какъ вѣроученіе, такъ и спасеніе свое должно основывать на св. Писаніи, при чемъ въ пониманіи и толкованіи его должно непремѣнно руководиться авторитетнымъ источникомъ,—именно твореніями св. отцовъ

---

[1]) Братск. сл. 84 г. I, стр. 263.

[2]) Братск. сл. 93 г. I, 336. „Празднованіе двадцатипятилѣтія".

Церкви. «Обвиняемая сторона должна оправдывать себя св. Писаніемъ и тяжесть обвиненія также должна утверждаться на Писаніи, такъ что если какое обвиненіе будетъ предложено кромѣ Писанія, разсмотрѣнію не подлежитъ, а требуетъ только замѣчанія, что оно несправедливо»,—таково одно изъ первыхъ условій, которымъ о. Павелъ предварялъ свои бесѣды [1]). Установленіе этого положенія не касается спорныхъ предметовъ, выслушивается обыкновенно спокойно и принимается всѣми [2]).

Къ обоснованію указаннаго положенія—необходимости слѣдованія св. Писанію, о. Павелъ въ началѣ бесѣды направляетъ и силы свои и вниманіе слушателей. Онъ выясняетъ не только то, что должно вѣровать Евангелію [3]), но и то, что должно вѣровать не части, а всему Евангелію [4]), что должно вѣровать въ непреложную и вѣчную дѣйствительность евангельскихъ словесъ, что должно не только вѣровать, но и проводить ихъ въ свою жизнь, что поступающій иначе будетъ осужденъ и т. д. Это введеніе имѣетъ нарочитую обстоятельность для той цѣли, чтобы, когда будетъ изъ божественнаго Писанія возвѣщаема истина, никто бы уже не имѣлъ права не вѣрить ей и оправдывать себя какимъ бы то ни было способомъ.

Истины же, которыя далѣе выводилъ о. Павелъ изъ св. Писанія, были слѣдующія. Господь далъ обѣтованіе о своей Церкви, что она пребудетъ неодолѣнною отъ вратъ адовыхъ,—неодолѣнною—т. е. останется до пришествія Христова съ тѣмъ устройствомъ (съ іерархіею и таинствами), которое сообщилъ ей Самъ Основатель. Такою церковію, очевидно, и была грекороссійская церковь, имѣющая въ себѣ всю полноту сообщеннаго ей Христомъ устройства и неосужденная соборами. Что же касается обвиненія этой церкви старообрядцами, будто она допустила въ себѣ ереси, то отвѣтомъ на это служило уясненіе понятія о догматѣ и обрядѣ и православіе грекороссійской церкви, какъ допустившей у себя исправленія только лишь обрядовой стороны, на что она имѣетъ полное право, становилось очевиднымъ.

---

[1]) Собр. сочин. архим. Павла, ч. I, стр. 570; 601.

[2]) Тамъ же, ч. III, стр. 393—397.

[3]) Тамъ же, ч. I, стр. 571, 601.

[4]) Тамъ же, ч, I, стр. 572, 602.

Таковъ былъ главный планъ собесѣдованій о. Павла. Содержаніе же его зависѣло отъ собесѣдниковъ противоположнаго лагеря. При невыработанности старообрядческаго вѣроученія, представители его, при нѣкоторомъ сходствѣ въ общемъ, въ возраженіяхъ частнаго характера обнаруживаютъ чрезвычайное различіе, обусловливаемое степенью понятливости и начитанности каждаго.

Бесѣду о. Павелъ велъ, исключительно основываясь на старопечатныхъ книгахъ. Безъ этого условія собесѣдованіе не могло имѣть болѣе или менѣе виднаго успѣха въ отношеніи вразумленія старообрядцевъ. Какъ имѣли мы уже случай замѣчать, старообрядцы вѣрятъ только лишь старопечатнымъ книгамъ; они воображаютъ даже, что въ этихъ книгахъ и находится безусловное оправданіе ихъ воззрѣній. Мы видѣли, какъ неподготовленность нашихъ миссіонеровъ и въ частности ихъ собесѣдованія, не опиравшіяся на старопечатныхъ книгахъ, сообщали старообрядцамъ увѣренность въ справедливости ихъ воззрѣній на значеніе старопечатныхъ книгъ и они, въ кичливомъ превозношеніи, тономъ безпредѣльной самоувѣренности требовали отъ православныхъ собесѣдниковъ показать вѣрность своихъ замѣчаній «справедливымъ доказательствомъ отъ божественныхъ писаній», въ противномъ же случаѣ считали ихъ рѣчь «духомъ лестчимъ», «ядомъ аспидовымъ», «зеліемъ отравляющимъ души христіанскія». По отношенію къ бесѣдѣ о. Павла думать и говорить такимъ образомъ было невозможно. Здѣсь именно все основывалось на доказательствахъ отъ божественнаго Писанія, не вѣрить которымъ значило только безумно упорствовать. Избравши, тщательно установивши мысль, въ которой нужно убѣдить собесѣдника, о. Павелъ продолжаетъ бесѣду такимъ образомъ. Прежде всего, представляя извѣстный путь въ доказательствахъ, онъ не уклоняется отъ него; его въ этомъ случаѣ замѣчательна настойчивость. Далѣе, какъ только доказана часть разбираемаго положенія, онъ останавливается и подтверждаетъ нарочито собесѣднику добытую истину, чтобы, такимъ образомъ, самый процессъ доказательства былъ ясенъ и слѣдствія его очевидны. Получаемыя новыя слѣдствія изъ принятыхъ прежде положеній о. Павелъ опять старается поставить на видъ, чтобы, при полномъ убѣжденіи въ ихъ истинности, противникъ уже не возражая соглашался съ слѣдствіями, выводимыми изъ нихъ, при дальнѣйшемъ ходѣ бесѣды.

Нужно замѣтить, впрочемъ, что, какъ этотъ планъ, такъ и надлежащее выполненіе его имѣли довольно рѣдкое приложеніе въ бесѣдахъ о. Павла. Случалось это тогда, когда миссіонерская бесѣда въ виду своей чрезвычайной оффиціальности, въ виду громаднаго стеченія народа, въ виду враждебной настроенности старообрядцевъ и видимаго старанія отыскать поводъ къ осмѣянію пріѣхавшаго миссіонера, требовала всей внимательности и осторожности [1]). Въ такихъ случаяхъ о. Павелъ упорно держался принятого плана и не позволялъ ни себѣ, ни собесѣдникамъ даже малѣйшаго отступленія. Въ такихъ случаяхъ не полагалось отступленія и отъ того перваго условія, чтобы, какъ обвиненіе, такъ и оправданіе имѣли для себя основаніе только лишь въ св. Писаніи, истолкованномъ св. отцами Церкви. Поэтому въ такого рода бесѣдахъ такъ часто слышится вопросъ о. Павла на извѣты старообрядцевъ: «а гдѣ то писано?» и этотъ вопросъ очень часто повергаетъ его собесѣдниковъ въ совершенное безмолвіе. Тщетно иной, наивный, вздумаетъ сослаться на Соловецкую челобитную, или на какой нибудь источникъ такого же достоинства. О. Павелъ вразумительно замѣтитъ ему: «ты Христа слушать не хочешь, а я буду слушать Азарія»! Но полное примѣненіе къ собесѣдованіямъ указаннаго плана, говоримъ, случалось очень рѣдко. Для надлежащаго выполненія его требовалось очень много времени и напряженнаго вниманія слушателей. Иногда такого рода собесѣдованія продолжались дня по три, при чемъ каждый день бесѣдовали часовъ семь—восемь [2]), Такія бесѣды, образуя довольно сильное общее настроеніе слушателей въ пользу проповѣдника православной Церкви, ослабляли въ тоже время его цѣльность. Нужно было участвовать въ этой бесѣдѣ и при томъ обладать извѣстной силой синтеза, чтобы представить все величіе такого рода бесѣды. Не всякому даже начетчику изъ старообрядцевъ было вмѣстимо это, не говоря уже о простыхъ людяхъ. А между тѣмъ миссіонерскія собесѣдованія нужны были именно этимъ простецамъ и они всегда составляли преимущественный контингентъ слушателей. Случалось также и то, что сами старообрядцы не хотѣли бесѣдовать ни о чемъ

---

[1]) Таковы знаменитыя его бесѣды въ г. Александровскѣ Ковен. губ. (Собр. сочин. арх. Павла ч. I, 569), въ г. Рѣжицахъ (Витебск. губ. ч. I, стр. 599) въ бесѣдѣ съ старообрядцами, пріемлющими австрійскую іерархію (ч. II, 523).

[2]) Таковы указанныя бесѣды въ Рѣжицахъ и Новоалександровскѣ.

другомъ, какъ только, напр., о перстосложеніи, гдѣ они воображаютъ себя непобѣдимыми [1]). Планъ и характеръ собесѣдованій о. Павла такимъ образомъ долженъ былъ мѣняться сообразно обстоятельствамъ. Однако, замѣчательно при этомъ то, что какой бы характеръ ни носила бесѣда, основами ея были непремѣнно указанныя выше черты: а) необходимость вѣрованія въ Евангеліе, изъясняемое св. отцами Церкви; b) понятіе о церкви: с) понятіе о догматѣ и обрядѣ. Мало этого, по окончаніи каждой бесѣды, носившей случайный характеръ, и не выражавшей непобѣдимой и неотвратимой извѣстной намъ противораскольничьей схемы о. Павла, онъ непремѣнно постарается хотя въ самыхъ краткихъ чертахъ сдѣлать ее заключеніемъ своего собесѣдованія, связавши ее конечно съ предъидущею, заключавшеюся въ собесѣдованіи мыслію. Безъ этого у него не обходится ни одна бесѣда. Въ своихъ совѣтахъ, какъ вести бесѣды съ старообрядцами, онъ нарочито говоритъ о томъ, что, по окончаніи бесѣды о предметѣ, разсмотрѣніе котораго вопреки намѣреніямъ миссіонера потребовалось самыми старообрядцами, не должно оставлять вышеуказаннаго плана относительно бесѣдъ и приступить къ выполненію онаго [2]). За неимѣніемъ времени, истраченнаго на предшествовавшее собесѣдованіе, за утомленіемъ, вслѣдствіе той же причины, вниманія у самыхъ слушателей, указанный настоятельный совѣтъ о. Павла можетъ имѣть осуществленіе, какъ и у самого о. Павла, только лишь въ общихъ чертахъ. Но тѣмъ не менѣе, онъ бываетъ настоятельно потребнымъ для того, чтобы въ немъ, какъ въ фокусѣ, кратко и ясно показать старообрядцамъ ихъ неправость и несостоятельность.

Бесѣда измѣнялась не только въ планѣ. Какъ замѣтили мы, свои доказательства о. Павелъ черпалъ изъ старопечатныхъ книгъ, каковыя доказательства только лишь и принимаются во вниманіе старообрядцами. Но собесѣдованіе такимъ именно пугемъ могло бы имѣть постоянное приложеніе въ такомъ лишь случаѣ, если бы сами старообрядцы всѣ свои полемическіе и апологетическіе доводы также основывали на старопечатныхъ книгахъ. На дѣлѣ оказывается, что въ старобрядческихъ разсужденіяхъ существуетъ двѣ различныхъ до противоположности точки зрѣнія. Одну можно назвать коренною старообрядческою, другую—вынужденною обстоя-

---

[1]) Собр. сочин. архим. Павла, ч. III, стр. 400.

[2]) Собр. сочин. архим. Павла ч. III, стр. 400.

тельствами. Первая отражаетъ въ себѣ старообрядческій духъ во всей его чистотѣ, послѣдованіе старинѣ вообще и послѣдованіе старопечатнымъ книгамъ въ частности составляетъ ея девизъ. Но эта точка зрѣнія имѣетъ приложеніе у нихъ только лишь въ обличеніяхъ, направленныхъ по адресу православной Церкви, измѣнившей якобы старину. Собственно эта же точка зрѣнія должна бы имѣть значеніе и въ апологіи старообрядства. Однако, въ теченіи своемъ старообрядческая жизнь слишкомъ уклонилась отъ предписаній, находящихся въ старопечатныхъ книгахъ; пользованіе ими оказывается уже невозможнымъ. Старообрядцы по неволѣ должны искать для себя другую точку опоры; такую опору за неимѣніемъ ея ни въ св. Писаніи, ни въ старопечатныхъ книгахъ, они по необходимости должны были искать и найти въ соображеніяхъ разума. О такомъ противорѣчіи въ принципахъ вѣроученія старообрядцы не думаютъ вовсе. Съ полной искренностію они готовы допустить тысячи противорѣчій для кажущагося оправданія своей лжи. Вооружаясь противъ разумныхъ доказательствъ со стороны православныхъ и называя ихъ «хитросплетеніемъ и мудрованіемъ лжеименнаго разума, хитросплетеніемъ и мудрованіемъ многомутными и бездѣльными, дѣлаемыми на прелесть душамъ человѣческимъ»[1]), сами однакоже нисколько не стѣсняются употреблять на мнимую пользу себѣ такое хитросплетеніе и мудрованіе. Конечно, отъ православнаго собесѣдователя зависитъ дать мѣсто послѣднему способу доказательствъ, или же устранить его, какъ совершенно незаконный: старообрядцы не имѣютъ основаній для возраженій въ этомъ случаѣ. Однако православному миссіонеру нельзя не считаться съ указаннаго рода оправданіемъ старообрядцевъ, потому что, не смотря на незаконность этихъ оправданій, крайнюю несостоятельность ихъ, старообрядцы тѣмъ не менѣе считаютъ ихъ вполнѣ законнымъ и надежнымъ оплотомъ своихъ религіозныхъ воззрѣній. Такимъ образомъ, пока разрушающая логика православнаго миссіонера не коснется ихъ, до тѣхъ поръ увѣщанія старообрядцевъ на основаніяхъ св. Писанія и старопечатныхъ книгъ не будутъ имѣть надлежащаго успѣха. Поэтому и въ своихъ собесѣдованіяхъ о. Павелъ по необходимости долженъ былъ ввести новый элементъ,—это доказательства, основанныя на соображеніяхъ разума, какъ отвѣтъ на доказательства такого же рода выставляе-

---

[1]) Руков. для с. п. 62 г. т. 3, стр. 579.

мыя со стороны старообрядцевъ. Очень часто встрѣчаемъ мы, поэтому, что о. Павелъ, вмѣсто того, чтобы сказать своему собесѣднику: «это вы отъ своего разума говорить изволите», или «а гдѣ это писано»?—съ большой охотой развиваетъ свои доказательства въ области соображеній здраваго смысла.

Если въ доказательствахъ отъ св. Писанія и старопечатныхъ книгъ выступаетъ замѣчательное начетничество о. Павла, то въ доказательствахъ послѣдняго рода выступали во всемъ блескѣ природныя способности его ума и чрезвычайная начитанность. Глубина анализа мыслей противника, находчивость и сообразительность, тонкость и ясность мысли о. Павла выступаетъ въ этого рода случаяхъ съ замѣчательной рельефностію. Обыкновенно съ указаннаго рода возраженіями о. Павелъ справлялся такимъ образомъ. Не спѣша, не горячась, онъ даетъ противнику полную свободу высказать свои соображенія по тому или другому предмету; на минуту соглашается съ нимъ, но непосредственно же за этимъ выдвигаетъ цѣлый рядъ очевидныхъ, доказанныхъ и для самого старообрядца несомнѣнныхъ истинъ, которымъ противорѣчитъ допущенное раньше положеніе и такимъ образомъ несостоятельность противника обнаруживается сама собой [1]). Впрочемъ, о. Павелъ не довольствуется такого рода доказательствомъ отъ противнаго и почти всегда заключаетъ рѣчь доказательствами положительнаго характера и отнимаетъ у раскольника всякую возможность защиты своего положенія. Иногда о. Павелъ пускаетъ прямое опроверженіе непосредственно за возраженіемъ [2]).

Когда о. Павелъ въ своей полемикѣ стоялъ на почвѣ разумныхъ соображеній и, оставляя привычный, вполнѣ надежный и прекрасно изслѣдованный имъ ходъ доказательствъ отъ божественныхъ Писаній, искалъ ихъ въ случайныхъ источникахъ, то однимъ изъ такихъ, наиболѣе обильнымъ, служили для него самыя же возраженія старообрядцевъ, куда онъ направлялъ всю остроту своего анализа и гдѣ такъ часто находилъ внутреннія противорѣчія и такимъ образомъ уничтожалъ силу своего противника въ самомъ зародышѣ. О томъ, какую степень силы имѣлъ такой анализъ о. Павла, можно судить потому, что онъ схватывалъ противника съ первыхъ же словъ и обнаруживалъ внутреннее противорѣчіе тамъ, гдѣ, повидимому, не

---

[1]) Собр. соч. арх. Павла, ч. I, 297, 329; ч. III, 239 и др.

[2]) Тамъ же, ч. I, стр. 197, 198, 617—618 и др.

было и признака его. На одномъ собесѣдованіи старообрядецъ сказалъ въ свою защиту, что будто бы православные вѣруютъ въ иного Бога, такъ какъ церковь измѣнила имя Спасителя. О. Павелъ останавливаетъ вниманіе собесѣдника на произнесенныхъ имъ словахъ и показываетъ, что онъ свою мысль о томъ, что православные вѣруютъ въ иного бога, основываетъ на томъ, что православная Церковь измѣнила только *имя* Спасителя. Дальнѣйшія разсужденія по этому предмету если и продолжались, то, очевидно, не на ту тему, будто православные подъ именемъ Іисуса исповѣдуютъ иного Бога [1]).

Изумляясь предъ такими эффектами полемики о. Павла, можно подумать, что весь секретъ ея заключается въ томъ, что о. Павелъ усвоилъ всѣ ея виды, находясь еще въ расколѣ, усвоилъ и всѣ не только главныя, но и частныя формы ея опроверженія. Поэтому, никакое возраженіе не составляло уже для него новости: для опроверженія его, ему стоило бы только вспомнить уже давно знакомую форму. Такое воззрѣніе мы сочли бы умаленіемъ достоинства полемики о. Павла. Указанное воззрѣніе если и справедливо, то только отчасти. Какъ полемика со стороны старообрядчества не представляетъ въ себѣ окаменѣвшихъ формъ, но со временемъ развивается все болѣе и болѣе, такъ равно и полемика со стороны борцовъ православной Церкви не можетъ имѣть строгаго однообразія и опредѣленности. Поэтому и состоятельность о. Павла, какъ противораскольничьяго полемиста, нельзя разсматривать такимъ образомъ, какъ будто бы здѣсь, какъ въ справочномъ лексиконѣ, заключались готовые уже отвѣты на всякій вопросъ со стороны раскола. Полемика о. Павла была въ высшей степени свободная. Онъ не вращался въ кругу только извѣстнаго рода доказательствъ и возраженій, ограниченныхъ по количеству и для своей дѣйствительности требующихъ извѣстной постановки. Его полемика была своего рода импровизація, своего рода творчество, элементы для котораго онъ почерпалъ въ томъ морѣ знанія, которое успѣлъ образовать въ теченіе всей своей жизни. Этой свободѣ въ полемикѣ, ея необыкновенной живости способствовало, между прочимъ, и то, что источниками ея служили не только начетничество и начитанность о. Павла, но, такъ

---

[1]) Братск. сл. 94 г. II т. 339; Собр. сочин. архим. Павла, ч. II, стр. 422—423.

сказать, и самая жизнь. О. Павелъ выражался, что полемику съ расколомъ онъ считалъ своимъ призваніемъ. Это было сказано не для краснаго словца. Такое признаніе свидѣтельствовало о его глубокой внутренней склонности къ этому святому дѣлу. Еще въ то время, когда онъ былъ въ расколѣ, дѣло пропаганды и совращенія онъ считалъ своею главною обязанностію. Вскорѣ это вошло въ привычку и стало второй природой. По присоединеніи къ православной Церкви, такая склонность, получивъ истинное и святое направленіе, не только не уменьшилась, а наоборотъ, все болѣе и болѣе увеличивалась. Дѣятельность въ этомъ духѣ составляла уже необходимую атмосферу для о. Павла, въ которой онъ только и могъ дышать. Велъ ли онъ бесѣды, писалъ ли сочиненія, составлялъ ли проповѣди,—во всемъ наблюдалась одна цѣль,—какъ бы обличить, убѣдить и всяко нѣкія спасти. Съ этой точки зрѣнія смотрѣлъ онъ и на окружавшую его обстановку и на весь міръ и отсюда извлекалъ для себя много вспомогательныхъ средствъ для указанной уже выше цѣли. Стоитъ, напр., о. Павелъ въ церкви. На клиросѣ прославляется пророкъ Илія. О. Павелъ выводитъ отсюда то заключеніе, что если бы Илія означалъ только ревность, какъ утверждаютъ безпоповцы, то и похвала сія была бы ему не свойственна, а принадлежала бы ревностнымъ мужамъ временъ антихристовыхъ [1]). «Вотъ, предки наши, говорилъ, взирая на телеграфъ, о. Павелъ, писали (въ Цитѣ): какъ можно въ концахъ міра услышать о пророкахъ въ толь малое время, въ три лѣта съ половиною! Имъ казалось это недоумѣннымъ, а намъ, видящимъ нынѣшнія средства сообщенія, подобное недоумѣніе предковъ уже является неумѣстнымъ» [2]). Путешествуя по св. Землѣ, о. Павелъ увидѣлъ, что и у христіанъ и у магометанъ были клейма на рукахъ съ изображеніемъ креста или полумѣсяца. «Вотъ наши старообрядцы, замѣчаетъ при этомъ о. Павелъ, говорятъ: неужели антихристъ будетъ какое либо клеймо или печать полагать чувственно на челѣ или на десной рукѣ? Это имъ дивно, а если бы они увидѣли этотъ обычай, что́ бы они сказали»? [3]).

Впрочемъ, сила полемики о. Павла заключается не въ ея, такъ сказать, внѣшнемъ эффектѣ. Неотразимое вліяніе ея заклю-

---

[1]) Собр. сочин. архим. Павла, ч. I, стр. 85.

[2]) Тамъ же, ч. I, стр. 92—93.

[3]) Собр. сочин. арх. Павла, ч. II, стр. 643—644.

чалось въ той особенности, что о. Павелъ всегда и вездѣ старается не побѣдить, а убѣдить. Великое дѣло побѣда, это само собой понятно, conditio, sine qua non дальнѣйшихъ успѣховъ. Но и все-таки, это, собственно говоря, только первая, болѣе легкая половина дѣла. Рѣдко побѣжденные признаютъ свою неправость. Гораздо чаще случается видѣть у нихъ затаенную злобу, жажду мести; вина пораженія приписывается обыкновенно постороннимъ обстоятельствамъ. Такимъ образомъ, побѣда не примиряетъ, но ожесточаетъ противника. Чтобы побѣду дѣлать ступенью для убѣжденія противника, необходимы особыя условія. Необходимо, чтобы обличеніе не заключало въ себѣ ничего оскорбительнаго, ничего, возмущающаго самолюбіе противника; необходимо, чтобы обличеніе было собственно разъясненіемъ недоумѣнія. И такъ какъ если гдѣ, то въ особенности здѣсь напускныя чувства и лицемѣріе не должны имѣть мѣста, то и указанные выше пріемы собесѣдованія не должны быть выраженіемъ особой тактики, требуемой обстоятельствами и успѣхомъ дѣла. Пріемы эти должны выходить изъ глубины искренняго убѣжденія въ томъ, что расколъ дѣйствительно есть только недоумѣніе, недоумѣніе великое и прискорбное, что здѣсь нѣтъ мѣста грознымъ обличеніямъ, здѣсь должно быть только разъясненіе и увѣщаніе. Отсюда любовь и состраданіе къ заблудшимъ должны быть первыми и исключительными побудительными мотивами къ полемикѣ съ расколомъ, кротость и снисходительность должны составлять основной фонъ въ самомъ обличеніи, или разъясненіи заблужденія; увѣщанія и мольбы должны присоединяться къ показанію истины православной Церкви и наконецъ радость о пріобрѣтеніи брата должна служить вѣнцомъ за трудъ.

Всѣ указанныя черты мы позаимствовали именно изъ того образа отношенія къ расколу, который мы наблюдаемъ у о. Павла. Отношеніе къ старообрядцамъ въ духѣ кротости и любви христіанской онъ считаетъ первымъ и самымъ главнымъ условіемъ воздѣйствія на нихъ [1]). «Прежде всего, побѣждайте расколъ кротостію и любовію», говоритъ онъ воспитанникамъ одной семинаріи, собравшимся послушать драгоцѣнные совѣты великаго миссіонера. «Рѣзкая рѣчь», продолжалъ онъ, «или насмѣшливая бываетъ обидна;

---

[1]) Собр. соч. арх. Павла, ч. III, стр. 383, 412, 451; II ч. стр. 430, 473. Братск. сн. 90 г. II, стр. 82.

рѣчь мирная, кроткая способна и враждующаго противъ насъ смягчить. Пусть раскольникъ не слушаетъ тебя, сердится, бранится: не слѣдуй его примѣру, помня, что ты побѣдишь, ибо не разрушаешь, а созидаешь, по Апостолу: любы созидаетъ» [1]). Нужно замѣтить при этомъ, что если и пастырямъ Церкви, и юношамъ, готовящимся принять пастырское служеніе, а слѣдовательно и выступить на борьбу съ расколомъ, о. Павелъ совѣтовалъ проникнуться духомъ кротости и терпѣнія въ виду или того, чтобы самая бесѣда являлась вмѣстимою старообрядцамъ, или потому, чтобы порицательныя выраженія (со стороны православныхъ защитниковъ) не коснулись бы обрядовъ, употреблявшихся нѣкогда и въ православной Церкви [2]), однимъ словомъ, въ виду необходимаго такта, то самъ о. Павелъ проникался этимъ духомъ вслѣдствіе глубокаго сознанія, что онъ имѣетъ дѣло «съ немощными духовно и заблуждающимися братьями, внѣ общенія со святою Церковью мнящими спастися» [3]). «Бѣдные люди»! восклицаетъ онъ, «страдаютъ за свое недоумѣніе и думаютъ, что страдаютъ за вѣру» [4]). И такъ, братская любовь къ заблуждающимся воздвигала о. Павла на полемику съ старообрядствомъ и эта любовь придавала господствующій тонъ и характеръ всей его полемики. «Вы слышали», говоритъ о. Павелъ, обращаясь къ старообрядцамъ во время одного изъ своихъ миссіонерскихъ собесѣдованій, «сколько я проѣхалъ вашихъ деревень и нигдѣ никоему наставнику не только не сдѣлалъ какого нибудь зла, но и словомъ никого не огорчилъ» [5]). Такъ характеризуетъ свою полемику самъ о. Павелъ. И такой характеръ ея былъ неизмѣннымъ. Послѣднее обстоятельство наиболѣе возбуждаетъ къ себѣ удивленіе. Нужно только представить, до какой степени иногда доходила дерзость и наглость старообрядцевъ, чтобы удивиться тому терпѣнію, въ которое, какъ въ какую то непроницаемую броню, обыкновенно облекался о. Павелъ. Неистовый шумъ съ цѣлью заглушить поражающее слово миссіонера, пересыпавшійся бранью, а иногда дерзкими выходками являвшихся сюда нарочито подвыпившихъ людей [6]), составляли со-

---

[1]) Братк. сл. 93 г. I, стр. 647.

[2]) Собр. соч. арх. Павла ч. III, стр. 412.

[3]) Тамъ же, ч. II, стр. 117.

[4]) Тамъ же, ч. II, 683.

[5]) Собр. соч. арх. Павла, ч. II, стр. 322.

[6]) Тамъ же, ч. II, стр. 306, 308, 356.

всѣмъ не рѣдкое явленіе. И что же? О. Павелъ какъ будто не замѣчалъ всего этого. Цѣлью его было или окончить начатую бесѣду, или же вообще улучить удобный моментъ и сказать въ обличеніе и увѣщаніе раскольниковъ хотя нѣсколько словъ. На одной бесѣдѣ о. Павлу совсѣмъ не давали говорить, нарочно перебивали его, поднимали шумъ и крикъ, такъ что несмотря на всѣ попытки водворить порядокъ, успѣха не было. О. Павелъ, однако, не смутился такимъ обстоятельствомъ, не собралъ книги, не ушелъ назадъ. Онъ замолчалъ и какъ только шумъ смолкъ, попросилъ позволенія сказать два слова. «Ваше общество не есть церковь и вы не получите спасенія! Съ этимъ я и ухожу»! сказалъ о. Павелъ. Народъ заволновался, потребовалъ у него доказательствъ и такимъ образомъ началась бесѣда [1]).

Какъ основаніе своихъ неистовыхъ нападокъ на православную Церковь, старообрядцы представили какъ то выписку изъ твореній не существовавшаго отца. О. Павлу оставалось только посрамить старообрядцевъ. Однако, исполненный духа кротости, терпѣнія и любви, онъ, имѣя цѣлью не препрѣти и побѣдити, но убѣдить и спасти, сказалъ: «вотъ, братіе, книги, на которую вы сослались по выпискѣ, никто не видалъ, и даже никто не слыхалъ, чтобы она гдѣ нибудь существовала, значитъ и утвердиться на ней невозможно». Но чтобы не оставалось у противниковъ уже никакого сомнѣнія относительно совершенной негодности приведенной выписки, онъ спокойно продолжаетъ: «я предлагаю провѣрить ее чрезъ сличеніе съ Божественнымъ Писаніемъ: если она окажется согласна съ Писаніемъ, мы ее примемъ: а если не согласна, отвергнемъ» [2]). Такимъ образомъ, безъ шума, не дѣлая старообрядцамъ даже и намека на ихъ невѣжество и дерзость, о. Павелъ преспокойно ставитъ ихъ лицомъ къ лицу съ самой истиной и такимъ образомъ предлагаетъ самое удобное средство для безпристрастнаго сознанія и убѣжденія.

Поставленная въ затрудненіе и обезоруженная ясными и неопровержимыми отвѣтами, фанатическая толпа старообрядцевъ старалась по крайней мѣрѣ вывести изъ терпѣнія о. Павла, разсердить колкими, обидными лично для него замѣчаніями, но все было на-

---

[1]) Братск. сл. 93 г. стр. 647.

[2]) Собр. соч. арх. Павла, ч. I, стр. 121.

прасно: всѣ замѣчанія о. Павелъ сносилъ съ непоколебимымъ спокойствіемъ [1]).

Часто встрѣчая на всѣ свои очевиднѣйшія доказательства одно только тупое упрямство и невѣріе, о. Павелъ не раздражается, не повышаетъ тона. Глубокая скорбь его находитъ свой исходъ въ молитвенномъ вздохѣ: «Господи, просвѣти ихъ»! шепчутъ уста его. «Братіе, обращается онъ къ сынамъ православной Церкви, помолимся Господу Богу о сихъ заблуждающихъ, дабы Онъ даровалъ имъ вполнѣ увѣровать Евангелію» и т. д. [2]).

Въ заключеніе характеристики собесѣдованій о. Павла приведемъ изъ газетъ того времени одну интересную замѣтку о томъ внѣшнемъ впечатлѣніи, которое производили эти собесѣдованія на посторонняго слушателя. «Диспутъ былъ назначенъ въ станичной школѣ. Съ большимъ страхомъ посматривали старовѣры на книги, которыя въ большомъ количествѣ раскладывалъ на столѣ іеродіаконъ, въ ожиданіи прихода о. Павла. Окинувъ взглядомъ общество, о. Павелъ выразилъ удивленіе и сожалѣніе, что не видитъ никого изъ духовныхъ старообрядцевъ. Игуменъ Павелъ началъ съ заявленія, что миссія его самая миролюбивая, стѣснять никого онъ не желаетъ и не имѣетъ права. Въ спорахъ просилъ не горячиться и говорить по одному. Мертвая тишина воцарилась, когда о. Павелъ началъ свою рѣчь, замѣчательную по глубинѣ содержанія, простотѣ изложенія и образности представленій. Языкъ до-нельзя простой; примѣры прямо выхвачены изъ жизни. Затаивъ дыханіе, стояла нѣмая толпа предъ проповѣдникомъ: въ первый разъ пришлось ей слышать такое живое, сильное слово. Въ недоумѣніи стояли слушатели, покачивая головами, пожимая плечами. Когда вступили въ состязаніе уставщики, о. Павелъ вѣскими доводами, какъ желѣзной палицей, поражалъ противниковъ. Вопросы ставилъ онъ прямо, просто; отвѣты давалъ краткіе, сильные» [3]).

Кромѣ миссіонерства, проявлявшагося въ столь различныхъ формахъ, противораскольническая дѣятельность о. Павла выразилась въ новой формѣ, когда онъ сдѣлался членомъ противораскольничьяго Братства св. Петра митрополита, гдѣ онъ занималъ сначала мѣсто

---

[1]) Братск. сл. 86 г. II, стр. 135—136.

[2]) Собр. соч. арх. Павла, ч. III, стр. 325

[3]) Нов. время 1876 г. № 335.

помощника предсѣдателя, а затѣмъ и предсѣдателя. Характеризуя его дѣятельность здѣсь вообще, мы приведемъ слова достопочтеннаго секретаря Братства Н. И. Субботина, которому дѣятельность эта въ особенности съ своей неоффиціальной стороны была извѣстна болѣе, нежели кому бы то ни было. «Вы»,—говорилъ онъ, обращаясь къ о. Павлу въ оффиціальной рѣчи по случаю исполнившагося двадцатипятилѣтія со дня присоединенія о. Павла къ православной Церкви,— «принимали живѣйшее участіе и въ учрежденіи Братства и потомъ во всѣхъ трудахъ его до настоящаго времени: все, что сдѣлано Братствомъ въ теченіи двадцати лѣтъ его существованія, сдѣлано по совѣщанію съ вами и при вашемъ ближайшемъ содѣйствіи»[1]).

Характеризуя эту дѣятельность о. Павла болѣе частнымъ образомъ, мы должны отмѣтить слѣдующіе выдающіеся факты.

Какъ извѣстно, Братство въ цѣляхъ искорененія раскола заботится, между прочимъ, о распространеніи противораскольничьихъ сочиненій, къ числу которыхъ принадлежатъ и сочиненія прежняго времени. Содержащіяся въ этихъ книгахъ «жестокословныя порицанія» нѣкоторыхъ именуемыхъ старыхъ обрядовъ лишали ихъ въ значительной степени той пользы, какую онѣ могли бы и должны бы принести и, мало этого, подали раскольническимъ учителямъ возможность обратить ихъ въ орудіе къ усиленію раскола и распространенію его въ средѣ православныхъ, не чуждыхъ приверженности къ двуперстію и къ другимъ, такъ называемымъ, старымъ обрядамъ, на которые положены были порицанія. Представлялось, такимъ образомъ, настоятельно необходимымъ позаботиться объ исправленномъ, съ устраненіемъ находившихся камней преткновенія, изданіи означенныхъ сочиненій. Объ этомъ Братство ходатайствовало предъ св. Синодомъ и въ 1874 году Совѣтъ Братства, по полученіи указа, постановилъ «согласно требованію св. Синода озаботиться на первый разъ составленіемъ соображеній о томъ, какія выраженія и въ какомъ видѣ требуется исправить въ первомъ изъ предполагаемыхъ къ изданію полемическихъ сочиненій,—именно въ «Розыскѣ св. Димитрія», поручить исполненіе этого труда помощнику предсѣдателя игумену Павлу, члену совѣта іеромонаху Пафнутію, при участіи секретаря Братства Н. И. Субботина[2]).

---

[1]) Братск. сл. 93 г. I, стр. 331.

[2]) Братск. слов. 75 г. I, стр. 85.

Другимъ камнемъ преткновенія для немощныхъ приверженцевъ раскола и достаточно дѣйствительнымъ средствомъ для раскольничьей пропаганды служили постановленія соборовъ 1666 и 1667 г.г. и въ особенности находящіяся здѣсь такъ называемыя «клятвы». Извращая смыслъ этихъ постановленій, расколоучители находили сильное повидимому обвиненіе православной Церкви и вмѣстѣ какъ будто бы неопровержимое оправданіе своихъ воззрѣній. Глубокій опытъ, какъ защитника, ревнителя и распространителя раскола съ одной стороны, и какъ православнаго миссіонера съ другой,—опытъ, въ которомъ значеніе указанныхъ постановленій принимало то ту, то другую, совершенно противоположную сторону [1]), внушилъ о. Павлу мысль, изъяснивъ побудительные мотивы, ходатайствовать объ изданіи означенныхъ соборныхъ постановленій, съ надлежащимъ ихъ разъясненіемъ, которымъ бы парализовалось злоупотребленіе старообрядцами смысломъ этихъ постановленій. Ходатайство о. Павла было конечно уважено и въ 1875 году вышло изданіе соборныхъ постановленій. Обстоятельное предисловіе къ этому изданію, а также примѣчанія, объясняющія истинный смыслъ соборныхъ постановленій, было сдѣлано Н. И. Субботинымъ. О. Павелъ съ іером. Филаретомъ потрудились надъ изготовленіемъ точной копіи съ соборныхъ дѣяній [2]).

О. Павелъ принималъ также дѣятельное участіе въ дополненіи въ новомъ изданіи (1884 г.) «Выписокъ» Озерскаго, такъ какъ прежнее изданіе (1862 г.), какъ выяснилось съ теченіемъ времени, не захватывало всего того, что можно было найти въ обличеніе неправды раскола въ старописьменныхъ и старопечатныхъ книгахъ, находившихся въ особенности въ Хлудовской библіотекѣ [3]).

Говоря о содѣйствіи о. Павла изданіямъ Братства, нельзя не упомянуть о содѣйствіи его печатному органу Братства—«Братскому

---

[1]) Вооружаясь противъ православной Церкви, о. Павелъ, будучи еще въ расколѣ, напечаталъ, между прочимъ, и выдержки изъ этихъ соборныхъ постановленій, именно, взято было то, что старообрядцы умѣютъ обращать въ свое оправданіе. Это прусское изданіе о. Павла часто фигурировало въ рукахъ раскольниковъ, при собесѣдованіяхъ съ о. Павломъ, когда онъ былъ уже православнымъ миссіонеромъ. Старообрядцы не знали ни происхожденія этого изданія, ни его внутренней несостоятельности. О. Павелъ надлежащимъ образомъ разъяснялъ имъ то и другое. (Собр. соч. арх. Павла ч. I, стр. 593—594).

[2]) Отчетъ оберъ-прок. Св. Син. за 1875 г. въ Рук. для с. п. 77 г. стр. 14.

[3]) Братск. сл. 84 г. I, стр. 126; 83 г. I, стр. 85.

Слову». Значеніе его содѣйствія въ этомъ случаѣ можно видѣть изъ словъ редактора «Братскаго Слова», въ которыхъ онъ высказываетъ, что безъ помощи въ этомъ трудномъ и сложномъ дѣлѣ о. Павла, онъ не въ состояніи былъ бы продолжать это изданіе [1]).

Наконецъ, мы должны упомянуть еще объ участіи о. Павла въ происходившихъ ежегодно, вслѣдствіе постановленія собравшихся въ Казани епископовъ (въ 1885 г.), съѣздахъ противораскольническихъ миссіонеровъ. Мѣстомъ съѣзда служилъ Никольскій единовѣрческій въ Москвѣ монастырь, гдѣ хозяиномъ его—игуменомъ Павломъ были предварительно принимаемы мѣры къ удобству имѣющихъ прибыть дорогихъ для него гостей. Самое участіе его въ съѣздахъ выражалось въ предсѣдательствѣ его на собраніяхъ и наконецъ частными его бесѣдами съ собравшимися миссіонерами, которымъ онъ передавалъ много интереснаго и полезнаго изъ своихъ многолѣтнихъ наблюденій надъ расколомъ [2]).

XII.

Частная жизнь о. Павла, по переходѣ его въ православіе, и кончина.

Все время, свободное отъ миссіонерскихъ занятій и прямыхъ обязанностей своихъ какъ настоятеля монастыря, о. Павелъ посвящалъ устроенной при его келіи школѣ и писанію сочиненій противъ раскола. При келейной школѣ о. Павла всегда находилось человѣкъ 10—20 мальчиковъ—дѣти священниковъ, причетниковъ единовѣрческихъ церквей и другихъ несостоятельныхъ родителей, обратившихся изъ раскола въ православіе. Въ началѣ здѣсь обучались только грамотѣ. Но потомъ о. Павелъ расширилъ кругъ занятій: онъ ввелъ преподаваніе ариѳметики и грамматики, справедливо полагая, что, познакомившись съ грамматическими правилами, дѣти сами поймутъ законность тѣхъ исправленій въ старопечатныхъ книгахъ, изъ-за которыхъ первоначально возникъ расколъ и на которыя донынѣ указываютъ раскольники, какъ на одну изъ причинъ своего отдѣленія отъ церкви. Изъ этой школы о. Павла вышло не мало миссіонеровъ, священниковъ и псаломщиковъ единовѣрческихъ церквей. Для этихъ питомцевъ о. Павелъ былъ истиннымъ отцомъ. Оказавши теплый пріютъ, онъ дѣлился съ ними всѣмъ своимъ духовнымъ и матеріальнымъ достояніемъ. «Вы всѣмъ дѣлитесь съ нами», говорили

---

[1]) Братск. сл. 93, I, стр. 348. „Празднованіе двадцатипятилѣтія.

[2]) Братск. сл, 86 г. II т. стр. 339.

ему эти питомцы, «и своими глубокими богословскими свѣдѣніями, и своими пріобрѣтенными старческою опытностію познаніями въ духовной жизни, и, наконецъ, своими скудными матеріальными средствами» [1]).—Остававшееся отъ занятій свободное время о. Павелъ употреблялъ на писаніе сочиненій. Этого занятія онъ не оставлялъ даже во время болѣзней, постигавшихъ его довольно часто [2]). Лица, посѣщавшія его келію, разсказываютъ, что предъ диваномъ, на который онъ ложился обезсиливаемый болѣзнію, стоялъ столъ, на которомъ лежала бумага и находился чернильный приборъ. И какъ только отдыхъ возстановлялъ силы на столько, что можно было сидѣть и писать, о. Павелъ тотчасъ бралъ перо и набрасывалъ на бумагу свои мысли. Въ послѣдній годъ своей жизни, когда продолжительная болѣзнь на долгое время лишила его возможности самому взяться за перо, онъ часто призывалъ келейника и ему диктовалъ свои мысли. Въ борьбѣ съ расколомъ всѣми возможными средствами о. Павелъ полагалъ призваніе своей жизни и потому считалъ священнымъ долгомъ трудиться и дѣйствительно трудился на этомъ поприщѣ во все время жизни своей въ православной Церкви.

Въ своемъ образѣ жизни вообще о. Павелъ и по присоединеніи къ православной Церкви, также какъ и до этого присоединенія, представлялъ собой примѣръ строгаго аскета. Его кельей была простая комната, лишенная, за исключеніемъ нѣсколькихъ портретовъ іерарховъ русской церкви, всякихъ украшеній, не говоря уже о комфортѣ и какихъ бы то ни было удобствахъ. Здѣсь даже не было мягкой мебели. Деревянныя выкрашенныя скамьи, нѣсколько простыхъ, досчатыхъ стульевъ, досчатый диванъ и столъ—вотъ вся обстановка этой кельи. Замѣчателенъ здѣсь былъ только святой уголъ, уставленный большимъ количествомъ иконъ древняго письма, представляющихъ собою рѣдкіе экземпляры и служившихъ часто вспомогательнымъ средствомъ при келейныхъ собесѣдованіяхъ о. Павла съ приходившими къ нему старообрядцами, и особенно въ бесѣдахъ по вопросу о перстосложеніи для крестнаго знаменія.—Духомъ строгаго аскетизма

---

[1]) Братск. слово 93 г. I, стр. 353. „Празднованіе двадцатипятилѣтія со дня присоединенія къ православной Церкви архим. Павла“.

[2]) Мы знаемъ, что онъ былъ хилымъ отъ природы. Аскетическіе подвиги совершенно изнурили его плоть, такъ что, присоединясь къ правосл. церкви, онъ, по его собственнымъ словамъ, не надѣялся долго жить и молился о продленіи своей жизни хотя бы на одинъ годъ, чтобы послѣ раскола утѣшиться сыновствомъ Церкви. Бр. сл. 93 г. I, стр. 354. „Празднованіе двадцатипятилѣтія“.

была проникнута вся жизнь о. Павла. Его воздержаніе не знало никакихъ послабленій, никакихъ извиняющихъ и уважительныхъ причинъ. Такъ, онъ отклонилъ намѣреніе любившихъ, уважавшихъ и многимъ обязанныхъ ему людей устроить праздничную трапезу по случаю исполнившагося двадцатипятилѣтняго служенія о. Павла на пользу Церкви православной и послѣ чрезвычайно торжественно отслуженной литургіи, послѣ торжественныхъ рѣчей, сопровождавшихся драгоцѣнными подарками (священнаго характера), чествуемый юбиляръ пригласилъ высокопоставленныхъ и дорогихъ ему гостей въ свою келію и здѣсь угощеніемъ ихъ служилъ только лишь чай съ бѣлымъ хлѣбомъ.—Обезсиливаемый предсмертною болѣзнью, о. Павелъ долженъ былъ по совѣту докторовъ употреблять въ великій постъ скоромную пищу, хотя бы только въ видѣ молока. Но о. Павелъ слишкомъ благоговѣлъ предъ монастырскимъ уставомъ и ревниво оберегалъ свою вѣру въ святость церковныхъ преданій. Вспоминая можетъ быть примѣръ отроковъ еврейскихъ, онъ совершенно отказался отъ выполненія докторскихъ предписаній и говорилъ впослѣдствіи, что при такомъ воздержаніи онъ чувствовалъ себя очень хорошо.

Самымъ краснорѣчивымъ доказательствомъ нестяжательности о. Павла служитъ тотъ фактъ, что по смерти все имущество его оказалось въ нѣсколькихъ иконахъ и книгахъ, частію подаренныхъ ему, частію пріобрѣтенныхъ. Сочиненія свои, которыя могли составить ему значительное состояніе, были подарены имъ Братству св. Петра митрополита. Частныя денежныя вознагражденія Св. Синода за миссіонерскіе труды и ежегодное жалованье въ количествѣ 500 рублей, выдаваемыхъ ему, какъ миссіонеру, онъ тратилъ на обучавшихся въ его школѣ сиротъ—мальчиковъ, на милостыню и т. п.

Слава о. Павла, какъ непобѣдимаго противораскольничьяго полемиста и автора многихъ весьма замѣчательныхъ противораскольническихъ сочиненій, гремѣла по всей Россіи. Однако, о. Павелъ, по врожденному и тщательно воспитанному чувству скромности, перешедшему въ немъ въ истинно-христіанское смиреніе, не хотѣлъ вѣрить въ свое дѣйствительное достоинство. По случаю радостныхъ поздравленій и привѣтствій маститому юбиляру въ день двадцатипятилѣтія присоединенія его къ православной Церкви, онъ такъ описывалъ свои чувства въ этотъ счастливѣйшій для него день. «День этотъ, день радости и воспоминанія Божіихъ на меня мило-

стей, былъ и днемъ искушенія. Я боялся, что съ прославленіемъ Бога будутъ (какъ и было) приносить и мнѣ похвалы. Отражалъ я ихъ отъ сердца; но остаюсь не безъ опасности нѣкоего услажденія ими. Испытуяй сердца вѣсть насъ паче, нежели мы себе. Потому лучше припадать къ Нему съ покаяніемъ. Меня весьма утѣшила телеграмма Константина Петровича Побѣдоносцева: она все приписала Богу и меня поставила въ благодарность предъ Богомъ и въ обязанность дѣлать усердно на нивѣ Божіей» [1]).

Въ частности, относительно своихъ достоинствъ, какъ автора замѣчательныхъ противъ раскола сочиненій, о. Павелъ выражался такимъ образомъ. «Иногда, разсуждая наединѣ», говоритъ онъ, «я самъ удивляюсь, какъ это я могъ сдѣлаться писателемъ, не получивъ никакого образованія... Я не умѣю хорошенько и письмецо написать, такъ могу ли, и простительно ли мнѣ почитать себя писателемъ? Одно помышляю: если Богъ дѣйствовалъ и осломъ на пользу Израиля и изрекъ пророчески о Христовомъ пришествіи: то коль паче христіаниномъ, сыномъ Церкви Его святой, можетъ дѣйствовать» [2])

Торжественныя встрѣчи и привѣтствія, часто оказываемыя знаменитому миссіонеру, видимо стѣсняли его и онъ считалъ ихъ обыкновенно «выше мѣры своего достоинства». Скромность его простиралась до такой степени, что онъ, кажется, считалъ «выше мѣры своего достоинства» и тотъ фактъ, что его совѣтами въ противораскольнической дѣятельности руководились іерархи русской церкви и потому хранилъ это въ тайнѣ. По крайней мѣрѣ, для извѣстнаго нашего профессора Н. И. Субботина, находившагося съ о. Павломъ въ самой тѣсной дружбѣ, было неизвѣстно, что о. Павелъ находился въ перепискѣ со многими епископами, исполняя ихъ просьбы, давая совѣты, разрѣшая недоумѣнія, встрѣчавшіяся въ ихъ противораскольнической дѣятельности; почтенный профессоръ узналъ объ этомъ только по смерти о. Павла, разбирая его письма. По скромности же своей о. Павелъ не снималъ съ себя и фотографій и только уступая просьбамъ своего друга—Н. И. Субботина, раза два снялся вмѣстѣ съ нимъ [3]). Можно думать, что главнымъ мотивомъ здѣсь служило

---

[1]) Братск. Слово, 93 г. I, 354. „Празднованіе двадцатипятилѣтія".

[2]) Тамъ же, стр. 341.

[3]) Фотографія вышла очень плохая и мы не имѣли бы болѣе или менѣя вѣрнаго портрета о. Павла, если бы сыну того же Н. И. Субботина, художнику, не пришла счастливая мысль написать его портретъ на полотнѣ масляными красками. Портретъ этотъ въ настоящее время

старательное удаленіе даже отъ призрака славы. Въ этомъ отношеніи онъ тщательно берегся. Мы раньше помѣстили слышанный нами разсказъ о томъ, какъ, будучи семнадцатилѣтнимъ юношей, о. Павелъ ходилъ для уединенной молитвы въ расположенный близъ Сызрани лѣсъ. Одна старушка, не разъ видѣвшая его въ этомъ путешествіи, по пріѣздѣ о. Павла въ Сызрань (въ 1871 г.), напомнила ему объ этомъ; о. Павелъ на это замѣтилъ ей: «ну, что ты видѣла, храни въ себѣ».

Мягкость характера о .Павла, его благорасположенность ко всѣмъ, свѣтились въ его взорѣ и ясно обнаруживались въ его отношеніяхъ къ другимъ. Его ласковостью очаровывались всѣ, кому приходилось имѣть съ нимъ сношенія. Благодаря такимъ чертамъ своего характера, онъ пріобрѣлъ всеобщія симпатіи и имѣлъ сильное вліяніе и на учениковъ своихъ и на свою духовную паству.

Болѣзнь, угасившая жизнь о. Павла, продолжалась съ нѣкоторыми перерывами около года. Острый характеръ приняла она въ особенности послѣ того, какъ о. Павелъ получилъ извѣстіе о кончинѣ Государя. Къ священной особѣ почившаго императора онъ былъ преисполненъ особаго благоговѣнія, видя въ немъ залогъ благоденствія русскаго народа. Въ день прибытія въ Москву останковъ въ Бозѣ почившаго монарха, о. Павла поразилъ первый ударъ, окончательно сложившій его въ постель. Удары стали повторяться; здоровье о. Павла видимо слабѣло и 27-го Апрѣля (1895 года) въ 9 часовъ по полудни великаго свѣтильника православной Церкви не стало. Горькими слезами оплакали его всѣ русскіе люди, которымъ дорога слава Церкви православной, которые понимаютъ весь ужасъ положенія отторгшихся и отторгающихся немощныхъ членовъ ея и поставляютъ для себя христіанскимъ долгомъ по мѣрѣ силъ своихъ парализовать вѣками утвердившееся и доселѣ распространяющееся зло. Дѣятельность этихъ людей по характеру и по цѣли тѣсно была связана съ дѣятельностію о. Павла и находила здѣсь для себя источникъ крѣпости и энергіи. Для нихъ о. Павелъ былъ руководителемъ, наставникомъ и высокимъ образцомъ. «Не стало», говоритъ одинъ изъ такихъ ревнителей, «великаго ратоборца противъ раскола, искуснѣйшаго и опытнѣйшаго разоблачителя его неправды, преданнѣйшаго служителя православной

находится въ Хлудовской библіотекѣ. Портретъ-же, помѣщенный въ "Христіанск. Чтеніи (за 95 г. іюль) и въ Крестномъ календарѣ за 96 г., по словамъ Н. И. Субботина, не выдерживаетъ никакой критики.

Церкви и ревностнѣйшаго ея защитника» [1]). «Плачемъ и молимся», телеграфировалъ Константинъ Петровичъ Побѣдоносцевъ, получивъ извѣстіе о смерти о. Павла.

Въ своемъ духовномъ завѣщаніи, воображая уже предсмертный часъ души своей, о. Павелъ, обращаясь къ своимъ бывшимъ собратьямъ своимъ по вѣрѣ—старообрядцамъ, свидѣтельствовалъ, что отдѣлился онъ отъ нихъ и присоединился къ православной Церкви единственно по убѣжденію своей совѣсти. Еще разъ трогательно убѣждаетъ ихъ оставить ревность Божію не по разуму и не противиться св. Церкви и не отдѣляться отъ нея изъ-за обрядовыхъ разностей [2]). Таково было послѣднее слово великаго миссіонера.

Надъ могилой его, согласно завѣщанію, поставленъ большой деревянный четырехконечный крестъ, въ средину котораго вдѣланъ другой, мѣдный, осмиконечный. Въ крестѣ сдѣлана самимъ о. Павломъ составленная надпись: «Христе! По милости Твоей, омый грѣхи раба Твоего кровію Твоею, юже изліялъ еси за спасеніе всѣхъ. Это надежда моего спасенія, это мое упованіе, это моя радость. Съ этою надеждою къ Тебѣ, Христе, отъидохъ, имѣя основаніемъ надежды Твои, Христе, словеса: ядый Мою плоть и піяй Мою кровь имать животъ вѣчный и Азъ воскрешу его въ послѣдній день» [3]).

XIII.

Сочиненія о. Павла, общая ихъ схема и характеристика.

Сочиненія о. Павла имѣютъ чрезвычайно разнообразное содержаніе. Здѣсь, прежде всего, должны быть отмѣчены *воспоминанія* его о томъ, что приходилось ему видѣть въ расколѣ изъ лицъ [4]) и событій [5]); далѣе: его *бесѣды* о вопросахъ вѣры, которыя приходилось вести ему, какъ въ то время, когда онъ былъ еще раскольникомъ (и обличалъ поповцевъ [6]), а потомъ и безпоповцевъ, когда хотѣлъ

---

[1] Братск. сл. 95 г. I, стр. 509. Апрѣль. „Памяти въ Бозѣ почившаго архим. Павла".

[2]) Братск. Слово 95 г. I, стр. 523. Духовн. завѣщаніе архим. Павла.

[3]) Памяти въ Бозѣ почившаго архим. Павла. Братск. Слово 95 г. I. стр. 522.

[4]) Полн. собр. сочин. архим. Павла, ч. III, стр. 449—511.

[5]) Тамъ же, ч, I, преимущественно стр. 1—41; 227—254; ч. III, стр. 1—87.

[6]) Такія бесѣды съ удобствомъ могли печататься послѣ, такъ какъ старообрядцы во взаимныхъ обличеніяхъ обыкновенно защищаютъ православную точку зрѣнія. См. ч. I. стр. 239, 258—374.

поставить безпоповство на Евангеліи [1]), (воспроизводились онѣ по памяти); такъ и тѣ бесѣды, которыя велъ онъ съ раскольниками по присоединеніи уже къ Православной Церкви [2]). Кажется, не ошибемся, если самою важною частью сочиненій о. Павла назовемъ тѣ изъ нихъ, которыя посвящены разбору и опроверженію разныхъ раскольническихъ сочиненій. Сюда, кромѣ многихъ, болѣе или менѣе пространныхъ «Замѣчаній», помѣщенныхъ въ каждой изъ трехъ частей сочиненій о. Павла,[3]) нужно отнести особо изданныя сочиненія, имѣющія предметомъ своимъ критическое изслѣдованіе замѣчательнѣйшихъ произведеній раскольнической литературы, каковы: «Поморскіе отвѣты», «Вопросы Никодима» и «Отвѣты И. Ѳ. Пешехонова» [3]). Ко всѣмъ указаннымъ сочиненіямъ нужно присоединить еще тѣ цѣнныя сочиненія о. Павла, въ которыхъ уясняются вѣрные пріемы въ противораскольничьей полемикѣ[4]) и, наконецъ, стоящее совершенно особнякомъ «Краткое описаніе путешествія во св. градъ Іерусалимъ»,

---

[1]) Сюда должно отнести печатавшійся въ журналѣ Истина извѣстный уже намъ „Царскій путь“. См. также „О книгѣ Царскій путь“, ч II, стр. 101.

[2]) Собр. соч. арх. Павла, ч. I, стр. 383—502; ч. II, 387—553; ч. III, 87—444; также ч. II, 263—506.

[3]) Тамъ же, I, стр. 461, 544; ч. II. 111, 149.

[3]) Тамъ же, ч. III, стр. 369 и 392, также, ч. I, стр. 670.

[4]) Указанныя сочиненія мало заключаютъ въ себѣ мыслей новыхъ и оригинальныхъ въ сравненіи съ тѣмъ, что представляютъ три части сочиненій о. Павла. Опроверженіе указанныхъ раскольничьихъ сочиненій вызвано собственно тѣмъ обстоятельствомъ, что старообрядцы, не видя спеціальнаго ихъ разбора и опроверженія въ нашей противораскольничьей литературѣ, объясняютъ это тѣмъ, будто бы такое опроверженіе и невозможно, и даже ставятъ въ упрекъ православнымъ, что они, напр., не даютъ отвѣта на извѣстные вопросы Никодима (Замѣчаніе на книгу: „Вопросы Никодима“ архим. Павла, стр. 5), „дайте отвѣтъ на вопросы Никодима! вопіютъ они“ (тамъ-же, стр. 33).—Замѣчанія на отвѣты Пешехонова были вызваны двоякаго рода соображеніями: а) это сочиненіе выставлялось бѣглопоповцами, какъ неопровержимая защита ихъ воззрѣній; б) Пешехоновъ писалъ противъ безпоповцевъ,—по выраженію о. Павла,—это „се церкви безъ брани побѣда, безъ борьбы одолѣніе“ (ч. I, 230). Примѣчанія на отвѣты Пешехонова сдѣлалъ еще игуменъ Парѳеній (1866 г.), но они не представляютъ достаточной твердости и полноты и при томъ въ настоящее время ихъ нелегко найти.—„Замѣчанія на поморскіе отвѣты“ содержатъ въ себѣ сравнительно болѣе новаго матеріала въ особенности по поводу сложенія перстовъ. Впрочемъ, нужно замѣтить, что матеріалъ и не оригинальный, и не новый въ приложеніи своемъ (соотвѣтственно запросамъ старообрядцевъ въ указанныхъ сочиненіяхъ), могъ представлять нѣчто до сихъ поръ не встрѣчавшееся, а потому упомянутыя сочиненія (къ нимъ еще нужно прибавить замѣчанія о. Павла на безпоповское сочиненіе, извѣстное подъ названіемъ „Щита“, Братск. сл. 90 г. II т. стр. 161) имѣютъ свой особый дорогой интересъ.

совершеннаго о. Павломъ въ 1881 году [1]). Въ сочиненіяхъ о. Павла находится немалое количество поученій, сказанныхъ имъ съ церковной каѳедры въ Никольскомъ монастырѣ и составляющихъ особый отдѣлъ въ его сочиненіяхъ [2]). Къ этому же отдѣлу должно присоединить и размышленія о. Павла на псалмы [3]). Хотя эти размышленія писались не для церковной каѳедры, однако сила и глубина чувства, выраженнаго здѣсь, заставляетъ смотрѣть на нихъ, какъ на произведенія гомилетическаго характера, въ которыхъ недостаетъ только нарочитаго обращенія къ слушателямъ, чтобы быть произнесенными съ церковной каѳедры.

Не смотря, однако, на такое разнообразіе видовъ сочиненій о. Павла, всѣ онѣ направлены къ одной цѣли и потому имѣютъ одинаковый характеръ. Цѣль эта—полемика съ расколомъ. Не говоря уже о «бесѣдахъ» и «замѣчаніяхъ», спеціально посвященныхъ разъясненію недоумѣнныхъ вопросовъ, его «воспоминанія», его проповѣдь, его молитвенныя размышленія, возбуждаемыя чтеніемъ псалмовъ, всегда соединялись съ представленіемъ отторгшихся отъ церкви несчастныхъ братьевъ, которымъ силилась помочь эта сострадательная душа путемъ разъясненія разныхъ предметовъ недоумѣнія и раздѣленія. Даже такое, повидимому, совершенно ничего общаго съ указанной цѣлью не имѣющее, сочиненіе о. Павла, какъ описаніе путешествія въ Іерусалимъ окрашено въ значительной степени этимъ общимъ фономъ его сочиненій. И здѣсь онъ, по собственнымъ словамъ, «не преминулъ сказать о предметахъ, касающихся недоумѣнія такъ именуемыхъ старообрядцевъ» и очень подробно описываетъ встрѣчавшіеся ему древніе памятники именословнаго благословенія [4]), четвероконечнаго креста [5]), говоритъ о спорѣ съ однимъ грекомъ о перстосложеніи [6]); по поводу знаковъ на рукахъ и лицахъ у жителей Палестины разсуждаетъ о печати антихриста [7]) и т. д.

Отсутствіе систематичности—общая черта всѣхъ сочиненій о. Павла. Главной причиной такого явленія нужно считать случайность мотивовъ, вызывавшихъ эти сочиненія, что показываютъ, между

---

[1]) Собр. соч. архим. Павла, ч. II, стр. 566.
[2]) Тамъ же, ч. II, стр. 505—593.
[3]) Въ Братск. словѣ отъ 90 года.
[4]) Собр. сочин. архим. Павла, ч. II, стр. 570, 572, 573, 614.
[5]) Тамъ же, II, 527.
[6]) Тамъ же, II, 679.
[7]) Тамъ же, II, 643.

прочимъ, и самыя названія этихъ сочиненій: «воспоминанія», «бесѣды», «замѣчанія». Въ «замѣчаніяхъ» ходъ мыслей автора вполнѣ зависѣлъ отъ того сочиненія, на которое дѣлались замѣчанія и такъ какъ авторами этихъ сочиненій были старообрядческіе начетчики, люди, не пріученные мыслить систематически, то и «замѣчанія» о. Павла по необходимости должны были отражать въ себѣ тотъ-же недостатокъ. Повидимому, большій просторъ для самостоятельности мысли представляли бесѣды. Умственная мощь одного изъ собесѣдниковъ (а такимъ обыкновенно оказывался о. Павелъ) должна была давать направленіе бесѣдѣ. И дѣйствительно, во многихъ бесѣдахъ мы видимъ ясные признаки именно системы. Однако,—только признаки. Полному осуществленію ея въ значительной степени препятствовали собесѣдники, съ мыслью не дисциплинированною, привыкшею къ связямъ по ассоціаціи и тяготящеюся стѣснительными рамками строгой логики.

Отсутствіе систематичности въ трудахъ о. Павла затрудняетъ составленіе общаго, болѣе или менѣе опредѣленнаго представленія о содержаніи его сочиненій. Впрочемъ, задача эта въ значительной степени облегчается тѣмъ, что всѣ сочиненія о. Павла, направляясь къ одной цѣли, имѣютъ однородное содержаніе, дополняя и разъясняя общую идею. Такимъ образомъ, нужно только надлежащимъ образомъ разчленить эту идею, чтобы все содержаніе его многотомныхъ сочиненій улеглось легко и удобно. Общую идею сочиненій о. Павла составляетъ, какъ мы знаемъ, освобожденіе раскольника изъ дебрей исповѣдуемаго имъ раскола. Для этого предлагается ему путь, которымъ и самъ о. Павелъ вышелъ оттуда. Путь этотъ, какъ видѣли мы, состоитъ въ томъ, чтобы слѣдовать слову Божію, изъясняемому св. отцами. Путь этотъ заставляетъ наблюдать двѣ стороны: положительную и отрицательную,—чему слѣдовать и отъ чего отвращаться,—твердо держаться св. Писанія и Преданія Церкви и отвергать раскольническое оправданіе, какъ не основывающееся на указанныхъ источникахъ. Дальнѣйшее шествіе этимъ путемъ представляетъ слѣдующія ступени восхожденія изъ тьмы раскола къ свѣту православія. Такъ какъ Писаніе полагаетъ спасеніе только въ истинной Церкви Христовой, неодолѣнной вратами ада и пребывающей въ томъ же устройствѣ, какое сообщено ей Основателемъ ея, то отсюда возникала необходимость принадлежать къ такой именно Церкви. Церковь эта есть православная Греко-Россійская Церковь, такъ какъ чистота

ея вѣры не нарушена измѣненіемъ нѣкоторыхъ обрядовыхъ разностей, какъ то, вопреки истинѣ, утверждаютъ старообрядцы; при томъ же св. Церковь, какъ сердобольная мать, снисходя къ немощи своихъ чадъ, прилѣпившихся любовію къ измѣненнымъ ею обрядамъ, допустила у себя ихъ невозбранное употребленіе. При этомъ совсѣмъ не произошло противорѣчія, о которомъ говорятъ иные старообрядцы, утверждая, будто бы церковь въ единовѣріи допускаетъ тѣ самые обряды, кои соборомъ 1666—67 года преданы якобы осужденію. Такимъ образомъ: I) необходимость слѣдованія слову Божію, II) необходимость признанія вѣчности Церкви съ спасительными таинствами, III) необходимость признанія истинности Церкви именно грекороссійской и IV) вопросъ о единовѣріи и клятвахъ большого Московскаго собора—это составныя части общей схемы, по которой можно расположить содержаніе сочиненій о. Павла.

I) Развитію мысли о необходимости въ совершеніи спасенія слѣдовать слову Божію посвящено, какъ мы знаемъ, спеціальное сочиненіе о. Павла, подъ названіемъ «Царскій путь». Указанная мысль развивается въ этомъ сочиненіи съ такой полнотой и обстоятельностію, что, изложивъ его содержаніе, не представится уже надобности обращаться къ тѣмъ многочисленнымъ мѣстамъ сочиненій о. Павла, гдѣ также находится выраженіе этой мысли. Чтобы уяснить себѣ развитіе главной мысли этого сочиненія, должно сказать предварительно нѣсколько словъ по поводу появленія этой книги. Какъ извѣстно, главнымъ поводомъ къ составленію «Царскаго пути» послужило желаніе о. Павла прежде чѣмъ реформировать безпоповство, убѣдить его въ той мысли, что истинная вѣра, а съ ней и спасеніе должны утверждаться на словахъ св. Писанія. Эта общая мысль, проникающая все сочиненіе, имѣла нѣсколько развѣтвленій соотвѣтственно и примѣнительно къ главнымъ пунктамъ безпоповскаго вѣроученія, именно о бракѣ, о церкви, о таинствахъ, объ антихристѣ. Въ изложеніи «Царскаго пути, мы оставимъ тѣ мѣста, цѣль которыхъ утвердить у ѳедосѣевцевъ ученіе о бракѣ, такъ какъ по выраженію о. Павла, защищать «нужду и законность безсвященнословныхъ браковъ намъ, православныя церкви чадамъ, нѣтъ никакой надобности». Изложимъ только основную мысль «Царскаго пути». Сочиненіе это, хотя назначалось для безпоповства, но, собственно говоря, оно имѣетъ въ виду рѣшительно весь расколъ: какъ безпоповцы, такъ и бѣглопоповцы, равно и новые бѣглопоповцы—пріі-

емлющіе австрійскую іерархію, одинаково оказываются невѣрующими Писанію, одинаково подмѣняютъ его свидѣтельства мудрованіемъ своихъ начетчиковъ, противъ чего и вооружается въ «Царскомъ пути» о. Павелъ.

«Царскій путь» по своему содержанію представляетъ выписки изъ старопечатныхъ книгъ, заключающихъ въ себѣ по большей части святоотеческія творенія. Выписками этими и утверждается та мысль, что въ достиженіи спасенія каждому христіанину должно руководиться словомъ Божіимъ, изложеннымъ св. отцами. Книга по внѣшнему виду раздѣляется на главы (6), главы на раздѣлы; краткое изложеніе представляемой раздѣломъ мысли составляетъ заглавіе каждаго раздѣла.

Въ предисловіи къ этой книгѣ излагается поводъ, цѣль и способъ ея составленія. «Понеже», говоритъ составитель, многихъ видѣхъ въ сія времена не на святомъ писаніи утвержающихся, и свое спасеніе полагающихъ: но ови убо утвержденіе своего упованія полагаютъ отъ великихъ мѣстъ, ови же отъ долговременнаго обычая, друзіи же отъ множества единогласныхъ, а мало таковыхъ зрѣхъ, иже надежду спасенія своего и основаніе своея вѣры полагаютъ на словесахъ Господа нашего Іисуса Христа и божественныхъ апостолъ... Сія зрѣхъ и сжалихъ си зѣло—и сего ради отъ жалости сердечныя, убѣдихъ соживущую со мною братію, еже кто челъ есть о семъ еже все свое упованія спасенія полагати во святомъ писаніи, а не своему обычаю, просто безъ свидѣтельства святыхъ писаній послѣдовати, и оное принести мнѣ написано, или въ книзѣ показати и собрахъ во едино, и расположихъ по главамъ и повѣдаю всякому, яко се есть Царскій путь, вводящь въ животъ вѣчный: еже послѣдовати заповѣдемъ Господа нашего Іисуса Христа и всему святому писанію: и не уклонятися отъ него ни на десно, ни на шуе, но идти путемъ царскимъ, а не своимъ послѣдовати уставамъ или волямъ»[1]).

Вслѣдствіе обилія снесеннаго братіею и такъ, или иначе идущаго къ дѣлу матеріала, который и былъ помѣщенъ въ «Царскомъ пути», довольно трудно согласить здѣсь главное теченіе мысли со всѣми побочными подробностями. За системой, очевидно, авторъ слѣдилъ мало. Однако, ходъ главныхъ мыслей видѣнъ довольно ясно.

---

[1]) Истина, 70 г. стр. 4—5.

Прежде всего, согласно своей задачѣ и можетъ быть имѣя въ виду извѣстное оправданіе старообрядцевъ въ своемъ непослѣдованіи закону евангельскому, именно то, что «промыслъ Божій» (собственно законъ евангельскій, въ которомъ, напр., обѣщана церкви ея неодолѣнность и т. д.), «нынѣ скосился» [1]), составитель Пути доводами изъ святоотеческихъ писаній возвѣщаетъ, что «евангеліе вѣчно есть, а не на время дано есть» [2]); что евангеліемъ преданные законы—корень суть и основаніе и на ономъ основаніи храмину вѣры кождо да назидаетъ, инаго же основанія никто же положити можетъ, и аще и мало что отъ онаго корене отсѣчемся, то изсохнемъ, и аще не на ономъ основаніи наздани будемъ, то погибнемъ» [3]). «Се Царскій путь есть, еже шествовати по евангелію и не уклонятися отъ него ни на десно, ни на шуе» [4]). «Божественніи отцы, ни на десно, ни на лѣво уклоняющеся, прелести избѣгоша» [5]). «На основаніи всего сказаннаго очевидною становилась необходимость «испытовати божественная писанія», причемъ изъяснять ихъ, «яко-же святіи отцы достигоша», «яко да не человѣческими помышленьми прельщаеми, низпаднемъ съ праваго пути, и впаднемъ въ пропасть погибели» [6]).

Такимъ заключеніемъ, очевидно, вконецъ разрушалось извѣстное воззрѣніе раскольниковъ на изслѣдованіе св. Писанія, выражавшееся обыкновенно въ такихъ, напр., словахъ: «по евангелію всѣ еретики заблудили, и лютеране по евангелію идутъ» [7]), или, «писаніе то вѣдь глубина морская, мечъ обоюду острый. Какое въ нонѣшнее время писаніе? живи по преданію: спасая спаси свою душу» [8]). Болѣе частнымъ образомъ о. Павелъ такъ вооружается здѣсь противъ этого мнѣнія: «вина есть всѣмъ злымъ», говоритъ онъ, «еже не вѣдѣти писаній» [9]), «не отъ писанія вредъ происходитъ, но отъ нашего неискусства» [10])

---

[1]) Собр. соч. архим. Павла ч. стр. 25.

[2]) „Царск. путь“. Истина 70 г. кн. 16. Гл. I, разд. 1.

[3]) Тамъ же, гл. I, разд. 2,

[4]) Тамъ же, разд. 7.

[5]) Тамъ же, разд. 8.

[6]) Тамъ же, разд. 9.

[7]) Собр. соч. арх. Павла, ч. II, стр. 104.

[8]) Къ Царскому пути, приложеніе отъ издателя, стр. 2. Истина 707, кн. 16.

[9]) Царск. путь, гл. I, разд. 5.

[10]) Царск. путь, гл. IV, разд. 2.

Зная, что темная толпа всегда слѣдуетъ указаніямъ своихъ наставниковъ, Павелъ, далѣе, особенно старается доказать ту мысль, что «достоитъ учителемъ вѣдѣти божественная писанія, и богоносныхъ отецъ преданія и вопрошаемымъ имъ отъ людей вѣдѣнія разума словесе божественнаго писанія: не отъ своего смышленія разрѣшати и толковати имъ, но якоже церковніи свѣтильницы и учители, своими писаньми слово Божіе истолковаша, тако сказовати, да не како недоумѣюще высоты книжнаго разума, отъ себе разрѣшати наченше, далече истиннаго сказанія отпадутъ»[1]). Зная, далѣе, что слѣдованіе евангельскимъ словесамъ должно совершенно перемѣнить убѣжденія и воззрѣнія религіозныя у этихъ учителей, чтобы помочь имъ въ отрѣшеніи отъ прежняго ложнаго, конечно, религіознаго міровоззрѣнія, о. Павелъ, далѣе, доказываетъ необходимость безусловной вѣры въ Писаніе, чтобы «гласъ Божій, глаголющій къ намъ божественнымъ писаніемъ, услышавше, не ожесточати сердецъ, но растворяти слышанное вѣрою: аще бо и тщался-бы кто услышати слово Божіе, но не съ чистою вѣрою, а съ самосмышленіемъ и съ самомнѣніемъ, а вѣры къ слуху не растворялъ бы, не имать таковый внити въ покой царства небеснаго»[2]).

Какъ нужно смотрѣть на ученіе, не имѣющее основаній въ св. Писаніи, а вмѣстѣ съ этимъ и на учителей, проповѣдующихъ такое ученіе,—объ этомъ говорится уже во второй главѣ. «Того ради евангелія написана суть, доказываетъ о. Павелъ, понеже ереси хотяху прозябнути, и растлити нравы наши, благоизволи Богъ написаннымъ быти евангеліямъ, да отъ сихъ научаеми истинѣ, не развратимся лжею еретическою»[3]). Итакъ, все, что преподается не на основаніи евангелія--«лжа еретическая». «Святое писаніе», говорится далѣе въ Пути, «двери суть, вводящыя насъ къ Богу, не по писанію же вѣрующіе вси еретицы»[4]). Отсюда слѣдовалъ ясный выводъ, «почесому познавати пастырей, правый повѣдающихъ путь: и татей и разбойниковъ, во лжу ведущихъ»[5]). «Пагубникъ не входитъ дверьми, се же есть писаньми»[6]) и далѣе—«татъ убо, иже не

---

[1]) Царск. путь, гл. I, разд. 10.
[2]) Царск. путь, гл. I, разд. 11-й.
[3]) Царск. путь, гл. II, разд. 1-й.
[4]) Царск. путь, гл. II, разд. 2-й.
[5]) Царск. путь, гл. II, разд. 5-й.
[6]) Тамъ же, л. 42 об.

писаньми входяй во дворъ овчій: пастырь бо дверьми входитъ, рекше святыхъ писаній свидѣтельства»[1]), не входяй дверьми евангелія тать есть и разбойникъ»[2]).

Отсюда оставался одинъ шагъ къ тому, чтобы назвать болѣе опредѣленно этихъ «татей и разбойниковъ во лжу ведущихъ», именно, наставниковъ и учителей раскольническихъ. Однако, во избѣжаніе задора, яростнаго раздраженія и безплодной, ругательной со стороны противоположнаго лагеря полемики, составитель Пути благоразумно уклоняется отъ этого и далѣе озаглавливаетъ свой раздѣлъ просто: «о пастыряхъ и наемникахъ»[3]) и говоритъ вообще, что «мнози прелестницы изыдоша въ міръ, учаще ученія своя и глаголюще, яко Духъ святъ имамы»[4]), но кого нужно разумѣть подъ этими прелестниками, о. Павелъ не говоритъ. Онъ прекрасно понималъ, что дальнѣйшій шагъ въ мысли читателя совершится самъ собой. И онъ не ошибался. Дочитавши до этого мѣста, иные раскольники сожигали даже эту книгу[5]).—Святоотеческими выписками, приводимыми далѣе, о. Павелъ продолжаетъ иллюстрировать послѣднюю мысль и даетъ наставленіе, какъ думать о тѣхъ, кто проповѣдуетъ ученіе, не основанное на св. Писаніи, и какъ относиться къ такимъ людямъ. «Аще кто не пребываетъ во ученіи евангельскомъ, таковый Бога въ себѣ не имать, и въ домъ таковыхъ не пріимати»[6]), что «иже не вѣруетъ писаніемъ, аще и христіанинъ есть, еллиновъ таковый горшій, и нѣсть достойно нарицати таковаго христіанином»[7]) и «невѣрующаго писанію достоитъ отвращатися яко отъ бѣснующагося и изумленнаго[8]), и «иже аще книги святыя чтуще, и своего разума въ послушаніе Христово плѣнити не хотятъ, но своему разуму послѣдуютъ и своя смышленія составляютъ по своей волѣ; таковіи точію ищуще всякими извѣты, како бы оправдати своя хотѣнія, должни ненавидимы быти»[9]).

---

1) Тамъ же, л. 42 об.
2) Тамъ же, л. 43 об.
3) Царск. путь гл. II, разд. 6-й.
4) Гл. II, разд. 7.
5) Въ предисловіи къ Царскому пути Истина 70 г. стр. 2. 16.
6) Гл. II, разд. 8.
7) Гл. II, разд. 9.
8) Гл. II, разд. 10.
9) Гл. II, разд. 11.

Однако, не все раскольническое ученіе было основано на ихъ собственномъ смышленіи. Въ защиту своего ученія о духовномъ антихристѣ, наприм., они приводили основанія, заимствованныя и изъ писаній св. отцевъ. Особенное значеніе въ этомъ случаѣ пріобрѣтало извѣстное слово св. Ипполита объ антихристѣ[1]), гдѣ, по мнѣнію раскольниковъ, святой отецъ подъ антихристомъ разумѣетъ діавола, («въ скончаніе вѣка явится сынъ погибельный, сирѣчь діаволъ»), и утверждаетъ будто бы о его не чувственномъ, но духовномъ явленіи въ міръ: «сопротивникъ аще и плоть пріиметъ, но все въ привидѣніи. како бо юже вземъ плоть и ратовати ю имать, в' ню облекся. нещцоую бо возлюбленніи яко мечтательну плоть своему существу воспріиметъ сосудъ. Сего ради отъ дѣвы якоже бо рещи родится, яко духъ, аще и плоть многимъ явится иже тогда ниже плоть истинно возьметъ и обрѣжется»[2]). Хотя сопоставленіе этихъ словъ съ другими, находящимися въ этомъ же словѣ св. отца, и не даетъ права утверждать, будто св. Ипполитъ разумѣлъ пришествіе антихриста духовнымъ образомъ, тѣмъ не менѣе, скажемъ словами проф. И. Ѳ. Нильскаго, эти слова, взятыя отдѣльно, дѣйствительно могутъ вести къ той мысли, что антихристъ родится не въ собственномъ смыслѣ, но только видимо, призрачно. Возникалъ, такимъ образомъ, довольно серьезный вопросъ, серьезный въ

---

[1]) Слово въ недѣлю мясопустную. Соборникъ словъ отеческихъ, изд. въ Москвѣ 1647 г.

[2]) Соборникъ л. 128 об. Читая разборъ этихъ словъ св. Ипполита въ извѣстной книгѣ И. Ѳ. Нильскаго: Объ „антихристѣ противъ раскольниковъ", нельзя не согласиться съ слѣдующимъ предположеніемъ, высказываемымъ здѣсь въ объясненіе вышеприведенныхъ словъ. Какъ извѣстно, св. Ипполитъ въ этомъ же словѣ выражается, что антихристъ „во образѣ человѣчи изыдетъ", что онъ „обрѣзанъ будетъ" (л. 127), что онъ во истину отъ колѣна Данова хощетъ родитися (126 об.), что „зрѣти его человѣцы будутъ истинно" л. (л. 130 об.) и будутъ признавать его не иначе какъ за человѣка (л. 129 об.) Объясняя кажущееся противорѣчіе въ ученіи св. Ипполита, почтенный профессоръ говоритъ: „св. отецъ видѣлъ въ антихристѣ какъ бы два отдѣльныхъ существа—діавола и человѣка, въ которомъ будетъ обитать и дѣйствовать діаволъ. Разсуждая о рожденіи антихриста и понимая его какъ діавола, онъ училъ, что антихристъ родится и обрѣжется по привидѣнію; но когда уму его представлялся человѣкъ, избранный діаволомъ въ орудіе, тогда онъ говорилъ, что антихристъ и родится и обрѣжется истинно, подобно тому, какъ родился и обрѣзался Христосъ (стр. 125—126).

томъ смыслѣ, что являлось святоотеческое свидѣтельство, дававшее раскольничьему лагерю опору для болѣе или менѣе упорной оппозиціи, опору, собственно говоря, призрачную, но въ глазахъ невѣжественной массы имѣвшую непоколебимое значеніе. И если утопающій хватается за соломинку, то можно судить, какъ дорого цѣнили раскольники оружіе, которое если и не сулило побѣды, то обѣщало, повидимому, надежную защиту отъ никоніанскихъ нападеній? Трудность рѣшенія этого вопроса увеличивалась еще тѣмъ, что при извѣстномъ воззрѣніи раскольниковъ на авторитетъ св. отцевъ легко было въ разрѣшеніи указаннаго недоумѣнія подать поводъ въ похуленіи ихъ. Принимая во вниманіе кромѣ указаннаго и другія мѣста, гдѣ святые отцы, выражая собственное, частное мнѣніе, иногда дѣйствительно не согласовались съ общецерковнымъ ученіемъ [1]), составитель «Царскаго пути» избралъ путь своеобразный, но вѣрный къ разрѣшенію представившагося недоумѣнія. О святыхъ отцахъ онъ говоритъ словами святыхъ же отцовъ, при чемъ подборъ святоотеческихъ свидѣтельствъ оказался необыкновенно удачнымъ. «Яже по забвенію, по недоумѣнію, а не по распрѣ отцами нѣчто противно евангелію утвержденное, хотяй же то утвердити извѣтомъ мнѣнія св. отецъ, таковый порочитъ всѣхъ отецъ ликъ, и безчеститъ общаго всѣхъ владыку, гласъ его превращая» [2]). И въ другомъ мѣстѣ: «аще нѣкоторіи святіи отцы по забвенію нѣчто противное евангелію и рѣша, хотящіи же тое ихъ мнѣніе утвердити, тіи яко же Хамъ отчеругатель, ругаются отцемъ, не покрывая наготы отческія» [3]). Такимъ образомъ, изъ оборонительнаго положенія о. Павелъ прямо переходитъ въ наступательное и ставитъ противниковъ въ весьма неловкое положеніе прежде нежели пользоваться извѣстными доводами,—оправдаться въ томъ, что они не оказываются въ данномъ случаѣ ни порочащими всѣхъ отецъ ликъ, ни Хамами отчеругателями.—

Въ третьей главѣ доказывается неосновательность извѣта раскольниковъ, что будто вслѣдствіе того, что существуетъ множество

---

1) Таково, напр., мнѣніе св. Златоуста о пришествіи въ міръ антихриста, по разрушеніи Римской имперіи; также мнѣнія объ этомъ св. Кирилла Іерусалимскаго и св. Ефрема Сирина. (Объ антихристѣ И. Ѳ. Нильскаго, стр. 228, 239).

2) Царск. путь, гл. II, разд. 12.

3) Царск. путь, гл. III, разд. 4.

различныхъ религіозныхъ воззрѣній, нѣтъ возможности познать, какое изъ нихъ содержитъ истину и что потому аки бы удобнѣе каждому оставаться при тѣхъ убѣжденіяхъ, въ какихъ кто воспитался. Имѣя это въ виду, о. Павелъ, замѣтивъ прежде всего, что вмѣстѣ съ истиной находится на землѣ и ложь[1]), указываетъ на необходимость «глаголемая отъ учителей искушати»[2]) и что «нѣсть мощно имѣти извѣта, глаголющу, яко мнози суть соблазны, и како возмогу познати истину; аще бо кто съ правымъ сердцемъ попщетъ, Богъ открыетъ ему правый путь»[3]). «Аще убо ризу хощеши купити», приводитъ о. Павелъ слова св. Златоуста, «аще и ткательному не искусенъ сый художеству, не глаголеши сія глаголы, яко не умѣю купити: но все твориши дабы извыкнути... Здѣ же сія глаголеши: овъ убо еллинъ есть, овъ же іудеянинъ, овъ же христіанинъ..., азъ ученикъ есмь, и судіею не хощу быти, ниже имамъ зазрѣти ни единому отъ догматъ: не ктому у тебѣ сей прочее извѣтъ мѣста имать»[4]).

Въ четвертой главѣ составитель «Пути», утверждая читателей въ прежней главной мысли сочиненія, т. е. въ необходимости вѣровать и жить по евангелію, объясняетъ то, весьма естественное недоумѣніе, какимъ образомъ св. Писаніе, заключая въ себѣ истину, служитъ какъ будто бы въ тоже время и источникомъ заблужденій, «соблазновъ»? «Въ божественномъ писаніи», доказываетъ о. Павелъ святоотеческими доводами, «нѣсть ничтоже не согласно... не отъ писанія вредъ происходитъ: но отъ нашего неискусства»[5]). Посему, достоитъ писанія разсуждати, и доброе не въ время пріемлемо на злое происходитъ. случается намъ писаніе не во время пріимати отъ одебѣленія смысла, и отъ совоспитанія растлѣннаго мудрованія»[6]); «яко врачеванія, не по времени пріемлема, не точію недуга не исцѣляютъ, но и смертоносія сотворяютъ, сице и писанія не по времени преемлема на по вредность христіанскаго жительства происходятъ не отъ своего естества, нѣсть бо въ писаніи не полезно; но отъ неискусства пріемлющаго»[7]).

---

1) Царск. путь, гл. III, разд. 1.
2) Гл. III, разд. 3.
3) Гл. III, разд. 2.
4) Царск. путь, гл. III, разд. 2.
5) Царск. путь, гл. IV, разд. 2.
6) Царск. путь, гл. IV, разд. 3.
7) Гл. IV, разд. 4.

Стараясь по возможности всесторонне доказать необходимость руководства св. Писаніемъ, о. Павелъ рѣшаетъ далѣе и то недоумѣніе, ограничивавшее, повидимому, непремѣнность доказываемой имъ мысли о важности и необходимости св. Писанія, что въ св. Писаніи не имѣется указаній на многіе случаи въ жизни церковной и богослуженія и что часто «прилучившейся нужды, аще чесо не обрящется въ писаніи, то бываемыми въ первыя и среднія и послѣдняя лѣта управляемся» [1]). Мы видѣли, какъ въ прусской колоніи узнавалась правая вѣра: обращались къ старикамъ и старухамъ и то преданіе, которое эти выдавали за древнѣйшее, обыкновенно считалось вмѣстѣ съ тѣмъ и самымъ правильнымъ. Такой способъ руководства въ религіозной жизни по преимуществу практиковался въ глухихъ и отдаленныхъ мѣстностяхъ раскола. Въ центрахъ просвѣщенныхъ означенный способъ оставался по существу тѣмъ-же самымъ, принявъ только иную, болѣе разумную форму. Здѣсь имѣли возможность въ опредѣленіи давности обычая историческимъ путемъ дойти до первыхъ столповъ раскола, могли дѣйствительно доказать, что извѣстный обычай восходитъ ко временамъ до патріарха Никона и на этомъ основаніи почитать его, какъ обычай древній и слѣдовательно святой. Древность и святость—понятія у раскольниковъ синонимическія, въ области конечно обычаевъ религіозныхъ. По этому поводу о. Павелъ свидѣтельствами святоотеческихъ твореній доказываетъ прежде всего, что такими исключительными случаями вовсе не устанавливается того положенія, что «правый путь вѣры и житія подобаетъ разсматривати, и разсуждати и познавати отъ содержанія старыхъ и долголѣтныхъ обычаевъ, или знаменитыхъ мѣстъ»;... правый путь долженъ опредѣляться божественнымъ писаніемъ. И далѣе, обращая вниманіе уже на самые обычаи, говоритъ, что «той обычай пріемлется въ законъ, иже искушенъ бысть соборнѣ, яко добръ есть и яко въ тѣхъ вещехъ и дѣлѣхъ обычаю подобаетъ послѣдовати, о которыхъ нѣсть писано въ законѣ, а не въ тѣхъ, отъ нихже писанъ есть законъ. ибо закону обычай уступаетъ. обычай же золъ, отъ него же вредъ происходитъ: ниже отъ долголѣтняго времене, ниже отъ множества соблюдающихъ, ни кія же крѣпости да имать: но всячески подобаетъ отметнути золъ обычай» [2]). Такого рода (святоотеческимъ) аргументомъ унич-

---

[1]) Гл. IV, разд. 6.

[2]) Царск. путь, гл. VI, разд. 4.

тожался довольно важный принципъ раскольничьей вѣры и сильный мотивъ, заставлявшій ихъ иногда совершенно игнорировать ясными доводами св. Писанія.

На ряду съ древностью имѣется у раскольниковъ и другой принципъ опредѣленія истинности религіозныхъ обрядовъ и воззрѣній, опять таки въ ущербъ авторитету св. Писанія, это авторитетъ тѣхъ людей, кои, будучи уважаемы и почитаемы при жизни, или просто предали эти обычаи и воззрѣнія, или, можетъ быть, даже и пострадали за нихъ: первоначальная исторія раскола необыкновенно богата примѣрами такого рода. «Люди эти были въ глазахъ раскольниковъ «достославни, и житія святостію сіяюще, и чюдесы прославляемы» [1]). Авторитетъ такихъ людей—наставниковъ по большей части возвышался въ глазахъ раскольниковъ на такую степень высоты, что равнялся съ авторитетомъ св. Писанія и святыхъ отцовъ. Извѣстно, какое вліяніе на раскольническое религіозное воззрѣніе имѣетъ «Исторія объ отцѣхъ и страдальцѣхъ соловецкихъ». Павлу надлежало, такимъ образомъ, исправить и это заблужденіе, сколь распространенное, столь же и вредное. Дѣйствительно, приводя далѣе святоотеческія выписки, онъ доказываетъ, «еже не смотрѣти глаголющаго достоинство, аще и велицые нѣцыи будутъ: но глаголемое аще будетъ отъ божественнаго писанія, пріимати и послушати съ любовію. аще же будутъ глаголемая противна божественному писанію, то отвращатися и бѣгати, и не внимати» [2]). «Господня заповѣди», говоритъ Павелъ въ пятой главѣ, «предъ почитати достоитъ, по второму же человѣческая преданія полагати» [3]), представителями которыхъ служатъ вышеуказанные достохвальные учители. На убѣжденіе въ томъ, «что для спасенія нашего существенное и необходимое значеніе имѣетъ именно исполненіе заповѣдей Божіихъ, и посвящены пятая глава (заповѣди евангельскія [4]) и шестая (заповѣди апостольскія [5]).

---

[1]) Царск. путь гл. IV, разд. 8.

[2]) Тамъ же.

[3]) Тамъ же, гл. V, разд. 3.

[4]) Тамъ же, гл. V, разд. 1—4.

[5]) Цѣль составленія „Царскаго пути“ состояла, какъ мы знаемъ, въ томъ, чтобы исправить коренной недостатокъ вѣроученія безпоповцевъ, а съ ними и всѣхъ старообрядцевъ, состоявшій въ рѣшительномъ предпочтеніи „своесмысленнаго“ ученія своихъ наставниковъ, записан-

Итакъ, путь ко спасенію показанъ: нужно шествовать, руководствуясь безусловной вѣрой слову Божію, изъясненному святыми отцами.

II. Указывая путь спасенія, слово Божіе говоритъ, что ключи царства небеснаго находятся только въ Церкви Христовой, которая имѣетъ въ себѣ Христомъ установленную іерархію, въ правѣ которой заключается совершеніе спасительныхъ таинствъ [1]). «Кто въ церкви не пребудетъ», говорится въ «Книгѣ о вѣрѣ», той и вѣчнаго онаго и блаженнаго по временнѣмъ семъ житіи живота наслѣдити не можетъ» [2]), «зане», какъ говорится въ Катехизисѣ Великомъ, «кромѣ церкви Божія нигдѣ же нѣсть спасенія... Якоже бо при потопѣ, вси елицы съ Ноемъ въ ковчезѣ не бяху, истопоша: тако и въ день судный, вси, иже нынѣ въ Церкви святой не будутъ, тіи

наго въ разныхъ „тетрадкахъ“, ясному ученію слова Божія. Цѣль эта, какъ видимъ изъ разбора „Царскаго пути“, достигается здѣсь чрезвычайно вѣрнымъ путемъ, именно, доказательствами, заимствованными изъ святоотескихъ, помѣщенныхъ въ старопечатныхъ книгахъ, твореній, противъ которыхъ недовольные старообрядцы возразить конечно ничего не могли. Нужно сказать еще, что доказательства были приведены въ такомъ изобиліи, такъ всесторонне охватываютъ свой предметъ, что никакое усиліе раскольнической мысли не въ состояніи продѣлать бреши въ стѣнѣ этихъ доказательствъ, чтобы получить хотя призрачное право на самостоятельное существованіе. Разсмотрѣна здѣсь не только положительная сторона—чему, какъ и на какомъ основаніи слѣдовать, но и отрицательная—чему не слѣдовать и отъ чего отвращаться и убѣгать. При этомъ предусмотрѣны могущія возникнуть увертки и отговорки и показана несостоятельность и нелѣпость ихъ. Раскольнику оставалось или совершенно закрыть глаза отъ показываемой „Царскимъ путемъ“ истины или же, если разсмотрѣть, то и согласиться. Познакомившись этимъ замѣчательнымъ сочиненіемъ, раскольники въ свою защиту говорили: это не Царскій путь, а Царскій плутъ, онъ больно на писаніе то ссылается, а вѣдь писаніе то глубина морская и т. д. Не говоримъ о шаблонности возраженія, нелѣпость котораго слишкомъ ясно доказывается въ „Царскомъ пути“ на каждой страницѣ; скажемъ только о томъ, что возраженіе это и не можетъ относиться къ „Царскому пути“, потому что онъ совсѣмъ на писаніе не ссылается, а приводитъ святоотеческія наставленія, какъ пользоваться этимъ „мечемъ обоюду острымъ“. Гораздо прямѣе поступали тѣ раскольники, которые эту книгу бросали.

[1]) Царск. путь гл. I, разд. 6-й дополн. 2.

[2]) Собр. сочин. архим. Павла ч. I, стр. 604; 608.—610; ч. II, стр 537.

во езеро огненно ввержени будутъ»[1]). Но такъ какъ старообрядцы всѣхъ толковъ: бѣглопоповцы и пріемлющіе австрійскую іерархію и безпоповцы одинаково убѣждены, что каждое изъ этихъ обществъ и составляетъ ту церковь, въ которой только лишь и возможно спасеніе, то о. Павелъ и провѣряетъ справедливость такого рода претензій, для чего предварительно опредѣляетъ понятіе о церкви.

Что такое церковь? По опредѣленію «Царскаго пути» «се есть церковь соборная, еже всему евангелію и всему ученію вселенскихъ соборовъ вѣруетъ, а не части». Изъ опредѣленія понятія о церкви Великаго Катихизиса, а также изъ снесенія весьма многихъ мѣстъ св. Писанія, изъясненнаго отцами Церкви, слѣдовало, что существенными признаками истинной Христовой Церкви служитъ іерархія, таинства и вѣчная неизмѣнность такого устройства ея. Послѣднее съ очевидностію слѣдуетъ изъ тѣхъ мѣстъ св. Писанія, гдѣ обѣщаны Христомъ неодолѣнность Церкви вратами ада и пребываніе съ ней до скончанія вѣка.

Остается посмотрѣть такую ли церковь представляютъ собой общества старообрядцевъ и въ частности, прежде всего, такъ назы-

---

прямо въ печь. Укоренившуюся вѣру въ расколоучителей здѣсь, очевидно, не могъ бы поколебать даже ангелъ съ небесъ. „Если бы Христосъ явился и проповѣдывалъ иначе, то и Ему бы я не повѣрилъ“ говорилъ въ сумасбродствѣ Ковылинъ. На такихъ фанатиковъ, конечно и Царскій путь не могъ производить надлежащаго вліянія. Однако на людей, менѣе фанатичныхъ, не утерявшихъ еще способности смотрѣть на возвѣщаемую истину безпристрастнымъ взоромъ, чтеніе „Царскаго пути“ производило рѣшающее значеніе въ смыслѣ перемѣны религіозныхъ убѣжденій, какъ то можно видѣть изъ многихъ разсказовъ о себѣ людей, обратившихся изъ раскола. „Многіе, говоритъ о. Павелъ, прочитавъ его, поколебались въ своихъ безпоповскихъ понятіяхъ и рѣшились искать общенія съ церковію. Уже послѣ моего обращенія въ православіе, я получилъ отъ одного бывшаго безпоповца, а нынѣ сына православной Церкви и священника, письмо, въ которомъ онъ о книгѣ „Царскій путь“ выражается такъ: сія книга воистину царскій путь, она меня заставила вникнуть въ св. Евангеліе, которое привлекло меня во св. Церковь. (Собр. сочин. арх. Павла, ч. II, стр. 110; Брат. слов. 84 г. I, стр. 568). Много значило въ отношеніи пріобрѣтенія къ „Царскому пути“ вниманія и симпатій также и рѣдкая тактичность его составителя, совершенно избѣжавшаго нападокъ и порицаній. направленныхъ по адресу противоположнаго лагеря.

[1]) Тамъ же, ч. I, стр. 494,—495; 603—607; ч. II, 61—62.

ваемые бѣглопоповцы. При разсмотрѣніи оказывается, что общество это не имѣетъ у себя таинства хиротоніи. Отсюда слѣдуетъ, во первыхъ, то, что церковь ихъ не имѣетъ уже того устройства, которое обѣщалъ Господь своей церкви и старообрядцы, признающіе эту церковь за истинную, не вѣруютъ словамъ Господа и проповѣдуютъ смышленую церковь [1]). Напрасно бѣглопоповцы въ оправданіе того, будто пользованіе бѣглыми попами можетъ восполнить существующій недостатокъ таинства хиротоніи, ссылаются на соборныя правила, на нѣкоторые примѣры изъ исторіи церкви: всѣ эти правила и святоподобія въ истинномъ смыслѣ къ церковному положенію бѣглопоповцевъ приложенія имѣть не могутъ, какъ доказываетъ о. Павелъ[2]), а потому въ бѣглопоповствѣ нѣтъ священства, нѣтъ и таинствъ, нѣтъ, слѣдовательно, и церкви.

Совершенно неосновательна и увѣренность старообрядцевъ, пріемлющихъ австрійскую іерархію, будто общество ихъ составляетъ истинную, Христомъ обѣщанную церковь. «По свидѣтельству писаній, источники дарованій Св. Духа въ Церкви во вѣки пребудутъ (отъ Іоан. зач. 48), между тѣмъ указанное общество цѣлыя двѣсти лѣтъ не имѣло у себя главнаго благодатнаго источника, во еже рукополагати и освящати чины, посему не было жилищемъ Св. Духа,—истинною церковію» [3]). Это было собственно бѣглопоповство, несостоятельность котораго уже показана. Событіемъ, измѣнившимъ бѣглопоповство въ новую форму и повидимому сообщившимъ ему полноту церковную, былъ пріемъ м. Амвросія. Тотъ фактъ, что м. Амвросій оставилъ своего епископа самовольно, отдѣлился отъ Церкви и принятъ въ расколъ бѣглыми попами, лишенными всякой власти, составляетъ конечно вопіющее нарушеніе каноновъ Церкви. Въ оправданіе принятія Амвросія раскольники ссылаются на тѣ же соборныя правила и святоподобія, кои приводятся и бѣглопоповцами въ защиту принятія ими бѣглыхъ поповъ. Несостоятельность этихъ доводовъ была уже показана. Здѣсь въ добавленіе можно замѣтить развѣ еще то, что если тѣми доводами нельзя защищать принятія бѣглыхъ поповъ, то уже никакъ нельзя защищать пріемъ бѣглаго архіерея. Подробнымъ разборомъ подставныхъ доктринъ, которыми

---

[1]) Тамъ же, ч. I, стр. 591.

[2]) Тамъ же ч. I, стр. 305—378; ч. II, 438. ч. III стр. 17, 18;

[3]) Тамъ же, ч I, стр. 271; 577.

Павелъ Бѣлокриницкій и его достойные послѣдователи хотѣли оправдать совершившееся у нихъ беззаконіе, о. Павелъ довольно очевидно показываетъ ихъ совершенную нелѣпость [1]). За свой противоканоническій проступокъ Амвросій былъ лишенъ сана, а слѣдовательно и присущей ему благодати архіерейства и хиротоніи, а потому и священство, отъ него истекшее, призракъ пустой и совершаемыя этимъ священствомъ таинства—не таинства. Въ единоличномъ же поставленіи епископа старообрядцамъ Амвросій совершилъ такое очевидное преступленіе противъ Апостольскихъ правилъ, въ защиту котораго даже самые хитроумные защитники раскола сказать ничего не могутъ.

Далѣе, о. Павелъ изслѣдуетъ справедливость притязаній на присвоеніе себѣ имени церкви общества безпоповцевъ. Общество это, совершенно не имѣющее у себя ни іерархіи, ни таинствъ и не маскирующее ничѣмъ такое отсутствіе необходимыхъ признаковъ церкви, повидимому и менѣе всего должно было бы имѣть претензій на присвоеніе себѣ имени церкви. Однако, чѣмъ менѣе внутренней состоятельности, тѣмъ при извѣстномъ интересѣ обыкновенно употребляется болѣе усилій для оправданія и защиты. Тоже явленіе наблюдаемъ и здѣсь. Ни одно старообрядческое общество такъ не удалилось отъ Церкви, какъ безпоповство и ни одно не имѣетъ такой богатой апологіи. Система этой апологіи, какъ она представляется въ критическомъ разборѣ о. Павла, распадается на три части: а) свое безсвященнословное и лишенное спасительныхъ таинствъ состояніе безпоповцы объясняютъ пришествіемъ антихриста, который будто бы, по писанію, вездѣ истинное священство и Христовы тайны истребитъ, что б) слова обѣтованія Христа о вѣчности и нерушимости Церкви не простираются на антихристово время и что в) не смотря на лишенное спасительныхъ таинъ состояніе, безпоповцы имѣютъ твердое основаніе вѣрить въ свое спасеніе.

а) Полемика о. Павла съ безпоповцами по вопросу объ антихристѣ имѣетъ два главныхъ пункта, разсматриваются, во первыхъ, признаки пришествія антихриста [2]) и, далѣе, характеръ самаго при-

---

[1]) Тамъ же, ч. I, стр. 262—301; ч. II, стр. 518.

[2]) Тамъ же, ч. I, стр.59—120;

шествія [1]). откуда становится яснымъ, что пришествія антихриста еще не было.

б) Для обоснованія второй мысли своей апологіи, будто обѣтованіе Христово о неодолѣнности Церкви не относится ко временамъ антихриста, безпоповцы употребляютъ доказательства троякаго рода. Прежде всего безпоповцы стараются подорвать вѣрность той евангельской истины, что всѣ обѣтованія Божіи должны непремѣнно исполниться и что, слѣдовательно, въ частности, могло не исполниться и обѣтованіе Христово о вѣчности и неодолѣнности Церкви [2]); далѣе слѣдуютъ со стороны безпоповцевъ прямыя указанія на совершившуюся будто-бы одолѣнность церкви вратами адовыми [3]) и наконецъ представляются разныя свидѣтельства, оправдывающія аки бы настоящее безсвященнословное состояніе безпоповскаго общества [4]). Съ очевидностію доказываетъ о. Павелъ, что, или намѣренное искаженіе смысла писанія и церковныхъ повѣствованій, или упорное нежеланіе понять истинный смыслъ, заключающійся здѣсь, или крайнее невѣжество и незнакомство съ святоотеческими толкованіями и исторіей Церкви, служатъ объясненіемъ къ указанному заблужденію старообрядцевъ.

в) Не имѣя священства, безпоповцы должны были бы отказаться и отъ таинствъ. Но ихъ фанатическое невѣріе словамъ евангелія здѣсь сломалось предъ яснымъ свидѣтельствомъ слова Божія о невозможности спасенія безъ благодатныхъ средствъ: они совершаютъ двѣ «потребно нужныхъ во спасеніе тайны—крещеніе и покаяніе. О. Павелъ весьма подробно разсматриваетъ все то, чѣмъ безпоповцы думаютъ частію показать себя имѣющими аки бы и священство и таинства [5]), частію оправдать себя въ неимѣніи оныхъ [6]) и выводитъ то очевидное заключеніе, что у нихъ не имѣется ни священства и ни одного таинства, а слѣдовательно безпоповцы и

---

[1]) Тамъ же, ч. I, стр. 94—175.

[2]) Тамъ же, ч I, стр. 251—280; II ч. стр, 441—492.

[3]) Тамъ же, ч. I, стр. 128—135; II ч. 52—54; 126—136.

[4]) Тамъ же, ч. I, стр. 210—226; 552—592; 648—653; II ч. 44—46; 180—183, 639.

[5]) Тамъ же, ч. I, стр. 589—591; 648; 735; II ч. 161—166; III ч. 158—199; Замѣч. на Пом. отв. 468—474.

[6]) Тамъ же, ч. I, стр. 212—216; II ч. 104—106; 174—178. Замѣч, на Поморск. отв, 503—510.

не составляютъ собой Христовой Церкви, въ которой только лишь и несомнѣнно спасеніе. Въ критическихъ обстоятельствахъ, безпоповцы рѣшаются на попытку измѣнить самое понятіе о церкви, съ надеждой въ новоизмышленномъ понятіи найти для своей совѣсти нѣкое успокоеніе. «Церковь, повторяютъ они вслѣдъ за Денисовымъ, не стѣны и покровъ, но вѣра и житіе, не стѣны церковныя, но законы церковные» [1]). Жалкая попытка: безпоповцы, говоритъ о. Павелъ, не стѣнъ только, или покрововъ златыхъ не имѣютъ, но самой вѣры въ церковь» [2]). Напрасно приводятъ безпоповцы слова св. Аѳанасія Великаго, что «церковь есть собраніе христіанъ». Онъ нарицаетъ церковію, говоритъ о. Павелъ, такое собраніе вѣрныхъ, въ которомъ сохраняется преданное отъ Спасителя священноначаліе съ седмію тайнами, а не самособранное скопище людей, какое составляютъ безпоповцы» [3]). Этимъ послѣднимъ, отчаяннымъ, но вмѣстѣ и неудачнымъ, какъ видимъ, усиліемъ безпоповцы только еще болѣе доказываютъ, что состояніе ихъ внѣцерковное, безблагодатное и не спасительное.

Итакъ, ясно, что ни бѣглопоповцы, ни пріемлющіе австрійскую іерархію, ни безпоповцы не составляютъ Христомъ обѣщанной, вѣчной, вратами адовыми неодолѣнной Церкви. Гдѣ-же находится такая церковь, если суждено ей не только существовать, но даже и не измѣниться?

III) «Прочыя именуемыя церкви, отвѣчаетъ на этотъ вопросъ о. Павелъ, осуждены вселенской Церковію, яко не соблюдшія въ чистотѣ православное исповѣданіе: остается каждому старообрядцу мысленнымъ окомъ воззрѣть точію на церковь Греко-россійскую» [4]). Но эта церковь, по воззрѣнію старообрядцевъ, лишилась чистоты вселенскаго православія, допустивъ у себя нѣкоторыя измѣненія. Остается разсмотрѣть, насколько въ этомъ случаѣ справедливы обвиненія старообрядцевъ. Полемика о. Павла по данному вопросу имѣетъ двѣ стороны: съ одной, не входя въ разсужденія о самыхъ предметахъ раздора, онъ доказываетъ, что указываемыя старообрядцами мнимыя нововведенія не могли измѣнить православія Греко-

---

[1]) Тамъ же, ч. I, стр. 616—621; 218.
[2]) Тамъ же, ч. I, стр. 218—219.
[3]) Тамъ же, ч. I, стр. 217—218.
[4]) Тамъ же, ч. II, стр. 10

россійской церкви, если бы даже онѣ представляли собой дѣйствительно «незнаемыя новшества». Мысль эту о. Павелъ доказываетъ тѣмъ, что эти измѣненія касались бы обрядовой стороны нашей религіи, но не догматовъ, неизмѣнность которыхъ дѣйствительно составляетъ необходимое условіе чистоты православія. Эта мысль составляетъ центръ тяжести въ полемикѣ о. Павла по вопросу объ обрядовыхъ измѣненіяхъ. Всестороннее разъясненіе этой мысли обыкновенно предваряетъ дальнѣйшее разсужденіе по этимъ вопросамъ, вслѣдствіе чего мы встрѣчаемъ эту мысль выраженною въ чрезвычайно многихъ мѣстахъ сочиненій о. Павла [1]). «Это разсмотрѣніе (разсмотрѣніе вопроса о перстосложеніи съ историко-археологической точки зрѣнія) я предпринимаю, говоритъ о. Павелъ въ Замѣчаніяхъ на Поморскіе отвѣты, не потому, чтобы полагалъ его необходимымъ... введеніе обряда зависитъ отъ власти церковной..., а единственно затѣмъ, чтобы показать, насколько вѣрны археологическія доказательства, приводимыя Денисовымъ» [2]). Указаннымъ путемъ въ своей полемикѣ о. Павелъ избавляется отъ безконечныхъ, часто безплодныхъ словопреній относительно обрядовыхъ разностей и прямо приводитъ старообрядцевъ къ сознанію своей виновности въ отдѣленіи отъ Церкви. Этотъ путь въ противораскольничьей полемикѣ о. Павелъ считаетъ наиболѣе цѣлесообразнымъ [3]); другой же путь, которымъ шли наши полемисты прежнихъ временъ, о. Павелъ считаетъ наименѣе пригоднымъ.

---

[1]) Изъ нихъ важнѣйшія въ ч. I, стр. 391—394; 472—473; ч. II, стр. 511, 517.

[2]) Замѣчан. на Поморск. отвѣты стр. 64, также стр. 46, 163, 246, 292, 354 и др.

[3]) Здѣсь, между прочимъ, находится отвѣтъ на ту въ недавнее время высказанную нѣкоторыми учеными, какъ напр., Каптеревымъ (въ статьѣ „Патріархъ Никонъ, какъ церковный реформаторъ и его противники". Прав. Обозрѣн. 87 г I, стр. 315) и Е. Е. Голубинскимъ (въ ст. „Къ нашей полемикѣ съ старообрядцами" Богослов. вѣстн. 92 г. Январь, стр. 45), мысль, что наша полемика съ старообрядцами должна имѣть своимъ основаніемъ историко-археологическія изслѣдованія. „Мы полагаемъ", говоритъ о. Павелъ въ спеціально написанной по этому поводу статьѣ, „что сіи ученые своими изысканіями только сбиваютъ бѣдныхъ старообрядцевъ съ толку и побуждаютъ ихъ оставаться въ расколѣ, чего никакъ не желательно было видѣть отъ науки". (Брат. сл. 93 г. II, 485 „Нѣсколько словъ по вопросу о томъ, правильно ли поставлена полемика противъ раскола въ Церкви православной").

Однако, съ другой стороны, о. Павелъ не игнорируетъ совершенно и историко-археологическую почву и погружаясь въ глубину этой многосложной полемики, старается доказать, что старообрядцы не такъ правы, какъ они привыкли считать себя, что принятыя Великороссійскою церковію «новшества» имѣютъ за себя несомнѣнныя историческія основанія и соображенія здраваго смысла.

Изъ разсмотрѣнія измѣненій православною Церковію нѣкоторыхъ обрядовъ оказалось, что въ этомъ случаѣ Великороссійская церковь нисколько не измѣнила истинѣ содержимаго ею православнаго ученія и старообрядцы не имѣютъ никакой благословной вины отдѣляться отъ нея и если не желаютъ стать въ противорѣчіе съ словомъ Божіимъ, полагающимъ спасеніе только лишь въ Церкви,— должны непремѣнно соединиться съ ней.

IV) Въ защиту своихъ воззрѣній старообрядцы ссылаются еще на то, будто церковь Великороссійская соборомъ 1666— 67 года измѣнила и предала проклятію то, что, составляя формы выраженія православнаго благочестія, имѣло за себя санкцію соборнаго (стоглаваго собора) опредѣленія: этимъ ясно, аки бы, свидѣтельствуется отпаденіе ея отъ православія. вслѣдствіе чего будто бы и совершилось отдѣленіе старообрядцевъ: далѣе, допуская у себя единовѣріе или употребленіе осужденныхъ обрядовъ, церковь Великороссійская, аки бы, впадаетъ во внутреннее противорѣчіе.

Опроверженіе этого возраженія у о. Павла раздѣляется такимъ образомъ. Прежде всего, онъ доказываетъ, что опредѣленія собора 1667 года не имѣли предметомъ своимъ догматовъ вѣры, поэтому, какимъ бы рѣшительнымъ характеромъ онѣ ни отличались, чистота вѣры, на область которой эти опредѣленія не простирались, должна оставаться внѣ всякаго сомнѣнія [1]) и отдѣленіе старообрядцевъ, уже по этому, должно назваться неосновательнымъ, незаконнымъ.—Погрѣшность церкви (частной) можетъ быть опредѣлена и осуждена только соборомъ; отдѣленіе отъ церкви, кромѣ соборнаго о ней опредѣленія, — явленіе противоканоническое: какъ извѣстно, старообрядцы отдѣлились отъ церкви самовольно, у нихъ не было даже попытки провѣрить справедливость своихъ воззрѣній посредствомъ соборнаго опредѣленія.—Но что еще болѣе показываетъ несправедливость извѣта старообрядцевъ, будто клятвы собора послужили

[1]) Собр. сочин. арх. Павла, ч. II, стр. 128—129; ч. III, стр. 221; 405.

причиной ихъ отдѣленія отъ церкви, это то, что самый расколъ образовался далеко прежде собора 1667 года: соборныя опредѣленія направлены уже противъ раскола [1]).—Далѣе, соборъ 1667 года имѣя, какъ органъ управленія церкви, полное право на измѣненіе обрядовой стороны вообще, (въ цѣляхъ преуспѣянія на лучшее) могъ это право на полномъ каноническомъ основаніи примѣнить и къ постановленіямъ Стоглаваго собора, какъ соборъ большей компетентности, тѣмъ болѣе, что Стоглавый соборъ въ своихъ опредѣленіяхъ далеко не былъ безупреченъ съ канонической стороны: церковь русская находилась въ то время въ подчиненіи Константинопольскому патріарху и безъ вѣдома его, (что было на Стоглавомъ соборѣ), не могла производить измѣненій хотя бы то и обрядовой стороны: опредѣленія Стоглаваго собора, слѣдовательно, не могли имѣть полной канонической силы [2]).

Что касается, наконецъ, выставляемыхъ старообрядцами проклятій собора 1667 года, то нужно замѣтить, что онѣ положены не на обряды, какъ то всѣми силами стараются утверждать старообрядцы. Обрядъ самъ по себѣ явленіе безразличное; значеніе свое онъ пріобрѣтаетъ въ употребленіи у людей, будучи символомъ извѣстныхъ мыслей. Поэтому, когда тотъ или другой обрядъ подвергается осужденію со стороны церкви, то предметомъ осужденія является не самый обрядъ, но люди, по скольку съ извѣстнымъ обрядомъ они соединяютъ неправильное мудрствованіе [3]). Соборъ 1667 года имѣлъ въ виду именно такихъ людей, кои, придерживаясь такъ называемыхъ старыхъ обрядовъ и полагая въ нихъ единственное средство къ спасенію, измѣненіе этихъ обрядовъ Великороссійскою церковію объясняли тѣмъ, что «ересьми многими и антихристовою скверною осквернены церкви, и чины, и таинства и послѣдованія церковная» [4]). Кто же съ содержаніемъ прежнихъ обрядовъ не соединялъ упорнаго и ложнаго мудрствованія, тому содержаніе этихъ обрядовъ было позволительно, такъ, напр., о молитвѣ Іисусовой соборомъ опредѣлено, что не прекословящимъ и не отторгающимся отъ церкви «молитва сія ко читанію свободна есть» [5]). Изъяснивши смыслъ и значеніе

---

1) Тамъ же, ч. I, стр. 394; ч. II, 221; III, 223—225.

2) Тамъ же, ч. I, стр. 514—516.

3) Тамъ же, ч. III, стр. 408—409.

4) Тамъ же, ч. II, стр. 239; 64—70; Братск. сл. 91 г. II т. 113.

5) Тамъ же, ч. I, стр. 508.

клятвы, изреченной по поводу одной причины или вины отдѣленія старообрядцевъ отъ церкви, соборъ этимъ самымъ далъ разумѣть, какъ надобно судить и о прочихъ клятвахъ, положенныхъ за другія вины отдѣленія (двуперстіе, сугубая аллилуія и проч.[1]).

Отсюда слѣдуетъ, что если съ указанными обрядами не соединяется неправое мудрствованіе и отдѣленіе отъ церкви, (что непремѣнно наблюдается въ единовѣріи), тогда содержаніе и почитаніе ихъ допускается совершенно свободно [2]). Въ единовѣріи — единство вѣры и соединеніе церкви. Различіе точію въ обрядахъ, за которые стыдъ есть ратоватися и раздѣлятися и допущено это различіе въ виду того, что оно «много покоитъ обыкновеніе старообрядцевъ и чрезъ то единитъ съ церковію» [3]).

Изложенное схематически содержаніе сочиненій о. Павла ясно показываетъ необыкновенное богатство вопросовъ, затронутыхъ и основательно разрѣшенныхъ имъ въ своей полемикѣ [4]). Трудъ его, какъ писателя, выразившійся въ шести довольно объемистыхъ книгахъ, конечно возбуждаетъ удивленіе даже, такъ сказать, съ внѣшней стороны. Но въ полемикѣ о. Павла не такъ важно то, о чемъ онъ говорилъ, сколько важно то, какъ онъ полемизировалъ. Важно то, что въ его сочиненіяхъ мы видимъ расколъ лицомъ къ лицу, со всѣми его особенностями, со всѣми уловками, хитроумными сплe-

---

1) Тамъ же, ч. I, стр. 509.

2) Тамъ же, ч. I, стр. 510.

3) Тамъ же, ч. I, стр. 568.

4) Впрочемъ, сочиненія о. Павла нельзя представлять такимъ образомъ, будто здѣсь можно найти самое обстоятельное разрѣшеніе всѣхъ вопросовъ противораскольничьей полемики. Нельзя даже назвать его самой обширной и полной энциклопедіей полемики съ расколомъ. Составляя свои сочиненія, о. Павелъ имѣлъ въ виду существующія уже пособія,—сочиненія прежняго времени и избѣгая повторенія, находилъ нужнымъ въ томъ только случаѣ писать о давно разрѣшенномъ вопросѣ, если предлагаемое имъ разъясненіе представляло собой что либо новое и полезное. Поэтому, по многимъ вопросамъ полемики необходимо обращаться уже не къ сочиненіямъ о. Павла, но къ сочиненіямъ прежняго времени и въ особенности къ извѣстному сочиненію митрополита Григорія. Очень часто случается, впрочемъ, что о. Павелъ потому не приводитъ цѣлаго ряда возможныхъ доказательствъ, что вводитъ такое сильное доказательство, предъ которымъ остальныя не имѣютъ почти значенія; такимъ образомъ о. Павелъ избавляется отъ излишнихъ разсужденій и идетъ къ цѣли болѣе вѣрнымъ и краткимъ путемъ.

*

тенiями и тому подобными пріемами, которыми онъ старается отстоять свое существованіе. Пріемы эти разрушаются до основанія спокойной и увѣренной рукой и изъ причудливаго зданія раскольническаго воззрѣнія послѣ полемики о. Павла остаются какіе-то жалкіе, лишенные смысла и значенія обломки. Вполнѣ соглашаешься съ авторомъ, когда онъ по поводу той или другой доказанной неосновательности раскольничьяго вѣроученія выражается: «здѣ смертельно поражаются раскольницы»; дѣйствительно чувствуешь, какъ умираетъ исполненная жизни и энергіи мысль раскольника подъ ножемъ критики о. Павла. Эта особенность полемики о. Павла, это своего рода: «пріидите, истяжимся», придаетъ ей чрезвычайное значеніе. Послѣ знакомства съ полемикой о. Павла расколъ уже не кажется чѣмъ-то внушительнымъ и страшнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, читая сочиненія о. Павла, становишься съ расколомъ какъ бы въ непосредственное отношеніе, онъ здѣсь живой предъ вами, во всемъ своемъ оружіи, со всей защитой и доказательствами. И вотъ самымъ очевиднѣйшимъ образомъ убѣждаешься здѣсь въ совершенной недѣйствительности выставляемаго со стороны раскола оружія, на глазахъ у зрителей совершается спокойное обезоруженіе раскола и этотъ безсиленъ, чтобы болѣе или менѣе основательно возразить и отразить нападеніе. Очевиднѣйшимъ образомъ доказывается совершенная несостоятельность и тщетность усилій раскольнической самозащиты. Такого рода полемика глубоко убѣждаетъ въ совершенномъ безсиліи раскола и возбуждаетъ энергію къ тому, чтобы обратиться къ несчастнымъ заблуждающимся людямъ съ тѣмъ же словомъ мягкаго обличенія и увѣщанія. Чрезвычайная всесторонность изслѣдованія, въ высшей степени цѣлесообразное разрѣшеніе главныхъ вопросовъ полемики, разоблаченіе если и не всѣхъ, то весьма многихъ казуистическихъ тонкостей раскольнической самозащиты даетъ довольно надежное ручательство за то, что если ваше личное участіе въ этой борьбѣ и не достигнетъ полнаго убѣжденія и сознанія въ заблужденіи противной стороны, то во всякомъ случаѣ старообрядцу—начетчику не придется восторжествовать надъ вашей неопытностію. Такое практически-жизненное направленіе полемики о. Павла сулитъ ей важное значеніе въ нашей противораскольничьей борьбѣ. Что касается внѣшней стороны сочиненій о. Павла, то здѣсь должно замѣтить слѣдующее. Мысль автора, обыкновенно сильная, не уклоняющаяся въ сторону, имѣетъ необыкновенно мѣткія формы выра-

женія; трудно встрѣтить лишнее, не идущее къ дѣлу слово: все передается въ сжатомъ и ясномъ видѣ; рѣчь вообще живая, увѣренная, часто образная, иногда возвышающаяся до эффекта поэтическаго образа представленій, проникнутая духомъ кротости, умѣренности и миролюбія. Сложное возраженіе или доказательство со стороны раскола по большей части не ясное, не удобовразумительное о. Павелъ сокращаетъ и въ нѣсколькихъ словахъ передаетъ ясно сущность сказаннаго. Опроверженіе о. Павла это—обыкновенно спокойное, внимательное, обстоятельное и подробное разсмотрѣніе «ab ovo» приведеннаго старообрядцемъ возраженія, безъ признаковъ не только какого либо излишества, но даже и растянутости. Если ясность и простота рѣчи составляютъ незамѣнимое достоинство всякаго выраженія мысли вообще, то въ дѣлѣ противораскольничьей полемики, гдѣ главной цѣлью служитъ убѣжденіе и гдѣ предметомъ воздѣйствія служитъ простой, необразованный народъ, указанныя достоинства сочиненій о. Павла пріобрѣтаютъ особенное значеніе и представляютъ замѣчательный примѣръ для подражанія [1]).

XIV.

Личныя сношенія автора съ старообрядцами въ цѣляхъ уясненія значенія для раскола сочиненій о. Павла.

Полемическія сочиненія о. Павла, обнимая собой всю область раскола, отличаются при этомъ такою обстоятельностію, такою убѣдительностію, что существованіе раскола, обѣщающее продолжиться въ далекое будущее, представляется крайне загадочнымъ и непонятнымъ. Если дѣйствительно расколъ такъ неоснователенъ, такъ ложенъ, какъ свидѣтельствуютъ объ этомъ сочиненія о. Павла, то спрашивается, гдѣ-же источникъ, питающій еще расколъ своей живительной влагой? Гдѣ дѣйствительныя основы его, если таковыхъ не обрѣтается въ его ученіи? Или, можетъ быть, сочиненія о. Пав-

---

[1]) Какъ извѣстно, о. Павелъ не получилъ школьнаго образованія и всецѣло былъ лишенъ знанія грамматики. Этотъ недостатокъ въ сочиненіяхъ, предназначавшихся къ печати, исправлялъ другъ его Н. И Субботинъ; однако это исправленіе касалось только лишь правильныхъ формъ граматики и синтаксиса и не только мысль, но и самый способъ выраженія оставались при этомъ въ совершенной неприкосновенности (Бр. сл. 93, I, 347. „Празднов. двадцатипятилѣтія“).

ла нѣсколько преувеличиваютъ эту несостоятельность, что, можетъ быть, въ дѣйствительности старообрядецъ, съ своей точки зрѣнія, усматриваетъ такіе для себя устои, кои остаются непоколебимыми при всемъ напорѣ всесокрушающей полемики о. Павла? Вѣдь если во времена чуть не всеобщей темноты и невѣжества Руси многое можно было объяснить именно этой темнотой, порождавшей слѣпой фанатизмъ, то чѣмъ объяснить существованіе раскола теперь, когда, съ распространеніемъ просвѣщенія, расколъ называетъ въ числѣ своихъ послѣдователей лицъ въ полномъ смыслѣ слова интеллигентныхъ? Признаемся, мы недоумѣвали надъ этимъ явленіемъ и желая получить хотя нѣкоторое разъясненіе, рѣшились войти въ непосредственное сношеніе съ расколомъ; въ этомъ случаѣ недоумѣніе свое мы надѣялись разрѣшить самимъ дѣломъ, въ чемъ и не ошиблись: здѣсь мы имѣли возможность усмотрѣть, до нѣкоторой степени, что удерживаетъ въ расколѣ необразованную массу, интеллигентныхъ людей и наконецъ самыхъ пастырей—наставниковъ раскола.

Сношенія свои мы сочли болѣе удобнымъ начать бесѣдами съ паствой, съ «простецами»; вступать въ бесѣду съ раскольническимъ попомъ — начетчикомъ мы не рѣшались, опасаясь остаться предъ нимъ безотвѣтными. Но «простецы» не долго интересовали насъ: при всемъ видимомъ желаніи они не могли отвѣчать намъ болѣе или менѣе основательно и въ тѣхъ случаяхъ, когда оставались безотвѣтными, воздыхая говорили о своей темнотѣ и невѣденіи и отсылали насъ къ батюшкѣ, (мы имѣли дѣло съ старообрядцами, пріемлющими австрійскую іерархію), увѣряя, что онъ дастъ отвѣты на всѣ наши возраженія: представить батюшку безотвѣтнымъ они не могли.

Случай представилъ намъ возможность побесѣдовать съ раскольнической паствой другого рода, не смиренной въ своемъ невѣжествѣ, но гордой въ сознаніи собственнаго интеллектуальнаго развитія: собесѣдникомъ былъ воспитанникъ высшаго учебнаго заведенія. Однако, къ удивленію и большому для насъ сожалѣнію, оказалось, что сей сынъ раскола совершенно не знаетъ, да и не желаетъ знать основъ своего религіознаго воззрѣнія, къ которому и принадлежитъ только по рожденію. Совершенно отказываясь дать намъ какой либо отвѣтъ по «спеціально-богословскимъ вопросамъ» и рекомендуя за этимъ обратиться къ тому же батюшкѣ, онъ однакоже съ удовольствіемъ началъ доказывать права и даже преимущества

раскола, сводя свои доказательства большей частію къ гуманитарной точкѣ зрѣнія.

Необходимость обратиться къ батюшкѣ оказалась неизбѣжной. Не безъ волненія и робости всходили мы по лѣстницѣ двухъ-этажнаго дома, направляясь въ квартиру батюшки. Мы не намѣрены были полемизировать, обличать, убѣждать: пріобрѣтенныя свѣдѣнія казались намъ слишкомъ недостаточными для этого. Цѣль предполагавшейся бесѣды заключалась въ томъ, чтобы узнать, какимъ образомъ старообрядчество находитъ возможнымъ вѣрить тому, что такъ ясно и убѣдительно опровергнуто полемикой о. Павла. Не смотря на такое миролюбивое, исключающее всякій полемическій азартъ, намѣреніе, мы все-таки опасались неловкости положенія обличемаго. Насъ встрѣтилъ самъ батюшка довольно почтеннаго вида. Мы объяснили ему цѣль нашего прихода въ томъ смыслѣ, что намъ крайне интересно знать, какимъ образомъ старообрядцы разрѣшаютъ тѣ, представляемые полемикой православной Церкви вопросы, относительно которыхъ мы полагаемъ, что они совершенно неразрѣшимы. Въ качествѣ такихъ вопросовъ, мы, слѣдуя извѣстной бесѣдѣ о. Павла съ защитникомъ австрійской іерархіи Семеномъ Семеновичемъ [1]), предложили ему, какъ члену австрійскаго священства, вопросы объ одолѣнности ихъ церкви, не имѣвшей епископа до 1846 года, о заимствованіи благодати хиротоніи у еретиковъ, о принятіи Амвросія, о единоличномъ поставленіи имъ епископа и т. д. Мы ожидали отъ собесѣдника если не логически убѣдительной, то пламенной по чувству рѣчи, но обманулись. Смиренный отвѣтъ отца заключался приблизительно въ томъ, что онъ, какъ членъ Бѣлокриницкой іерархіи, отрицать законности ея не можетъ, но какимъ образомъ доказывается эта законность, онъ совершенно не вѣдаетъ. На мое крайнее удивленіе по этому поводу, онъ отвѣчалъ, что не имѣетъ на это дара Св. Духа: «вы сами знаете, сказалъ онъ, что дары Св. Духа различны, овому бо дается пѣніе, овому чтеніе». Звучный баритонъ собесѣдника объяснилъ намъ дѣйствительное достоинство этого представителя австрійскаго священства и своими вопросами мы болѣе его не безпокоили [2]). Получивъ совѣтъ за разрѣшеніемъ

---

[1]) Собр. соч. арх. Павла, ч. I, стр. 267.

[2]) Впослѣдствіи мы узнали, что этотъ отецъ, настоятель моленной, что вблизи Братскаго монастыря, служилъ на фабрикѣ Морозова простымъ прикащикомъ и получилъ свой санъ благодаря исключительно своему усердію къ церковнымъ службамъ, гдѣ отличался чтеніемъ и пѣніемъ.

своихъ недоумѣній обратиться къ Евфиму Мельникову, настоятелю старообрядческой моленной въ Новозыбковѣ[1]), мы простились съ этимъ отцомъ.

Довольство, которымъ дышали и самъ отецъ и члены его семейства, богатая обстановка ясно говорили намъ, что этому пастырю не представляется никакихъ побудительныхъ мотивовъ пускаться въ головоломныя изысканія относительно «правильности», или «неправильности» тѣхъ или другихъ религіозныхъ воззрѣній. Этимъ только онъ обезпокоилъ бы себя безъ всякой надобности: прихожане его объ этомъ не спрашиваютъ, собственная совѣсть усыплена различными софистическими мудрствованіями, въ родѣ вышеуказаннаго разсужденія о дарахъ Св. Духа. Такой пастырь имѣетъ въ виду только тучныхъ овецъ своего стада: этимъ нужны требоисправленія, ему—содержаніе, обѣ стороны довольны другъ другомъ и составляютъ крѣпость раскола, разрушеніе которой нужно начинать во всякомъ случаѣ не съ пастыря, которому конечно трудно разстаться съ своими тучными овцами.

Всѣ указанныя попытки къ собесѣдованіямъ оказывались неудачными въ томъ отношеніи, что намъ не пришлось встрѣтиться съ самозащитой раскола; случай такой вскорѣ представился. Мы посѣтили другого старообрядческаго пастыря, настоятеля другой моленной въ Кіевѣ, находящейся на Почаевской улицѣ. Не смотря на преклонныя лѣта, о. Кириллъ, такъ зовутъ настоятеля, сохранилъ свѣжесть памяти, быстроту соображенія и живость темперамента. Въ молодыхъ лѣтахъ онъ жилъ въ Бѣлой Криницѣ, гдѣ познакомился и съ Павломъ Васильевымъ и м. Амвросіемъ; жилъ онъ нѣкоторое время и на Рогожскомъ кладбищѣ, и зналъ всѣхъ вліятельныхъ людей въ расколѣ; былъ знакомъ онъ и съ о. Павломъ. Бесѣда наша, поддерживаемая его сыномъ, довольно свѣдущимъ въ расколѣ, продолжалась довольно долго. Здѣсь мы убѣдились, что крѣпость раскола у такихъ сравнительно достойныхъ представителей его, составляетъ то твердое убѣжденіе, что въ настоящее время истина православія сохранилась только въ расколѣ. Это убѣжденіе

---

[1]) Извѣстный наставникъ старообрядцевъ, ратующій въ пользу раскола вмѣстѣ съ сыновьями. Онъ составилъ извѣстные десять вопросовъ о единовѣріи, на которые отвѣчалъ о. Павелъ (Собр. соч. ч. III, стр. 304).

настолько прочно укоренилось здѣсь, что его не колеблютъ самые ясные доводы: въ крайнемъ случаѣ, если не помогутъ ни прежнія, ни новоизмышленныя увертки и раскольникъ остается рѣшительно безотвѣтнымъ, даже и въ этомъ случаѣ онъ ни за что не согласится стать на другую сторону. На такое упорство не подѣйствуютъ никакія средства убѣжденія.

Конечно и здѣсь наше опасеніе оказаться въ положеніи обличаемаго оказалось напраснымъ: защищался о. Кириллъ. Здѣсь, прежде всего, намъ пришлось убѣдиться въ необыкновенной гибкости раскольнической самозащиты. Эта самозащита представляетъ явленіе способное къ безконечнымъ варіаціямъ, къ безконечному развитію, при чемъ пассажи бываютъ на столько новы, такъ неожиданны, что является сомнѣніе относительно собственной правоспособности доказать (именно для старообрядца) ихъ полную неосновательность. Мы имѣли сравнительно недолгую бесѣду; собесѣдниковъ своихъ мы не назовемъ представителями начетничества и однако намъ были предложены такіе отвѣты, спеціальнаго разрѣшенія которыхъ не имѣется даже въ полемикѣ о. Павла. На нашъ вопросъ о неодолѣнности церкви о. Кириллъ отвѣчалъ, что это обвиненіе не приложимо къ ихъ церкви, она не была одолѣна,—она имѣла священство и спасительныя таинства. На наши доводы, что въ понятіи Христомъ обѣщанной неодолѣнности нужно мыслить полную неодолѣнность, а не ту, при которой церковь осталась безъ іерея, безъ жертвенника, безъ хиротоніи, о. Кириллъ отвѣчалъ, что все это было у нихъ «и мyро было: съ кладбища (Рогожскаго) разсылали, я самъ возилъ, нужды нѣтъ, что его разбавили». Повторяемъ, полемика не была нашей цѣлью, насъ интересовало только разрѣшеніе собственнаго недоумѣнія, поэтому мы и не старались доказывать о. Кириллу нелѣпость его оправданій. Разговорились между прочимъ о мyрѣ. «А не за вашу ли память, сказали мы, ваши поповцы въ самоварѣ его варили»? «А ты видѣлъ»? спрашиваетъ о. Кириллъ. «То, говоримъ, въ исторіи можно видѣть». «Да исторіи-то пишутъ ваши, что хотятъ, то и напишутъ»,—отвѣчалъ мнѣ на это о. Кириллъ.—Мы выбрали, наконецъ, фактъ, гдѣ спорамъ мѣста не оставалось и незаконность старообрядчества выступала во всей неприкровенности, именно фактъ единоличнаго поставленія м. Амвросіемъ епископа, вопреки Апостольскимъ правиламъ. «Это по нуждѣ», замѣтилъ о. Кириллъ. «А гдѣ, говоримъ, написано, что по нуждѣ

можно такъ поступать»? «Говорятъ тебѣ по нуждѣ»! возгласилъ о. Кириллъ и мы поняли, что тамъ, гдѣ дѣйствуетъ ослѣпленный фанатизмъ, нельзя требовать ни безпристрастія, ни разумности.

Говорили мы и о разностяхъ обрядовыхъ, въ частности о перстосложеніи съ историко-археологической точки зрѣнія и самимъ опытомъ убѣдились въ справедливости словъ о. Павла относительно безплодности собесѣдованій на этой почвѣ. О. Кириллъ провелъ, между прочимъ, здѣсь ту тонкую мысль, что если Денисовъ ссылается на извѣстные памятники, какъ на памятники двуперстнаго сложенія, а о. Павелъ объ этихъ же памятникахъ говоритъ, что они болѣе подходятъ къ именословному благословенію, то очевидно, аки бы, что они «преписаны», о чемъ будто бы и самъ о. Кириллъ слышалъ отъ своихъ иконописцевъ. По примѣру самого о. Кирилла мы замѣтили ему, что иконописцы эти тоже раскольники, а о именословномъ благословеніи свидѣтельствуютъ мозаики Константинопольской Софіи, построенной въ V вѣкѣ, изданныя и засвидѣтельствованныя ни православнымъ, ни старообрядцемъ, а совершенно постороннимъ нѣмцемъ. Но имя нѣмца внушило о. Кириллу еще большее подозрѣніе. Указаніе на сложеніе перстовъ св. Спиридона просфорника не имѣло значенія: о. Кириллъ увѣрялъ, что онъ самъ видѣлъ эту десницу и нашелъ ея перстосложеніе болѣе подходящимъ къ двуперстію, только теперь персты разошлись отъ смертнаго безсилія. Но въ разсужденіи о сложеніи перстовъ у свв. Иліи Муромца и Іосифа многоболѣзненнаго [1]) о. Кириллъ остался совершенно безотвѣтнымъ. Если принимать во вниманіе, сказали мы, что смертная немощь, какъ сами вы говорите, разгибаетъ персты, то на означенныхъ десницахъ два нижніе перста, только нѣсколько склоняемые въ двуперстіи къ большому пальцу, совершенно должны были бы выпрямиться, а между тѣмъ изъ приложеннаго изображенія мы видимъ, что эти персты очень близко ко длани пригбены, что только бываетъ въ троеперстіи [2]). О. Кириллъ послѣ этого видимо заподозрилъ вѣрность приложенныхъ изображеній.

---

[1]) „Обличеніе неправды раскольническія“ арх. Ѳеофилакта, табл между 21—22 страницами.

[2]) Признаемся, такое объясненіе, случайно блеснувшее намъ, несказанно насъ обрадовало. У о. Павла его нѣтъ, тамъ говорится только, что означенныя мощи свидѣтельствуютъ о троеперстіи (Замѣч. на Поморск. отв. стр. 108—109).

Въ доказательство древности употребленія троеперстія мы сослались, между прочимъ, на извѣстное сказаніе изъ жизни м. Іоны, когда въ сонномъ состояніи онъ держалъ руку надъ своей головой такъ, «якоже благословляше ею». Этотъ аргументъ представлялся намъ неопровержимымъ. У о. Павла онъ также приводится, какъ несомнѣнное доказательство того, что для благословенія и для молитвы существовало у насъ въ древности два совершенно различныхъ перстосложенія. А между тѣмъ, къ великому удивленію, о. Кириллъ лишилъ его всякой доказательности. Благословляющей рука казалась не потому, сказалъ онъ, что имѣла именословное сложеніе перстовъ, но потому, что она была согбена надъ главой Іоны, какъ и пишется: «во время сна десную свою руку на главѣ своей держаше согбену, яко благословляше ею». Какъ извѣстно, даже такой хитроумный защитникъ раскола, какъ Денисовъ, намѣренно умолчалъ объ этомъ свидѣтельствѣ, не имѣя возможности перетолковать его въ свою пользу. Но съ чѣмъ когда то не могла справиться артистически безсовѣстная ловкость Денисова, то теперь свободно обезоруживаютъ даже слабые начетчики раскола.

Совершенно безотвѣтными оставались наши собесѣдники, когда въ разсужденіи относительно обрядовыхъ разностей мы становились на рекомендуемую о. Павломъ точку зрѣнія, именно—составляютъ ли эти разности измѣненія догматическія, изъ-за которыхъ можно было бы ратовать и раздѣляться. На всѣ слововитійства, цѣлію которыхъ было сблизить и отождествить догматъ съ обрядомъ, мы просили показать «отъ книгъ», гдѣ то писано и краснорѣчіе потухало, какъ залитый водой огонь. Однако слѣдствіемъ такого оборота дѣла было не умягченіе фанатичности, но еще большее ожесточеніе и чѣмъ не убѣдительнѣе были доводы, тѣмъ болѣе и болѣе возрастало раздраженіе и упорство. Человѣческія средства здѣсь, очевидно, не дѣйствительны и только Божественная благодать можетъ отверзти имъ сердце внимати словесамъ Евангелія.

Н. Беренскій.